

[Polaris]

ТАЙНА

МУМИИ

Рассказы о мумиях

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXIX

Salamandra P.V.V.

ТАЙНА МУМИИ

**Рассказы о
мумиях**

Том II

Составление и комментарии
А. Шермана

Salamandra P.V.V.

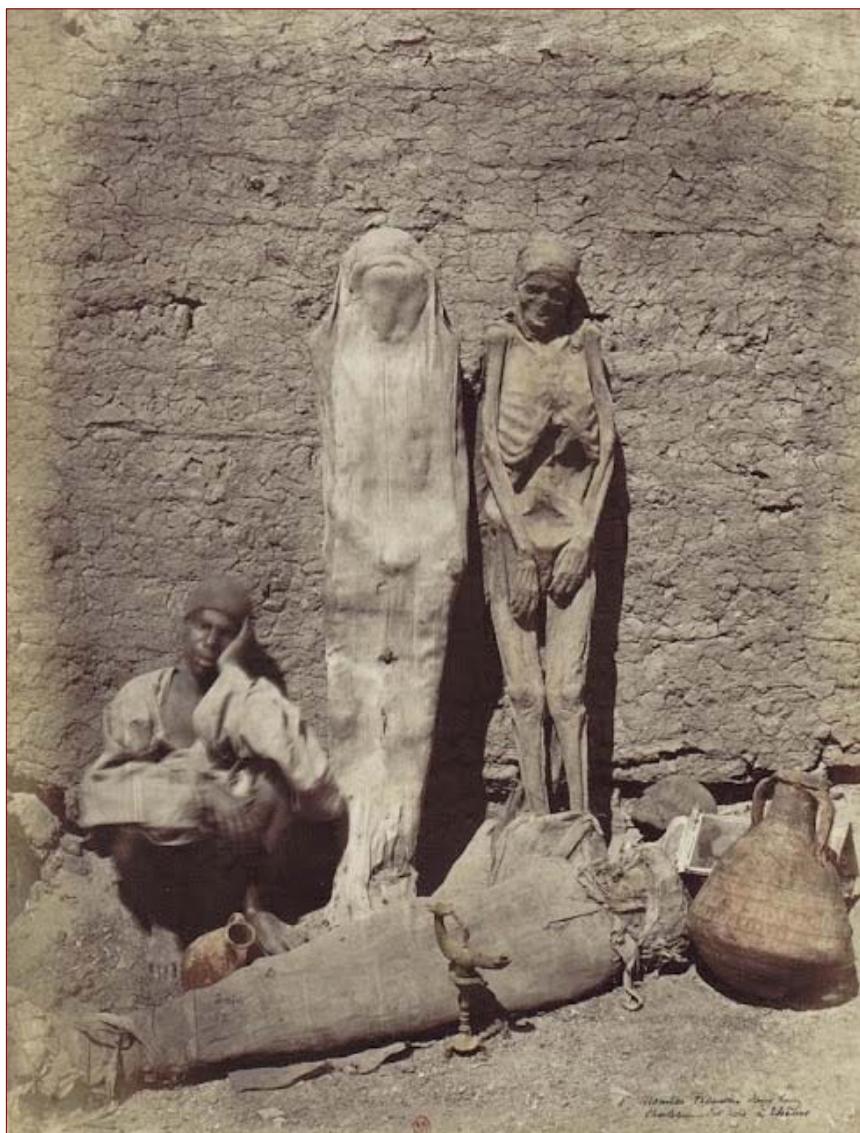
Тайна мумии: Рассказы о мумиях. Том II. Сост. и комм. А. Шермана. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 207 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXIX).

В уникальной трехтомной антологии «Рассказы о мумиях» собраны многочисленные фантастические произведения о таинственных мумиях Древнего Египта, включая наиболее редкие и никогда не переводившиеся на русский язык. Книга дополнена рядом статей о мумиях и их образах в высокой и популярной культуре. Это издание можно смело назвать одной из самых представительных антологий классических историй о мумиях в мировой практике.

© Authors, translators, 2015

© А. Sherman, состав, комментарии, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

Mummies from the
Tomb of the Kings

**ТАЙНА
МУМИИ**

Е. и Х. Херон
ИСТОРИЯ БЭЛБРОУ
(1898)

Прискорбно, что столь многие воспоминания мистера Флаксмана Лоу связаны с наиболее мрачными эпизодами его деятельности. Впрочем, это практически неизбежно, так как по преимуществу сугубо научные и менее яркие случаи, вероятно, показались бы широкой публике малоинтересными, какими бы ценными и поучительными они ни представлялись знатоку предмета. Мы также рассудили, что предпочтительней будет ознакомить публику с завершенными расследованиями, увенчавшимися некими положительными доказательствами, нежели с теми многочисленными случаями, когда нить внезапно обрывалась, оставляя лишь догадки, которые невозможно было подвергнуть убедительной проверке.

К северу от полосы низин выдается в море тупоносый мыс Бэл-Несс. На мысе, в окружении сосен, стоит квадратный и удобный каменный особняк, известный в округе как Бэлброу. Без малого триста лет встречает он лицом к лицу восточный ветер и все это время в нем проживает семейство Сваффамов; их горячую любовь к отчому крову никоим образом не преуменьшает тот факт, что в особняке испокон веку обитает привидение. По правде говоря, Сваффамы даже гордятся Призраком Бэлброу, давно завоевавшим двусмысленную славу, и никто из них, конечно, и не подумал бы жаловаться на его недостойное поведение, пока профессор Юнгворт из Нюренберга не собрал доказательства его вины

и спешно не призвал на помощь мистера Флаксмана Лоу.

Профессор, хорошо знакомый с мистером Лоу, в подробностях изложил, при каких обстоятельствах он поселился в Бэлброу, а затем перешел к неприятным событиям последних недель.

Выяснилось, что мистер Сваффам-старший, проводивший большую часть времени за границей, предложил профессору снять дом на летний сезон. Юнгворты приехали и были совершенно очарованы. Однообразные виды с лихвой искупались широкой панорамой побережья и пьянящим воздухом. Вдобавок, дочь профессора часто навещал ее жених, Гарольд Сваффам, сам же профессор с восторгом занялся ревизией фамильной библиотеки Сваффамов.

Юнгвортов своевременно предупредили о призраке, который придавал старому дому особый шарм, но никогда и ничем не тревожил покой его обитателей. Некоторое время Юнгворты считали, что описание это вполне соответствует истине, но начало октября принесло резкую перемену. До тех пор призраки, как свидетельствовали семейные анналы Сваффамов, оставался лишь тенью, шорохом, кратким вздохом, не принимая определенную форму и не доставляя никаких хлопот. Но в первые дни октября в доме начали происходить странные вещи, и ужас достиг апогея, когда три недели спустя в коридоре была обнаружена мертвая горничная. Именно тогда профессор решил, что пришло время обратиться за помощью к Флаксману Лоу.

Мистер Лоу прибыл холодным вечером; дом уже начал таять в фиолетовых сумерках, ветерок доносил с суши смолистый запах сосен. Юнгворт встретил его в просторном холле, освещенном горевшим в камине огнем. Профессор был плотным немцем с густой шапкой седых волос, круглыми глазами, казавшимися еще больше за стеклами очков, и добрым, мечтательным лицом. Всю свою жизнь он посвятил филологии и знал только два развлечения: игру в шахматы и курение большой пенковой трубки с чашечкой, вырезанной в виде головы Бисмарка.

— Итак, профессор, — сказал мистер Лоу, когда они устроились в курительной, — с чего все началось?

— Я расскажу вам, — ответил Юнгворт, выпятил подбородок, постучал по своей широкой груди и продолжал, словно оскорбленный неслыханной вольностью:

— Начнем с того, что он предстал передо мной!

Мистер Флакман Лоу улыбнулся и заверил собеседника, что начало просто прекрасное.

— Отнюдь не прекрасное! — воскликнул профессор. — Я сидел здесь один; было, если не ошибаюсь, около полуночи. Вдруг я услышал, как по дубовому полу холла кто-то крадется и стучит, точно маленькая собачка когтями: тук-тук. Я свистнул, подумав, что это Рэгс, собачка моей дочери, а затем открыл дверь и увидел... — он помедлил и пристально уставился на Лоу сквозь очки, — нечто, сразу исчезнувшее в переходе между двумя крыльями дома. Это была фигура, напоминавшая человеческую, но тонкая и прямая. Кажется, я заметил копну черных волос и что-то развевающееся и летящее следом, наподобие платка. Меня охватило отвращение. Я снова услышал шаги и царапанье когтей, а затем это нечто остановилось, как мне показалось, у входа в музей. Пойдемте, я покажу вам.

Профессор провел мистера Лоу в холл. Сверху нависал пролет темной и массивной главной лестницы, а прямо под ним начинался упомянутый профессором коридор. Он был более двадцати футов в длину; примерно посередине находилась глубокая ниша с дверью, к которой вели две ступеньки. Юнгворт объяснил, что эта дверь служила входом в большую комнату, называемую музеем, где мистер Сваффам-старший, своего рода просвещенный дилетант, держал различные диковинки, собранные во время путешествий по свету. Далее профессор поведал, что тотчас же последовал за фигурой, которая, по всей видимости, скрылась в музее, но не нашел там ничего, помимо шкафов с сокровищами Сваффамы.

— Я никому об этом не рассказывал, заключив, что видел призрак. Но два дня спустя одна из служанок заявила, что в темноте, когда она шла по коридору, на нее из ниши кинулся какой-то мужчина. Ей удалось вырваться, и она с криками убежала в комнату для прислуги. Мы незамедли-

тельно обыскали дом, но не нашли ничего, что могло бы подтвердить ее рассказ.

Я не обратил внимания на этот случай, хотя он совпадал в деталях с виденным мною. Неделю спустя моя дочь Лена как-то поздно вечером спустилась за книгой. Когда она собиралась пересечь холл, на нее сзади что-то набросилось. В серьезном расследовании от женщин мало толку — она упала в обморок! С тех пор она хворает; врач говорит, что бедняжка «истощена», — развел руками профессор. — Завтра она намерена уехать, чтобы сменить обстановку. Вслед за этим и другие обитатели дома подверглись подобным нападениям; результат был всегда одинаков — они теряли сознание, а после чувствовали лишь слабость и мало что помнили.

Однако в минувшую среду произошла трагедия. К тому времени слуги отказывались проходить по коридору иначе как группами по три-четыре человека, а большинство предпочитало добираться в эту часть дома через террасу. Но одна горничная, по имени Элиза Фриман, сказала, что не боится Призрака Бэлброу, и тем вечером вызвалась потушить свет в холле. Когда она возвращалась по коридору мимо двери музея, на нее, видимо, кто-то напал. Как бы то ни было, она до смерти испугалась. На рассвете ее нашли мертвой возле ступенек. На рукаве у нее расплывалось небольшое кровавое пятно, но на теле не обнаружилось никаких ран, за исключением маленькой выпуклой пустулы под ухом. Врач сказал, что горничная отличалась крайней анемичностью и, вероятно, умерла от испуга, поскольку у нее было слабое сердце. Это удивило меня, так как она всегда казалась исключительно сильной и энергичной молодой женщиной.

— Смогу ли я завтра до отъезда мисс Юнгворт увидеться с нею? — спросил Лоу, когда профессор дал понять, что добавить ему нечего.

Профессору не слишком хотелось подвергать дочь вопросам, но в конце концов он согласился, и наутро Лоу успел до отъезда Лены перекинуться с нею несколькими словами. Она оказалась очень хорошенькой, но апатичной и поразительно бледной девушкой с испуганным взглядом

светло-карих глаз. Мистер Лоу спросил, может ли она описать нападавшего.

— Нет, — ответила она. — Я его не видела; он ведь напал сзади. Помню только, как перед глазами мелькнули темные костлявые пальцы с блестящими ногтями и забинтованная рука, а затем я упала в обморок.

— Забинтованная рука? Это что-то новое.

— Оставьте, просто полет воображения! — нетерпеливо вставил профессор.

— Я видела бинты на руке, — повторила девушка, устало отворачиваясь, — и почувствовала исходящий от нее запах антисептика.

— Вы поранили шею, — заметил мистер Лоу, разглядев маленькое круглое розовое пятно у нее под ухом.

Лена вспыхнула, побледнела, нервным движением резко подняла руку к шее и тихо сказала:

— Он чуть не убил меня. Еще до того, как он до меня дотронулся, я знала, что он там! Я его почувствовала!

Когда они вышли, профессор извинился за ненадежность ее свидетельства и указал на расхождения между показаниями дочери и своими собственными.

— Она утверждает, что не видела ничего, кроме руки, а я говорю вам, что у него не было рук! Какой абсурд! Вообразите только раненое существо, которое пробирается в дом, чтобы пугать молодых женщин! Не знаю, что и думать! Это человек или Призрак Бэлброу?

В послеобеденный час, вернувшись с прогулки по берегу, мистер Лоу и профессор увидели мрачного молодого человека с бычьей шеей и резкими чертами лица, угрюмо стоявшего у камина в холле. Профессор представил его мистеру Лоу как Гарольда Сваффама. Последнему можно было дать около тридцати, но он уже завоевал на лондонской бирже репутацию дальновидного и успешного игрока.

— Рад познакомиться, мистер Лоу, — начал он, бросив на собеседника пронизательный взгляд. — Должен заметить, что для человека вашей профессии вы выглядите не слишком чувствительным и нервным.

Мистер Лоу только поклонился.

— Вы не собираетесь защищать свое ремесло от моих инсинуаций? — продолжал Сваффам. — Выходит, вы намерены изгнать из Бэлброу наше бедное старое привидение? Вы забываете, что это наше наследие, фамильная ценность! И что это тут поговаривают, будто оно взбесилось? — закончил он, бесцеремонно поворачиваясь к Юнгворту.

Профессор повторил свой рассказ. Было ясно, что в присутствии будущего зятя он испытывал благоговейный трепет.

— Что-то похожее я услышал от Лены, которую встретил на станции, — сказал Сваффам. — По моему мнению, женщин в этом доме поразила эпидемия истерии. Вы согласны со мной, мистер Лоу?

— Возможно. Хотя истерией трудно объяснить смерть горничной.

— Здесь я ничего не могу сказать, мне необходимо прежде изучить все детали. Приехав, я не сидел сложа руки. Осмотрел музей. Снаружи в него никто не входил, а единственная дверь выходит в коридор. Под половицами, насколько я знаю — толстый слой бетона. В настоящий момент таковы все известные нам обстоятельства дела о призраке.

На несколько секунд он глубоко задумался, затем резко обернулся к мистеру Лоу; похоже, он поступал так всякий раз, когда собирался к кому-либо обратиться.

— У меня возник план — что скажете, мистер Лоу? Я предлагаю отвезти профессора в Ферривейл и на день-два поселить его в гостинице; я также удалю оставшихся в доме слуг, скажем, на сорок восемь часов. Тем временем мы с вами попробуем разгадать секрет новых фокусов нашего призрака.

Флакман Лоу ответил, что этот план в точности совпадает с его предложениями. Профессор начал было возражать, однако Гарольд Сваффам любил делать все по-своему, и не прошло и сорока пяти минут, как они с Юнгвортом отбыли в двуколке.

К вечеру на небо набежали тучи. Бэлброу, подобно всем зданиям, выстроенным на открытой местности, был крайне восприимчив к переменам погоды. Не прошло и нескольких

часов, как дом наполнился скрипом и треском; в закрытые ставнями окна ломился воюющий штормовой ветер, ветви деревьев, стена, бились о стены.

На обратном пути Гарольд Сваффам был застигнут бурей и промок до костей. Вследствие этого было решено, что он переоденется и отдохнет часа два на диване в курительной, пока мистер Лоу будет дежурить в холле.

Начало ночи прошло без происшествий. Тусклый свет горел в большом, обшитом деревянными панелями холле, но коридор был погружен в темноту. Слышались только дикие стоны и свист ветра, налетавшего с моря, и окна гудели от порывистых ударов дождевых струй. Чуть погодя мистер Лоу зажег приготовленный заранее фонарь и, освещая себе путь, прошел по коридору к двери музея. Дверь подавалась под его рукой, и дыхание ветра что-то зашептало ему на пороге. Он проверил ставни, заглянул за высокие шкафы с сокровищами Сваффамы, чтобы убедиться, что в комнате, кроме него, нет ни единой живой души.

Внезапно ему почудилось, что позади раздалось какое-то царапанье; он обернулся, но не увидел ничего, что могло бы издать подобный звук. Наконец он поставил фонарь на скамейку, установив его так, что свет из открытой двери падал в коридор, и вернулся в холл, где потушил лампу и снова занял свой пост у закрытой двери курительной.

Медленно тянулись минуты; ветер продолжал завывать в широкой каминной трубе, старые половицы потрескивали, словно из всех уголков дома доносились крадущиеся шаги. Но Флакман Лоу не обращал внимания на голоса дома; он ждал определенного звука.

Через некоторое время он услышал этот звук — осторожный скрежет дерева о дерево. Он наклонился вперед, наблюдая за дверью в коридоре. По выложенному плитками полу музея странно процокало, как собачьи когти, что-то непонятное; затем существо, кем бы оно ни было, остановилось за открытой дверью и стало прислушиваться. Ветер на миг утих, и Лоу, в свою очередь, прислушался, но не слышал ни звука — лишь в широкой полосе света, падавшего из-за двери, выросла призрачная тень.

Порывы ветра с новой силой обрушили на дом тяжелые удары, и даже пламя в фонаре замерцало; когда свет снова сделался ровным, Флаксман Лоу увидел, что бесшумная фигура миновала дверь и стояла теперь на ступеньках снаружи. Он едва различал смутную тень в темном углу ниши.

Затем бесформенная тень издала звук, который мистер Лоу никак не ожидал услышать. Существо принюхалось, сделал глубокий, ясно различимый вдох, как медведь или другое крупное животное. В то же мгновение гулявший по холлу сквозняк донес до мистера Лоу слабый, незнакомый запах. Он вспомнил слова Лены Юнгворт — так вот оно, существо с забинтованной рукой!

И вновь, в реве бури и стуке ставен, луч света пересекла тьма. Существо выпрыгнуло из ниши, и Флаксман Лоу понял, что оно приближается к нему сквозь обманчивую черноту холла. Секунду он медлил, затем распахнул дверь курительной.

Гарольд Сваффам, еще сонный, приподнялся на диване.

— Что случилось? Призрак явился?

Лоу рассказал ему о том, что видел. Сваффам выслушал его с кривой улыбкой.

— И что вы теперь думаете? — спросил он.

— Я попросил бы вас немного подождать с этим вопросом, — ответил Лоу.

— Иными словами, я должен полагать, что у вас имеется теория, объясняющая все эти нелепости?

— Теория у меня имеется, но она может измениться в зависимости от того, что нам предстоит узнать, — сказал Лоу. — Однако сейчас мне хотелось бы выяснить, правильно ли я заключил, исходя из названия дома, что он построен на могильном холме или кладбище?

— Вы правы, хотя это никак не связано с последними выходками нашего призрака, — решительно заявил Сваффам.

— Как я понимаю, мистер Сваффам недавно прислал домой один из тех многочисленных ящиков, которые лежат сейчас в музее? — продолжал мистер Лоу.

— Да, действительно, он прислал один ящик в прошлом сентябре.

— И вы его открыли, — добавил Лоу.

— Верно, хотя и тешился надеждой, что не оставил никаких следов своей работы.

— Я не осматривал ящики, — сказал Лоу. — Я пришел к такому выводу на основании других фактов.

— И еще кое-что, — произнес Сваффам, продолжая улыбаться. — Как вы считаете, грозит ли какая-нибудь опасность... разумным мужчинам вроде нас? Истеричных женщин нельзя всерьез принимать в расчет.

— Безусловно. Любому, кто вздумает в одиночку разгуливать по этому крылу дома после наступления темноты, угрожает смертельная опасность.

Гарольд Сваффам откинулся на спинку дивана и скрестил ноги.

— Возвращаясь к началу нашей беседы, мистер Лоу, позвольте напомнить вам о различных противоречивых деталях, которые вам придется согласовать, прежде чем представить миру стройную теорию.

— Мне это хорошо известно.

— Начнем с того, что наш первоначальный призрак являл лишь некое туманное присутствие, о котором можно было только догадываться по смутным шорохам и теням. Но сейчас появилось нечто осязаемое и способное, как мы видим, напугать человека до смерти. Далее, Юнгворт заявляет, что существо было тонким, высоким и несомненно лишенным рук, в то время как мисс Юнгворт не только видела руку и пальцы, но и разглядела их так отчетливо, что поведала нам о блестящих ногтях и бинтах. Она также испытала силу этой руки. С другой стороны, Юнгворт описывал, как существо стучало когтями, подобно собаке, — а вы подтверждаете это описание и добавляете, что оно принюхивалось, как дикий зверь. Но что это за создание? Его можно увидеть, можно почувствовать его запах и прикосновение, и при этом оно благополучно прячется в комнате, где не скрылась бы даже кошка! И вы по-прежнему утверждаете, что сумеете все объяснить?

— Разумеется, — убежденно ответил Флакман Лоу.

— У меня нет ни малейшего намерения или желания показаться грубым, но простой здравый смысл заставляет меня честно и прямо высказать свое мнение. Я считаю, что загадочное существо — порождение воспаленного воображения, и собираюсь это доказать. По вашему мнению, сегодня ночью нам все еще угрожает опасность?

— Да, и опасность очень серьезная, — ответил Лоу.

— Что ж, как сказано, я намерен доказать свою правоту. Позвольте мне запереть вас в одной из дальних комнат, откуда вы не сможете прийти мне на помощь. Я проведу остаток ночи, расхаживая в темноте по коридору и холлу. Так или иначе, мы получим доказательство.

— Можете так и поступить, если настаиваете, но по крайней мере прошу разрешить мне наблюдать за вашим опытом. Я выйду наружу и буду следить за вами через окно в коридоре, которое я видел напротив двери музея. Было бы несправедливо отказать мне в праве выступить свидетелем.

— Спорить не стану, — ответил Сваффам. — Однако ночка выдалась такая, что хороший хозяин собаку из дома не выгонит, а я предупреждаю, что запру за вами дверь.

— Не имеет значения. Одолжите мне макинтош и пусть в музее, на том же месте, где я его оставил, горит фонарь.

Сваффам согласился. О дальнейших событиях красочно повествует мистер Лоу. Он вышел, дверь за ним сразу же была заперта; ошупью бредя в темноте, он обогнул дом и наконец оказался у окна коридора, находившегося почти напротив двери музея. Дверь была по-прежнему открыта, тонкая полоса света прорезала сумрак. Чуть дальше зиял черный и пустой провал холла. Лоу, стараясь укрыться от дождя, ожидал появления Сваффама. Затаился ли в темном углу напротив ужасающий желтый хищник на тощих ногах, готовый со смертоносной яростью наброситься на любого, кто осмелится пройти мимо?

Затем Лоу услышал, как в глубине дома захлопнулась дверь, и через мгновение появился Сваффам; в руке он держал свечу, островок слабых лучей на фоне непроницаемой черноты. Он шел по коридору размеренными шагами, на

его смуглом лице была написана мрачная решимость. Когда он приблизился, мистер Лоу ощутил холодок, что так часто предвещает странные повороты судьбы. Сваффам миновал окно и углубился в коридор. Дверь музея еле заметно дрогнула, и в коридор за его спиной выпрыгнула тощая фигура со сморщенной головой. Хриплый крик, шум падения и полная темнота слились воедино.

Мистер Лоу мгновенно разбил стекло, открыл окно и бросился с подоконника в коридор. Там он зажег спичку и в дрожащем свете ее огонька увидел картину, проступившую на мгновение из тьмы.

На полу с распростертыми руками лицом вниз лежало тяжелое тело Сваффама; на глазах у Лоу от упавшего человека отделилась согбенная тень, подняв над плечом несчастного жуткую узкую голову.

Огонек спички слабо задрожал и погас, и Лоу услышал быстрый стук когтей по полу. Он нащупал свечу, которую обронил Сваффам, зажег ее, наклонился над упавшим и перевернул его на спину. Вся кровь отхлынула от лица Сваффама; белое как воск лицо казалось еще белее по контрасту с черными волосами и бровями, а на шее, под ухом, вздулась маленькая пустула, откуда стекала к скуле тонкая кровавая струйка.

В это мгновение, движимый каким-то бессознательным чувством, Лоу поднял глаза. Из-за двери музея наполовину высовывалась костлявая шея и лицо — надменное, злое, тусклым взглядом, запавшими глазницами и оскаленными потемневшими зубами. Рука Лоу нырнула в карман, и по коридору и холлу эхом раскатился выстрел. В разбитом окне вздохнул ветер, на навощенном полу затрепетал узкой лентой обрывок бинта, и видение исчезло, а Флакман Лоу с трудом потащил Сваффама в курительную.

Прошло некоторое время, прежде чем тот пришел в сознание. Лоу рассказал, как нашел его в коридоре; Сваффам слушал с гневным красным блеском в темных глазах.

— Призрак провел меня, — произнес он со странным глуховатым смешком, — но теперь, думаю, пришла моя очередь! Нужно отправиться в музей и тщательно его осмотр-

реть, однако сперва позвольте мне узнать ваше мнение о происшедшем. Вы оказались правы, говоря, что нам угрожает серьезная опасность. Сам я могу лишь добавить, что почувствовал, как на меня что-то набросилось, и больше я ничего не помню. Боюсь, если бы этого не случилось, я не стал бы вторично спрашивать, что вы думаете о случившемся, — прибавил он с мрачной откровенностью.

— Главных улик две, — ответил Лоу. — Обрывок желтоватого бинта, который я только что подобрал с пола в коридоре, и отметина у вас на шее.

— Что вы сказали? — Сваффам быстро вскочил на ноги и принялся изучать свою шею в зеркальце, висевшем сбоку от каминной полки.

— Стоит лишь связать их, и вы наверняка сами сумеете во всем разобраться, — сказал Лоу.

Сваффам задумался.

— Будьте любезны, изложите свою теорию полностью, — буркнул он вскоре.

— Хорошо, — добродушно ответил Лоу, так как в сложившихся обстоятельствах раздражительность Сваффаме показалась ему вполне естественной. — Длинная и узкая фигура, которая показалась профессору лишенной рук, при следующем появлении обретает новые свойства. Мисс Юнгворт видит забинтованную руку и темные пальцы с блестящими — что, конечно же, означает позолоченными — ногтями. Постукивание при ходьбе соответствует этим деталям, поскольку нам известно, что сандалии, сделанные из полосок кожи, часто встречаются вместе с позолоченными ногтями и бинтами. Старая высохшая кожа, вполне понятно, будет издавать стук при соприкосновении с навощенными полами.

— Браво, мистер Лоу! Вы хотите сказать, что призрак нашего дома — мумия?!

— Так я считаю, и все, что я видел, лишь укрепляет меня в этом мнении.

— Воздам вам должное, ведь эта теория сложилась у вас еще до сегодняшнего вечера — собственно, еще до того, как вы сами что-либо увидели. Вы заключили, что отец прис-

лал домой мумию, а затем пришли к выводу, что я открыл ящик.

— Да. Полагаю, вы удалили все или почти все внешние покровы, оставив конечности свободными; на них были одни только бинты, обернутые вокруг каждой конечности. Мне думается, что эту мумию бальзамировали по фиванскому методу, используя ароматические специи, которые придали коже оливковый цвет и сделали ее сухой и гибкой, как дубленая шкура; черты лица остаются при этом узнаваемыми, а волосы, зубы и брови сохраняются в совершенстве.

— Звучит убедительно, — сказал Сваффам. — Однако, чем объяснить периодическое пробуждение мумии к жизни? Отметины на шее у жертв ее нападений? И как связан со всем этим наш старинный Призрак Бэлброу?

Сваффам старался говорить оживленным тоном, но его волнение и упадок духа были очевидны, несмотря на все попытки их скрыть.

— Начнем с самого начала, — сказал Флакسمан Лоу. — Всякий, кто объективно и рационально изучает спиритические феномены, рано или поздно сталкивается с некими загадочными явлениями, которые не в силах объяснить ни одна из распространенных теорий. По причинам, в которые сейчас нет необходимости вдаваться, мне кажется, что настоящий случай принадлежит к этой категории. Я вынужден заключить, что призрак, который на протяжении стольких лет извещал о своем существовании лишь мерклыми, туманными проявлениями, является вампиром.

Сваффам недоверчиво дернул головой.

— Мы нынче не в Средние века живем, мистер Лоу! Кроме того, откуда здесь взяться вампиру? — насмешливо заметил он.

— Некоторые известные исследователи данных предметов считают, что сочетание определенных условий может привести к самозарождению вампира. Вы говорите, что дом этот построен на древнем могильном холме, то есть в таком месте, где вполне естественно ожидать появления первичного психического эмбриона. В мертвых человеческих организмах содержатся все семена добра и зла. Сила, кото-

рая заставляет данные семена или эмбрионы прорасти — не что иное, как мысль, и если веками предаваться мысли, лелеять ее, она может в конце концов обрести таинственную жизненную силу, которая будет увеличиваться, вовлекая в себя подходящие и необходимые элементы из своего окружения. Этот эмбрион долгое время оставался беспомощным разумом, который ждал возможности принять материальную форму и посредством ее осуществить свои желания. Невидимое и есть реальность; материальное лишь способствует его проявлению. Нечувствительная реальность уже существовала, когда вы обеспечили ее действенным физическим носителем, распеленав мумию. Мы можем судить о природе эмбриона только по его проявлениям в материальном мире. В них мы видим все признаки вампирического разума, который пробудил к жизни и наполнил энергией мертвое человеческое тело. Отсюда отметины на шеях жертв, а также их вялость и малокровие: вампиры, как вы знаете, питаются кровью.

Сваффам поднялся и взял фонарь.

— Отправимся за доказательствами, — отрывисто бросил он. — Хотя... минутку, мистер Лоу. Вы говорите, что выстрелили в это привидение? — И он взял револьвер, который Лоу положил на стол.

— Да, я целился в ногу, мелькнувшую на ступеньках.

Не произнося больше ни слова, с револьвером наготове, Сваффам направился к музею. Лоу двинулся за ним.

Вокруг дома завывал ветер, и предрассветная тьма окутывала мир, когда перед ними открылось самое невероятное зрелище, когда-либо заставлявшее содрогаться людские сердца.

Наполовину свесившись наружу из продолговатого деревянного ящика в углу большой комнаты, лежала тощая фигура в прогнивших желтых бинтах; чахлая шею венчали растрепанные волосы. Передняя полоса кожи на сандалии и часть правой ступни были отстрелены.

Сваффам с дергающимся лицом посмотрел на мумию и затем, схватившись за разорванные бинты, швырнул ее в

ящик, где мумия застыла как живая, разинув широкий рот с влажными губами.

На мгновение Сваффам замер над ней; затем он выругался, поднял револьвер и принялся снова и снова мстительно стрелять в ухмыляющееся лицо. Под конец он втиснул существо в ящик и, схватив оружие за ствол, разнес на куски голову мумии с таким взрывом злобы, что вся эта ужасная сцена стала напоминать убийство.

После, повернувшись к Лоу, он сказал:

— Помогите мне закрыть крышку.

— Вы намерены ее похоронить?

— Нет, мы должны избавиться от нее землю, — свирепо произнес Сваффам. — Я положу ее в старое каноэ и сожгу.

На рассвете дождь прекратился, и они перенесли на берег ветхое каноэ. Внутри они положили ящик вместе с его чудовищным обитателем и обложили ящик вязанками хвороста. Парус был поднят, дерево загорелось, и Лоу со Сваффамом молча смотрели, как каноэ подхватил отлив — сперва виднелась мерцающая искорка, после вспыхнуло дрожащее пламя, пока наконец далеко в море не завершилась история этого мертвого существа, чей конец наступил спустя 3000 лет после того, как жрецы Амона положили мумию на вечный покой в предназначенной ей пирамиде.

Кабинет диковинок. Гравюра из книги Анн-Клода де Келюса «Собрание египетских, этрусских, греческих, римских и галльских древностей» (1752-1755).

Герберт У. Кротцер
БРОНЗОВЫЙ ПОСТАМЕНТ
(1898)

— Стало быть, добрые люди поверили, что я рассказал правду, только правду и ничего, кроме правды?

— Ну конечно, — ответил я. — Все отметили, что рассказанное полностью совпадало с газетными отчетами о твоих открытиях. Нас особенно впечатлило то, как внимателен ты был к деталям — и как старался, если уж на то пошло, излагать все в подробностях, не оставляя ни малейшего обстоятельства на волю воображения слушателей.

— Именно так, — отвечал мой друг. — Я заметил, как вы все внимали, точно я вещал библейские истины. Но дело в том, Фрэнк, что о самом примечательном из случившегося со мной я вовсе не упомянул в своем повествовании.

Я с удивлением взглянул на говорившего, но он только задымил своей старой, выдавшей виды трубкой, словно произнес самую обычную вещь в мире.

Эдвард Ван Зант, исследователь и путешественник, был моим старинным другом, университетским приятелем, а теперь и почетным гостем.

Еще в колледже Нед увлекся всем мертвым и скрытым из виду, археологией и тому подобным; набравшись всех знаний, какими могли поделиться с ним лучшие профессора и университеты нашей и других стран, он взялся за дело: копал тут, ворошил землю там и наконец порядочно изрыл земную поверхность чуть ли не во всех уголках света.

Сейчас, после десяти лет подобных занятий, он вернулся в родной город, весь увешанный медалями и знаками отличия; его слава как путешественника и археолога гремела по всему цивилизованному миру.

Мы только что вернулись с обеда, который был дан в его честь местным научным обществом, и удалились в библиотеку, собираясь покурить и поболтать перед сном.

Наша беседа коснулась прочитанной Недом небольшой лекции о последних нашумевших открытиях, совершенных им в Египте, а также впечатления, которое она произвела на слушателей.

Признание Неда в том, что он намеренно опустил важные сведения, касавшиеся его работы, было для меня сродни откровению, чтобы не сказать большего; мне оставалось

только с изумленной миной выразить испытанное потрясение.

Нед задумчиво выпустил дым и сказал:

— Фрэнк, должен признаться: происшедшее было таким странным, настолько невероятным, что если бы я поведал миру эту историю, меня высмеяли бы, обвинили бы во лжи или решили бы, что я спятил.

— Вот, посмотри, — воскликнул он, сбросил смокинг и манишку, отстегнул воротничок и обнажил плечи и верхнюю часть мускулистой груди. — Вот маленькое свидетельство истинности того, о чем я расскажу; оно всегда со мной.

Я глянул и увидел на его горле, под кустистой бородой, множество шрамов, которые шли вниз, расходились ровными полосами и покрывали едва ли не каждый дюйм открытого участка тела. Могло показаться, что по Неду кто-то прошелся острым гребнем, вырывая куски мяса из тела; что кто-то пытал его каленым железом.

— Силы небесные! — вскричал я. — Какой зверь, какая тварь могла это сделать?

— О да, вполне можно и так сказать, — ответил Нед, надевая одежду и занимая прежнее место в кресле. — Это сделала Тварь, самое ужасное существо, какому Господь позволил рыскать у подножия своего трона.

— Этим вечером я уже рассказывал, — продолжал он, — что отправился изучать небольшую пирамиду в пустыне. Она находилась в миле или двух от оазиса, служившего мне главным лагерем во время исследования указанной области Египта. Как я упоминал, долгие недели нам пришлось копать и снова закладывать пробные раскопы; но наконец нам улыбнулась удача, мы проникли в гробницу под пирамидой и нашли мумии и хранилища драгоценных камней и украшений — доказывавшие, что тела, непотревоженные смертной рукой, пролежали там с того дня, как их похоронили шесть тысяч лет назад. Все это произошло точно так, как я говорил. Скрывать здесь было нечего.

Если помнишь, я рассказывал также, что была совершенна попытка похищения некоторых сокровищ с временного склада; один из моих людей, стоявший в этот момент на ча-

сах, был убит. Я бросился по следам убийцы в лагерь бродячих арабов, подвергся нападению в шатре их шейха и был вынужден убить этого человека, чтобы спасти свою жизнь. Эта часть рассказа в целом довольно правдива, я изложил события в правильной последовательности, но самые важные детали опустил. Вот что случилось на самом деле:

Потратив без всякого результата много недель тяжелого труда на раскопки, я был порядочно обескуражен. Как-то вечером я сообщил своим людям, что если через день или два счастье экспедиции не переменится, я откажусь от нашего предприятия. Я сказал, что на следующий день мы работать не будем, так как последняя попытка будет решающей и следует поберечь силы; затем я предложил всем немедленно вернуться в главный лагерь и хорошенько отдохнуть. Они потрудились на славу и были рады выходному дню; вскоре все направились к оазису, где проводил свободное время весь мой отряд, за исключением местных землекопов.

Я остался в лагере и ранним утром обошел раскопки. Я осмотрел каждую яму, заглянул в каждый шурф и провел тщательные измерения, пытаясь придумать новый план, который привел бы нас к успеху. После этого я вернулся к палатке и собирался уже сесть на раскладной стул перед входом, когда заметил далеко в пустыне какую-то точку. Полевой бинокль подсказал мне, что это небольшой караван — с дюжину нагруженных верблюдов и примерно столько же всадников. Караван направлялся к оазису и должен был пройти в стороне, вдалеке от пирамиды.

Пока я наблюдал в бинокль за путешественниками, передний всадник отделился от колонны и быстро поскакал ко мне; за ним на близком расстоянии следовал верхом кто-то, показавшийся мне издали ребенком. Остальные продолжали путь. Всадники остановили коней ярдах в двадцати от меня; первый спешил и стоял неподвижно, а его крошечный товарищ свернул к пирамиде и исчез за нею; туда же проследовал и оставшийся без всадника конь. Незнакомец приблизился, остановился в нескольких ярдах от меня и, вместо обычного «селяма», отвесил глубокий поклон.

Он не произнес ни слова и застыл, скрестив руки на груди и словно ожидая, что я к нему обращусь. Очень высокий, он держался прямо, будто копьё проглотил, и был одет в простой белый бурнус, распространенный среди племен пустыни.

Раздраженный его молчанием, я наконец воскликнул на арабском:

— Кто ты и что тебе нужно?

Тогда гость подошел ближе и произнес:

— Кто я, не имеет значения; а то, что мне нужно, ты отдашь мне в обмен на мои услуги.

Можешь себе представить, как я был поражен; но не успел я заговорить, как он продолжал:

— Я знаю, что ты — Эдвард Ван Зант, путешественник и исследователь. Мне известно, что ты ожидаешь здесь найти; я знаю и о том, как ты бесплодно трудился, пока не впал в уныние. Откуда мне это известно, касается лишь меня; тебя же касается то, что я, и только я, могу указать тебе путь к гробнице. Она находится здесь, как ты и предполагал. Я укажу тебе путь, если ты обещаешь, по моему выбору, поделиться со мною найденным.

Я, конечно, был удивлен такой осведомленностью обо мне и моих делах и к тому же подсознательно не доверял незнакомцу; но я все-таки решил заставить его раскрыть карты, а заодно разузнать побольше о его требованиях и предложениях.

Пригласив его сесть на валун рядом с собой, я спросил:

— Ты многое знаешь и кажешься мне человеком могущественным. Почему же ты сам не проник в гробницу?

— Потому, — отвечал он, — что для этого требуется инженерное мастерство и механические приспособления. Ни то, ни другое в этих краях невозможно найти.

— И что ты требуешь в награду за свои услуги? — задал я следующий вопрос.

— Мумию, — ответил он.

— Мумию! — воскликнул я. — Но именно мумии мне так не терпится найти. Ты просишь то, что представляет для меня наивысшую ценность.

— Послушай, — сказал незнакомец, — ты найдешь тела царей и цариц, живших в незапамятные времена, о которых люди не имеют никакого представления. Они будут твоими, как и похороненные с ними драгоценные камни и украшения. Ты также обнаружишь футляр с мумией карлика, ничтожный пустяк в сравнении с сокровищами гробницы. Все, что я прошу — это упомянутый футляр и его содержимое. Клянусь, в них нет ничего ценного для тебя. В знак того, что я не мелочен и не пытаюсь обмануть тебя, возьми камни, — с этими словами он достал мешочек, откуда высыпал мне на ладонь около дюжины или больше превосходнейших алмазов. — Если я в чем-нибудь подведу тебя, — продолжал он, — либо ты не найдешь в гробнице все то, что я описал, камни станут твоими.

Короче говоря, я согласился на его предложение, и араб удовлетворился моим словесным обещанием в точности следовать условиям контракта.

— А теперь, — сказал он, когда с предварительными переговорами было покончено (и здесь-то, заметь, начинается самое необъяснимое), — я выполню свою часть сделки.

Он издал пронзительный свист, вслед за чем его маленький спутник появился из-за пирамиды и, ведя в поводу второго коня, подъехал к нам и спешил. Низко поклонившись мне, он подошел к старшему и, не говоря ни слова, заглянул ему в лицо, как будто ожидая приказа.

Теперь я мог видеть, что это не ребенок, а карлик примерно лет двадцати, красивый темноглазый малыш в красной феске и костюмчике зуава, который очень ему шел. Могу только благодарить свою счастливую звезду за то, что он, как показали дальнейшие события, оказался также необычайно ловким и сильным.

Послышалось слово на каком-то неведомом диалекте. Карлик отстегнул от седла араба и протянул тому ятаган, эфес и ножны которого были отделаны чешуйчатым материалом; позже я нашел, что это была змеиная кожа.

Еще слово или два на том же незнакомом языке — и маленький человечек отошел и встал лицом к высокому. Я заметил на его лице гримасу отвращения; его глаза горели

ненавистью или вызовом. Араб также заметил этот взгляд, злобно нахмурился и угрожающе что-то прорычал.

Поднявшись, он извлек лезвие из ножен, и миг спустя на карлика словно обрушился огненный дождь. Ятаган араба сверкал вокруг него, и такого мастерства, скажу прямо, я никогда в жизни не видел и никогда больше не увижу.

Демонстрация фехтовального искусства закончилась так же внезапно, как и началась. Карлик стоял со сложенными на груди руками и странным, задумчивым взглядом. Араб коротко посмотрел на него и затем, сорвав с эфеса покрытие, поднес рукоять оружия к его лицу.

Рукоять, сиявшая прекрасным гравированным узором, была выполнена из золота и украшена самоцветами. На вершием служил огромный алмаз, горевший на солнце, как пламя; алмаз медленно покачивался перед глазами карлика, пока его веки не сомкнулись — казалось, он заснул.

Араб вложил ятаган в ножны и вернул покрытие на место. «Али, — пробормотал он, — становится непочтительным и отказывается служить мне; он должен быть наказан». Затем, достав листок бумаги и карандаш, он положил их на камень, встал лицом к своему слуге и громким, повелительным голосом произнес на прежнем диковинном языке что-то похожее на приказание.

Через несколько мгновений карлик приглушенно ответил; его голос словно доносился из-под земли.

Араб, как будто переводя его слова, произнес:

— Он говорит, что вход в тоннель, ведущий к гробнице, закрывает громадная скала, но он прошел сквозь нее.

Несколько минут миновали в тишине. Затем карлик чуть вскрикнул и проговорил несколько фраз прерывистым, задыхающимся голосом, как говорит человек, дошедший до крайней степени физического истощения. Услышав новое приказание, он скорчился над камнем, схватил карандаш и быстро изобразил на бумаге нечто напоминавшее чертеж здания, а после долго что-то писал. Когда работа была завершена, араб протянул мне листок. Это был, как оказалось впоследствии, точный план тоннеля и гробницы с приложением подробно указанного пути к ним.

Закончив свой труд, Али замертво повалился на землю в глубоком обмороке; но несколько капель из пузырька, который араб поднес к его губам, вскоре привели его в чувство. Затем странная пара, вскочив в седла, унеслась в оазис и какое-то время больше не попадалась мне на глаза.

Вечером я возвратился верхом в главный лагерь. Там мне сказали, что приезжие разбили шатры на окраине оазиса; люди это были, похоже, тихие и добропорядочные.

Я сообщил помощникам, что шейх приезжих побывал у меня в гостях и дал мне некоторые указания относительно того, как найти и проникнуть в гробницу; за это, если мы найдем какие-либо захоронения, он получит в награду ничем не примечательную мумию.

Пока мы не проникли в гробницу и не прикоснулись нечестивыми руками к ее содержимому, шейх не появлялся на раскопках.

В тот достопамятный день он заявился ранним утром в сопровождении четырех своих людей, высоких, мрачных и внушительных. Отведя меня в сторону, он попросил разрешения войти в гробницу вместе со мной. Мы открывали саркофаги и доставали мумии, драгоценности и прочие находки, и ни единое наше движение не ускользало от его глаз.

Долгое время мы не могли обнаружить деревянный футляр; но когда большая часть находок была извлечена, шейх обратил наше внимание на трещину в стене, которая открылась прямо перед ним. Несколько ударов киркой — и показалась ниша; ее отверстие было заложено камнями. Внутри был вертикально размещен ящик, где мы, как и предсказывал араб, нашли тело карлика. Это был человек с непредставимо широкими плечами, а его руки свисали почти до колен. Лицо было кошмарным, жестокая улыбка раздвигала тонкие губы, открывая острые зубы, поблескивавшие, как клыки зверя.

Как ни странно, тело, в отличие от обычных мумий, не было обернуто бинтами; на карлике было свободное одеяние из какой-то странной материи, которая с успехом выдержала наши грубые усилия по извлечению мумии.

Под кожей карлика вились громадные узлы мускулов; мы нигде не нашли ни разреза, ни какого-либо иного признака того, что его внутренние органы были извлечены, как принято делать при бальзамировании.

Тело с застывшими конечностями, казалось, пребывало в каталептическом припадке или летаргическом сне и представляло собой, я полагаю, вершину и единственный образчик некоего странного и чудесного процесса мумификации.

Голова мумии покоилась на продолговатой подставке, покрытой той же тканью, из которой была сшита одежда. Глаза араба жадно впились в эту необычную подушку. Не успел я протянуть к ней руку, как он быстро закрыл крышку ящика и сказал:

— Думаю, я могу теперь забрать мумию? Ты сам видел, насколько несущественна эта находка. Я хотел бы сейчас же отнести ее в свой шатер.

Я неохотно выразил согласие. Люди шейха вытащили ящик на поверхность и погрузили в повозку, которую я одолжил ему для транспортировки добычи в лагерь.

Через час или два после их ухода мы нашли в нише, под грудой мусора, непонятный предмет; я принял его за бронзовый постамент. Он был вдвое больше обычного кирпича, довольно тяжел, и каждая грань была украшена странными золотыми узорами. Я отправил его наверх и велел поместить на склад к прочим находкам. Вскоре мне сказали, что пришел шейх и желает поговорить со мной наедине. По моей просьбе араб спустился в гробницу; он был крайне взволнован и сразу же произнес:

— Я потерял маленький бронзовый постамент; должно быть, он выпал из моего ящика. Ты видел его?

— Друг мой, — сказал я, — в вознаграждение за твои услуги я согласился отдать тебе определенный ящик и его содержимое. Я выполнил свое обещание?

— Да, но... — начал он.

— Любые бронзовые постаменты и все остальное, находящееся вне ящика, — прервал его я, — принадлежит мне и останется в моем владении.

Лицо шейха исказила кровожадная гримаса. Он не произнес больше ни слова, повернулся и покинул гробницу.

Закончив в тот день работу, я отправился на склад и спрятал постамент в углу под сваленными там инструментами. Вечером, когда помощники вернулись в главный лагерь, а землекопы стали устраиваться на ночь, я вызвал Сэма, своего африканского слугу, и одного из местных рабочих, смышленного и заслуживающего доверия араба, чтобы договориться с ними об охране склада. Я должен был отстоять первую и самую длительную вахту, после дежурил Сэм, араб же заступал на караул последним — его вахта заканчивалась утром с пробуждением лагеря.

Так мы и сделали. Пока мы с Сэмом стояли на часах, не произошло ничего необычного. Когда Сэма сменил араб, я осмотрел строение снаружи и изнутри; постамент был на месте, и на складе я не обнаружил ничего подозрительного.

Я вернулся в койку, где ранее проспал как убитый всю вахту Сэма. Но сон все не шел; больше часа я ворочался и никак не мог смежить глаза. Наконец я задремал и несколько минут спустя проснулся, как от резкого удара. Что-то меня потревожило, уж не знаю что. В ушах, казалось, звенело далекое эхо чьего-то голоса, зовущего на помощь.

Я вскочил и со всех ног помчался к складу.

Луна еще светила, и ближайшие предметы можно было рассмотреть достаточно ясно.

Подбежав к складу, я увидел нечто, заставившее меня застыть на месте.

Дверь была широко распахнута, и кто-то копошился внутри!

Араба нигде не было видно.

Я подошел к двери и позвал его по имени. Ответа не было, и шум внутри внезапно утих.

Я стоял, вглядываясь в темное помещение, как вдруг что-то с ужасным, рычащим воем стало продираться наружу, из дверного проема на четвереньках выкатилось какое-то существо, молнией промелькнуло мимо меня и исчезло из виду, прежде чем я успел пошевелиться.

Признаюсь, я был выбит из колеи; собрав все мужество, я вскоре оказался внутри и стал осматривать тайник при свете фонаря.

Постамент исчез!

Быстрый осмотр показал, что прочих находок никто не касался, а дверь была выбита ударом снаружи. Сломанный замок и вырванные с мясом из дерева болты свидетельствовали о необычайной силе этого удара.

Рядом со складом я нашел сторожа-араба; он лежал на спине у стены. Бедняга был мертв. Его шея была сломана, лицо искажено от испуга и ужаса, на шее виднелись глубокие царапины, откуда все еще сочилась кровь.

Я поднял на ноги весь лагерь, приказал отнести тело в госпитальную палатку и объяснил землекопам, что их товарища убил грабитель, который не успел похитить ничего ценного.

На самом деле я даже не представлял, кто совершил убийство. Однако я был уверен, что стоит за ним шейх, и решил с утра нанести ему визит.

Вскоре после восхода я вышел из палатки и, к своему удивлению, разглядел карлика Али, гнавшего коня яростным галопом. Он подскочил и, не слезая с седла и не говоря ни слова, протянул мне сложенный листок бумаги, затем повернул коня и мгновенно исчез. В записке значилось:

«Шейх заснул, я сумел улизнуть. Он поклялся, что ты умрешь так же, как твой сторож. Если ты храбр, приходи в полночь в его шатер с ножом и топором. Охрана будет спать. Я помогу тебе. Постамент...»

На этом записка резка обрывалась, словно писавшему помешали. Хотел бы я знать, что он имел в виду, упомянув постамент!

Тем вечером я вернулся в главный лагерь вместе с остальными, поручив склад заботам помощника и вооруженных часовых.

Я был убежден, что Али не желал мне вреда, и решил последовать его совету, действуя в одиночку и не сообщая об этом никому из моих людей.

Незадолго до полуночи я подобрался к шатру шейха, который стоял на окраине оазиса и был обращен входом в сторону пустыни.

Я осторожно приблизился к шатру. Лунный свет позволил мне вовремя заметить распростертое у входа тело; руки лежавшего сжимали длинноствольное ружье. Одно обещание Али уже выполнил. Я видел, что часовой спит беспробудным сном.

В этот миг из шатра донесся громкий голос шейха. Под звуки его исступленных песнопений я приготовился действовать.

Принесенный с собой топорик с широким лезвием я прикрепил к кисти с помощью кожаной петли, свисавшей с топорика, в другую руку взял крепкий охотничий нож, перешагнув через спящего и заглянул в шатер. Высокая ширма перед входом полностью закрывала обзор. Я прокрался внутрь и остановился за ширмой. Сделав в ней прорезь ножом, я увидел, что пол шатра устланы коврами и шкурами; по бокам и с противоположной стороны шатра, просторного, овальной формы, также стояли ширмы. Посередине был установлен задрапированный черной тканью стол, а перед ним, спиной ко мне, стоял араб.

На нем была черная мантия, ниспадавшая от шеи до пят; в правой руке он держал короткую черную палочку и помахивал ею в такт заклинаниям.

На столе я увидел бронзовый постамент; возле него лежал прекрасный ятаган, чей эфес блестел в лучах висевшего над столом светильника.

Не видно было ни ящика, ни Али, но я был уверен, что карлик где-то поблизости и, если понадобится, придет мне на помощь.

С оружием наизготовку я бросился к столу. Араб не успел даже осознать, что я в шатре, как моя рука легла на постамент.

Удивленный возглас сорвался с его губ при виде меня. Он молниеносно схватил ятаган и быстрее, чем это возможно описать, нанес удар; если бы его ятаган достиг цели, он снес бы мне голову с плеч.

Прыжок в сторону, однако, спас меня и, не успев он выпрямиться, как я выпустил топориче и послал прямой удар правой в голову. Мой кулак чуть не свалил шейха, но он, как прирожденный боксер, удержался на ногах и, покрытый кровью, стекавшей изо рта и носа, с загоревшимися адским огнем глазами ринулся на меня.

Но в этот миг сбоку от меня мелькнула вспышка света и я услышал глухой, хрустящий звук. Атака араба вдруг захлебнулась. Ятаган задрожал в его руке и упал на землю. Рукой, державшей ранее оружие, он конвульсивно схватился за что-то, торчащее из груди. Оно тотчас скользнуло назад, и я увидел сжатые на рукоятке пальцы и длинный нож с широким лезвием, с которого стекали капли крови. На длинной мантии расплылась влажная темная полоса.

Араб покачнулся несколько раз взад и вперед и затем, с булькающим, задыхающимся криком, мертвым пал наземь!

Я обернулся было, чтобы взглянуть на владельца ножа, но тут — словно в ответ на крик араба — раздалось дикарское рычание, и что-то накинuloсь на меня сзади. Длинные коричневые руки вцепились мне в горло, одежда мгновенно превратилась в ключья, тело рвали пальцы, больше похожие на стальные когти.

Нападение было таким внезапным и яростным, что я покачнулся и упал бы, если бы противник не дернул меня назад.

Целью его было мое горло, и в безумных попытках покрепче сжать его этот зверь или человек мигом оголил мне плечи и испещрил их глубокими бороздами, откуда потоками хлестала кровь.

Ты ведь знаешь, Фрэнк, что я человек сильный, но хватка этого дьявола оказалась сильнее, и я чувствовал себя беспомощным, как ребенок. Я отбивался, но никак не мог сбросить его с себя; напрягал все силы, но был не в состоянии помешать ему с нечеловеческой злобой царапать и рвать мое тело.

В первый миг схватки я выронил нож и теперь мог только пригибать голову, защищая горло, и наудачу размахивать топором.

Вскоре я начал слабеть от потери крови.

Мелькнула смутная мысль об Али и, еле слышным голо-
сом, я позвал его на помощь.

Противник тут же дернул мою голову назад; в горло впи-
лись острые когти.

Страшная смерть уже подбиралась ко мне, когда слуха
достиг дружеский возглас Али и я не столько услышал,
сколько почувствовал град быстрых ударов, посыпавшихся
на врага.

Хватка на горле ослабела, ужасные руки выпустили пле-
чи. Я был свободен!

Задыхаясь, я прислонился к высокому столу; и все же я
сознавал, что рядом вновь завязался бой и Али, как только
что мне, может понадобится помощь.

Я взял себя в руки и повернулся к врагу. Клянусь жиз-
нью, Фрэнк, *я увидел перед собой мумию, которую мы из-
влекли из гробницы!*

Ошибки быть не могло: та же приземистая, мощная фи-
гура, те же черты, искаженные теперь яростью и казавшие-
ся воплощением кошмара.

Карлик из гробницы стоял сейчас лицом ко мне и делал
короткие, свирепые выпады в сторону Али, а тот, с ножом в
руке, уклонялся с изумительной гибкостью и при каждой
попытке схватить его погружал лезвие в тело Твари.

Застыв от ужаса, не в силах пошевелиться, я наблюдал
за схваткой, пока Али, отступив в сторону при резком вы-
паде врага, не поскользнулся; еще немного, и он оказался
бы во власти чудовища.

Вот оно длинной рукой прижало малыша к груди; сво-
бодная рука взметнулась было к горлу Али, когда способ-
ность двигаться вернулась ко мне.

Я бросился вперед на нетвердых ногах, поднял тяжелый
топорик и, вложив в удар всю свою ненависть, обрушил его
прямо на уродливую голову.

Я услышал хруст и увидел, как лезвие рассекло череп
до самой шеи — и затем я потерял сознание.

Я пришел в себя, лежа на груди ковров. Али промывал
мои раны. Его уход и лечение оказались такими действен-

ными, что вскоре я смог встать на ноги, чувствуя себя почти здоровым и ощущая не более чем легкое недомогание от ран.

— Где мумия? — сразу же спросил я.

— Я разрубил проклятую тварь на части, и сейчас мои люди сжигают ее, — ответил он.

— Этой ночью мы с тобой избавили мир от двух чудовищ, — продолжал он. — Мне неизвестно, как умудрился шейх вдохнуть жизнь в Тварь. Он владел неведомыми силами. Он знал, что гробница существует, знал и то, что в ней покоилось тело человека, который много веков назад был верховным жрецом и могущественным колдуном. Он знал, что вместе с магом были похоронены его глубочайшие тайны — средства обрести власть над стихиями и самой жизнью.

Более того, шейху было известно, какими ужасными способами жрец на протяжении тысячелетий сохранял свое подобное летаргическому сну бытие. Он узнал заклинания, посредством которых мог наделить жизнью тело жреца.

Многие тайны он выведал благодаря мне, используя различные нечестивые ухищрения, одному из которых ты был свидетелем. Но меня отвращали его попытки проникнуть в запретное, и я часто отказывался ему помогать, пока он побоями не заставлял меня подчиняться.

Так шейх сумел разузнать, что секреты жреца хранит бронзовая шкатулка; он считал, что она находится в гробу вместе с телом. Увидев подставку под головой жреца, он решил, что наконец нашел то, что искал; но когда он понял, что это всего лишь кусок дерева, он чуть с ума не сошел от ярости и разочарования. Он был так взбешен, что избил меня до полусмерти и поклялся завладеть шкатулкой, даже если для этого ему придется убить тебя.

И тогда я также поклялся, что в отместку за побои убью его.

Той ночью было совершено чудо, освободившее дьявола. Первым делом он убил твоего сторожа и похитил шкатулку.

Нынешней ночью он намеревался открыть ее и поведать шейху все тайны; узнав их, шейх сделал бы жреца своим рабом или расправился бы с ним.

Вот шкатулка, — продолжал Али, протягивая мне предмет, который я принимал за бронзовый постамент, — возьми ее, но даже не помышляй заглядывать внутрь. Содержимое этой шкатулки сделает того, кто сумеет понять ее секреты и воспользоваться ими, самым могущественным на свете созданием; но горе тому, кто осмелится проникнуть в них или всего лишь открыть шкатулку, не обладая должным знанием. Это знание ныне навеки утрачено, и я закопал бы нечестивую вещь там, где никто ее не найдет, если бы не считал, что у тебя она будет в безопасности.

Возьми и это, в знак моей благодарности и в качестве малой награды за спасение моей жизни, — и он вложил мне в руку великолепный ятаган, покоящийся в ножнах и покрытый змеиной кожей.

Шейх, — продолжал он, отмахиваясь от моих возражений по поводу столь ценного подарка, — утверждал, что был мне отцом. Он лгал, но мое племя считает меня его сыном. Я стану его преемником и унаследую все его состояние.

Тогда я попытался вернуть ему алмазы, которые шейх оставил мне в обеспечение нашего договора; но Али отказался их брать, заметив, что шейх нарушил договор и потому алмазы по праву принадлежат мне.

Что касается смерти шейха, сказал он, то людям племени было сообщено, что шейх погиб во время неудачного покушения на мою жизнь; он был жестоким вождем, и смерть его была встречена не рыданиями, а криками радости.

Тело шейха уже омыли и подготовили к погребению; через несколько часов, добавил юноша, караван направится домой.

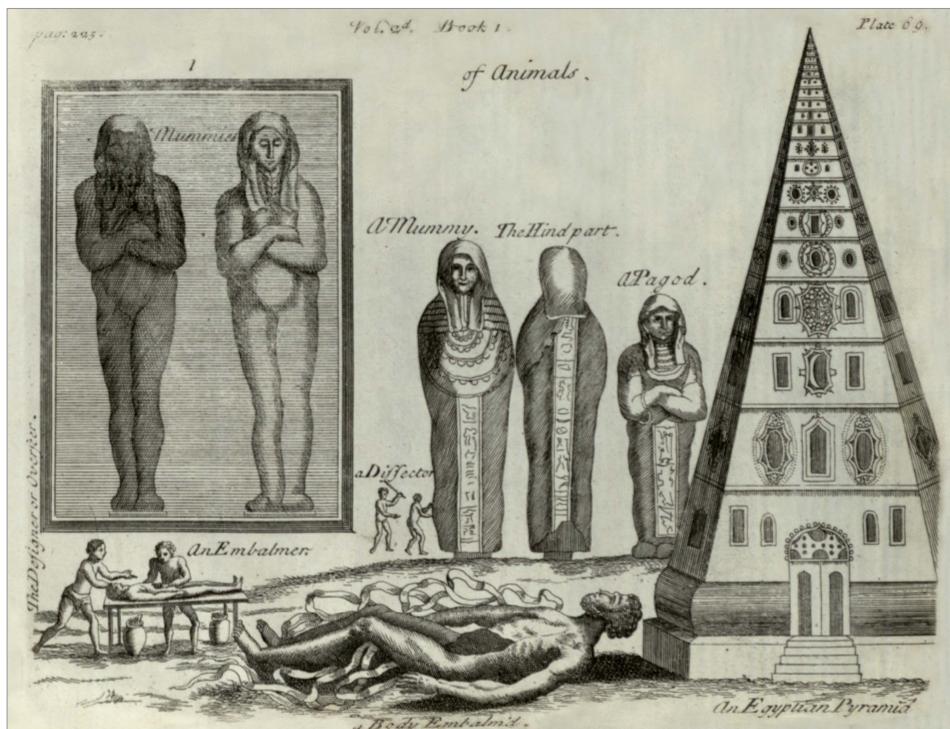
Али, однако, настойчиво отказывался сказать, где находятся его родные места либо указать путь к ним. Я вскочил в седло и поскакал прочь от его шатра, а он стоял неподвижно и глядел мне вслед; и с той минуты я больше не видел своего спасителя и не слышал никаких известий о нем.

Мои раны мне не пришлось никому показывать. Я объяснил, что получил их во время схватки с арабом. Моя версия событий показалась всем тем более правдоподобной, что вечером незнакомый караван снялся с места и исчез без следа.

Благодаря целебной мази Али раны вскоре зажили, и до сегодняшнего дня, Фрэнк, я ни с кем не делился их историей.

Удивляешься ли ты теперь, что я решил кое о чем умолчать?

Мумия. Гравюра из английского перевода (1725) книги французского аптекаря П. Поле «Всеобщая история лекарств», впервые изданной в 1684 г.

Сакс Ромер

ТАИНСТВЕННАЯ МУМИЯ

(1903)

В пять часов пополудни жаркого августовского дня, высокий и худой человек с неопрятной, растрепанной бородкой, чей плохо сидящий сюртук и потрепанный шелковый цилиндр невольно бросались в глаза, вошел в вестибюль Музея Грейт-Портленд Сквер. Трости при нем не было; оглядевшись вокруг, как если бы впервые попал сюда, он наконец стал подниматься по главной лестнице, заметно сутулясь и время от времени гулко кашляя.

Исхудалая фигура привлекла внимание нескольких человек, в том числе служителя в египетском зале. Он давно привык к эксцентричным посетителям, но человек, который так внимательно изучал мумии умерших царей и при том часто и громко кашлял, тем не менее обратил на себя его пристальный взгляд. Поток обычных посетителей быстро редел, и все то время, пока тощий человек оставался в зале, он пребывал под неусыпным надзором бдительного служителя. Увидев, что тот направился к лестнице, служитель предположил, что странный посетитель собирается покинуть музей. Однако, как показали последующие события, сделал он это не сразу.

Музей закрылся, и в здании появились полицейские, охраняющие коллекции по ночам. В каждом зале ночью находится охранник; заступая на пост, он должен осмотреть все витрины и закоулки зала. После этого двери между залами запираются, так что дежурный полицейский не может оставить свой пост или отлучиться в другой зал. Каждый час инспектор, полицейский сержант и пожарный совершают обход всего здания; нетрудно понять, что любому, кто вознамерится похитить какое-либо из бесчисленных сокровищ музея, придется проявить более чем необычайную изобретательность для успешного выполнения подобного плана.

В отчетах об этом исключительном деле требовало внимания только одно случившееся ночью происшествие. Оно было связано с мумией в этрусском зале.

Тем, кто хорошо знаком с коллекциями Музея Грейт-Портленд Сквер, без сомнения известно, что некоторые саркофаги этрусского зала служат прибежищем ряда египетс-

ких мумий, которые по тем или иным причинам не были выставлены на всеобщее обозрение. Любой, кто когда-либо заглядывал под полуоткрытую крышку громадного саркофага и замечал внутри недвижимые очертания мумии, легко поймет, какие чувства мог испытывать ночной охранник, оказавшись в столь мрачном окружении. Следует упомянуть, что электрический свет продолжает гореть, пока полицейские осматривают залы, и выключается непосредственно перед тем, как сержант запирает двери.

Констебль в этрусском зале осмотрел различные саркофаги, затем поднял фонарь с выпуклым стеклом и осветил огромные каменные гробницы. Убедившись, что никто не притаился в их тени, он поднялся по ступенькам в римскую галерею и потушил свет в нижнем зале с помощью расположенного на площадке лестницы выключателя. На первом этаже горел свет, и сержант с ключами еще не показывался. Констебль ожидал его прихода, когда произошло нечто необъяснимое.

Откуда-то из темного зала внизу донесся гулкий кашель!

Храбрости констеблю было не занимать. Тремя прыжками он оказался в зале; фонарь отбрасывал световые диски на царственные статуи и мрачные надгробия. Звук не повторился и констебль, не понимая, откуда он исходил, вновь методично осмотрел саркофаги, сочтя их наиболее вероятным местом, где можно было спрятаться. Оставалось осмотреть лишь один, и констебль начал уже думать, что кашель ему померещился. Но, осветив внутренность последнего саркофага, он почувствовал внезапный прилив страха. Саркофаг был пуст, однако же он достоверно помнил, что при первом осмотре видел там мумию!

Сделав это странное открытие, констебль сообразил, что кашляющего гостя удобней было бы искать при свете; как мы помним, электрические лампы в зале он успел погасить. Констебль, решив прежде всего включить свет, помчался наверх — и нашел римскую галерею погруженной в полную темноту. С противоположной стороны галереи приближался яркий диск фонаря; констебль бросился к нему.

— Кто погасил здесь свет? — раздался голос сержанта.

— Сам не понимаю! Кто-то потушил свет, когда я был внизу! — ответил констебль и поспешно рассказал о таинственном кашле и пропавшей мумии.

— Как давно находится мумия в этом саркофаге? — спросил сержант.

— Еще месяц назад там хранилась мумия, но ее перенесли наверх. Может быть, ее вернули обратно на прошлой неделе, а может, это была какая-то новая мумия. До вчерашней ночи дежурила другая смена.

Констебль был прав, и сержанту это было хорошо известно. Дежурство в Музее Грейт-Портленд Сквер делят между собой три отряда тщательно отобранных полицейских, и в предшествующие две недели дежурила другая группа.

— Очень странно, — пробормотал сержант и тотчас поднес к губам свисток.

Отовсюду стали сбегаться полицейские: двери между залами еще не были заперты.

— Кто-то, очевидно, прячется в музее. Обыщите снова все залы! — прозвучал короткий приказ.

Констебли исчезли. Сержант, в сопровождении инспектора, спустился и приступил к осмотру этрусского зала. Они ничего не обнаружили; обыск прочих залов также не увенчался успехом. Единственное, что можно было сделать — это оставить незапертой дверь, расположенную между римской галереей и лестницей, ведущей в этрусский зал. Галерея выходит в вестибюль, где коротают ночь инспектор, сержант и пожарный; идея принадлежала первому и, по его мысли, должна была обеспечить возможность присматривать за местом удивительного происшествия. Такое решение было более чем естественным, однако меры предосторожности, принятые инспектором, оказались в конце концов абсолютно бесполезными.

Ночь прошла спокойно; казалось, тайна исчезнувшей мумии и призрачного кашля так и останется тайной. Дежурившие ночью констебли утром разошлись; инспектор с сержантом поспешили вернуться в музей, чтобы расспросить служащих о пропавшем обитателе саркофага.

— Мумия в саркофаге у задней стены! — воскликнул куратор этрусских древностей. — Дорогой сэр, там уже около месяца не было мумии!

— Но мой человек говорит, что прошлым вечером он видел в саркофаге мумию! — заявил инспектор.

Куратор выглядел озадаченным. Повернувшись к служителю, он спросил:

— Кто находился в этруском зале вчера около шести вечера?

— Я, сэр!

— Посетители были?

— Без двадцати шесть ушел последний.

— А до этого?

— Я пил чай, сэр!

— Кто в это время присматривал за залом?

— Мистер Робинс.

— Позовите Робинса.

Явился швейцар.

— Долго вы пробыли в этруском зале вчера вечером?

— Около получаса, сэр.

— Вы уверены, что там никто не спрятался?

Швейцар вздрогнул.

— Видите ли, сэр, — запинаясь, произнес он, — сожалею, что не сообщил об этом раньше, но когда мистер Бартон вызвал меня, примерно без двадцати пяти шесть, в зале был господин в поношенном сюртуке и цилиндре. Не помню, что видел, как он выходил.

Бартон, главный служитель, припомнил, как разговаривал с Робинсом на верхней площадке лестницы этрусского зала. При нем никто не выходил, но посетитель мог покинуть зал незаметно для него или Робинса.

— Вы трое, обыщите весь зал и выясните, есть ли признаки того, что кто-то там прятался, — живо распорядился куратор. Затем он с улыбкой повернулся к сержанту и инспектору.

— Мне думается, все это окажется совершенной чушью! — сказал он. — У нас и прежде бывали похожие таинственные происшествия.

Не успели эти слова сорваться с его губ, как в зал в полно расстройстве чувств вбежал сотрудник музея, известный антикварный эксперт.

— Боже мой, Питерс! — еле выдохнул он. — Похищена ваза Риенци!

— Что?! — недоверчиво вскричали все в один голос.

— Круглую верхушку витрины вырезали и затем ловко приладили на место, а в витрину вместо вазы поставили неплохую подделку!

Без лишних слов все помчались наверх, в зал с вазой; в Музее Грейт-Портленд Сквер он на самом деле является частью египетского зала. Ваза Риенци не превышает по размеру обычную чашку для завтрака, но всему миру известна ее баснословная ценность. Ее похищение казалось невозможным, невероятным. Однако в зале, посреди толпы взволнованных служащих, высилась пустая витрина, а поддельная ваза переходила из рук в руки.

Никогда еще стены музея не видали подобной сцены! Кураторы, служители, все до единого словно лишились рассудка. «Что же делать?» — спрашивали они сами себя и друг друга. Менее чем через полчаса двери музея должны были распахнуться перед посетителями, и отсутствие знаменитой вазы непременно будет замечено. Именно в этот момент, когда все говорили одновременно, один из служащих, стоявший у настенной витрины, вдруг поднял палец.

— Тише! — сказал он. — Слушайте!

Внезапная тишина установилась в зале; можно было расслышать торопливые шаги в других помещениях музея. И тогда откуда-то из глубины стеклянных витрин, расставленных по залу, донесся тихий стон, поразивший и без того взволнованных слушателей. Быстро нашлись ключи, а с ними было сделано и второе удивительное открытие этого утра.

В большом деревянном футляре египетской мумии, связанный, с кляпом во рту, был заточен человек!

Нетерпеливые руки принялись его развязывать; принесли наштавь, поскольку пленник казался очень ослабевшим. Он был полуодет и тяжело дышал через нос, как выпи-

воха, забывшийся пьяным сном. Все с нетерпением ждали, пока он очнется — ведь только он мог пролить свет на глубокую тайну. Придя в чувство, он сумел рассказать до разочарования мало. Его звали констебль Смит, и ночью он дежурил в египетском зале. В первый час дежурства, вскоре после того, как в подвальном этаже поднялась тревога, кто-то самым таинственным образом напал на него во время обхода зала. Противника он не видел: тот обхватил его сзади, и констебль был лишен всякой возможности сопротивляться. К ноздрям констебля поднесли непонятное вещество со сладковатым запахом, и больше он ничего не помнил; пришел он в себя, находясь внутри футляра! Таковы были все его показания. Излагая обстоятельства этого примечательного дела, следует отметить третье и последнее открытие. Трое служащих, которым было приказано обыскать этрусский зал, обнаружили ворох старой одежды: ветхий цилиндр, потертый сюртук, залоснившиеся брюки и пару туфель с эластичными вставками. Одежда была свернута в узел и втиснута между стеной и высокой статуей, где ее, очевидно, не заметил никто из осматривавших зал ранее. На этих скудных сведениях и приходилось основывать расследование. Египетский зал был закрыт на неопределенный срок «по причине ремонта». Больше никто не мог сообщить ничего существенного. Несколько свидетелей дали одинаковое описание гулко кашлявшего незнакомца в потрепанной одежде; но вместе с тем стоит заметить, что ни один из них больше его не видел. Инспектор, сержант и пожарный торжественно поклялись, что на протяжении ночи, на исходе каждого часа, посещали египетский зал — где, как обычно, дежурил констебль! Смит не менее торжественно клялся, что его в первый же час дежурства одурманили и вслед за тем заточили в футляре для мумии.

Похищение вазы было с тщанием скрыто от газетчиков, хотя в последующие дни музей буквально кишел детективами. Когда пошла вторая неделя и египетский зал по-прежнему оставался закрыт, посвященные в тайну начали перешептываться о том, что скандала не избежать. Роль констебля Смита в загадочном деле виделась чрезвычайно по-

дозрительной. В этот-то волнующий момент, когда начинало уже казаться неизбежным, что скорая на огульную критику публика вот-вот узнает о похищении вазы Риенци, некоторые высокопоставленные лица заявили, что ваза была лишь временно выведена из экспозиции, причем ночные дежурные не имели никакого отношения к ее исчезновению!

Это заявление породило несколько странных теорий. Одни утверждали, что ваза вовсе не покидала стены музея! Другие доказывали, что ее передали в залог иностранному правительству!

Каким бы ни было истинное объяснение, какой бы секрет свято ни хранили высокопоставленные лица, единственные люди, знавшие всю правду, достаточно будет сказать, что двери египетского зала вновь распахнулись и посетители смогли увидеть вазу Риенци на ее обычном месте.

И теперь, когда она по-прежнему стоит в витрине на виду у всех, едва ли кто-то станет возражать, если я расскажу, что некогда целых двенадцать дней владел знаменитой вазой Риенци. Если же возражения будут высказаны...

Прошу прощения. Вам следует понять, что я не являюсь заурядным вором или грабителем: я человек, наделенный острой наблюдательностью, и моя профессия, которая приносит сравнительно высокие гонорары, состоит в обнаружении фатально слабых мест в охране прославленных музеев. В частности, я нашел, что одну известнейшую тиару во французском музее сторожат из рук вон плохо; соответственно, я похитил ее и заменил подделкой. Дирекция музея отказала мне в гонораре, и весь мир знает, что эксперты разоблачили мою искусную подделку. Это привело в чувство музейное начальство, и сейчас в витрине музея красуется подлинная тиара!

Таким же образом я похитил всемирно известную, историческую мумию в Каире. Два дня спустя моя имитация — работа умельца из Бирмингема — вызвала подозрения, и отдел мумий был закрыт. Мумия была очень громоздкой, меня чуть не поймали, и только бросив ее, я сумел вовремя уехать из Каира. Я не хвалюсь этим случаем; работа была проделана топорно и неуклюже. Но ваза Риенци — совсем

другое дело, и у меня есть все причины гордиться собой. Я собираюсь рассказать, как провернул похищение, чтобы вы могли сами оценить точность и быстроту моих действий.

Вам следует узнать о первой замеченной мною прорехе во внутреннем распорядке Музея Грейт-Портленд Сквер, а именно о том, что настенные витрины часто оставались без присмотра. Я заметил эту любопытную деталь, прохаживаясь однажды днем по египетскому залу. Некий джентльмен — не стану называть его имя — показывал коллекции стайке дам. Он отпер настенную витрину и держал в руке красивое ожерелье из бисера, объясняя, где и когда оно было найдено. Он стоял всего в нескольких футах от витрины, но повернулся к ней спиной. Этого было достаточно! Ключ, вместе с остальной связкой, торчал из замка стеклянной дверцы. Согласитесь, что наш джентльмен повел себя весьма легкомысленно, однако присутствие четырех очаровательных американок... его можно простить!

С сожалением вынужден признаться, что я был неловок — ключи забренчали. Все повернули головы ко мне. Но могли ли они в чем-либо заподозрить одетого с иголки господина с изысканными манерами и немалыми познаниями в египтологии? Я извинился, сказав, что задел связку ключей, проходя мимо; любезно улыбнулся; и неприятный инцидент был тут же забыт ими — но не мною. Память освежал прекрасный восковой отпечаток!

Тогда и сложился мой план. Я знал, что по ночам в музее дежурит отряд полицейских и что в каждом из залов, как правило, стоит на страже один и тот же констебль. Далее я разузнал, что таких отрядов было три; значит, определенный отряд дежурил в музее каждую третью неделю. Мне пришлось подружиться с семью констеблями и стать завсегдатаем восьми пивных, но наконец я нашел нужного человека.

Первый констебль из египетского зала оказался низкорослым и толстым; он не подходил, так как мог доставить мне немало хлопот. Я выяснил у него, однако, кто заступит на пост на следующей неделе, и вскоре очутился в пабе, где любил выпивать этот полисмен, по фамилии Смит. Эврика!

Он был высок и худощав. Смит также отличался угрюмым нравом, но дружелюбный и веселый мастер-водопроводчик, который охотно сорил деньгами, с легкостью расположил его к себе.

Всю оставшуюся часть недели я каждый вечер проводил в компании полицейского, изучая эту довольно-таки бесцветную личность. Затем я отправился в музей. Растрепанная борода, изможденный вид, гулкий кашель — все это понадобилось мне для маскировки! Я поднялся в египетский зал, желая убедиться, что определенный футляр из-под мумии никуда не перенесли; найдя его на прежнем месте, я спустился в подвальный этаж, в этрусский зал.

С полчаса я бродил по залу, но швейцар даже не пошевелился на своем стуле. Я знал, что он лишь подменял служителя, ушедшего пить чай, и стал уже гадать, собирается ли его компаньон вернуться. К счастью, помогла неожиданность. На верхней площадке лестницы появился главный служитель.

— Робинс! — позвал он.

Робинс торопливо помчался наверх и — пятнадцать секунд спустя мое превращение завершилось. Исчезли растрепанная седая борода и усы, исчезла поношенная одежда и дешевые туфли, исчез старый цилиндр — я стал констеблем Смитом, обмотанным, как мумия, бинтами!

Акробатический прыжок, и скатанная в узел потрепанная одежда очутилась за высокой статуей; там узел можно было обнаружить только при самом дотошном обыске. Вперед, нельзя терять ни секунды! Внутри, в пустой саркофаг в дальнем углу комнаты; и наконец, отталкивающая резиновая маска скрыла краснощекое лицо констебля Смита, мои руки застыли и прижались к бокам, пальцы скрылись в бинтах, и я стал мумией давно умершего египтянина — с аккуратным кожаным саквояжиком под изогнутой спиной. Быстрая работа, могу вас заверить; но со временем к такому привыкаешь. Вскоре вернулся швейцар. Он не видел, чтобы я выходил из зала; однако, как я и ожидал, не мог быть абсолютно уверен, что я не ушел. Он подозрительно огляделся по сторонам; меня это не испугало. Настоящее

испытание началось несколько часов спустя, когда полицейский принялся осматривать с фонарем саркофаги.

Свет упал на мои резиновые черты, и мое сердце, казалось, на миг перестало биться.

Но глупый констебль удовлетворился этим осмотром. Я услышал его шаги, удаляющиеся в направлении двери, и стал ждать. Он поднялся по лестнице, выключил свет в этрусском зале, и тогда... Я выскочил из саркофага и спрятался в нише у подножия лестницы. Вдруг я громко кашлянул. О ужас! Полицейский сбегал по ступенькам с такой скоростью, что вылетел на середину зала. Он начал вновь светить фонарем в саркофаги; но не успел он осмотреть все, как я был уже наверху, в римской галерее!

Без электрического света в этрусском зале, находившемся, как уже сказано, в подвальном этаже, было достаточно темно. Однако ночь выдалась лунная, и я знал, что сумею найти дорогу в римской галерее и без искусственного освещения. Я заранее ознакомился с расположением выключателей и потому без труда погасил свет, затем пробрался между римскими изваяниями к высокой колонне, поднимавшейся почти до величественного потолка галереи и украшенной резной капителью.

План, как вы понимаете, был разработан заранее; но должен сказать, что наверх я забрался с большими усилиями. Я весь сжался на верхушке колонны, держа в зубах ручку бесценного саквояжа; в этот момент внизу промчался сержант и чуть не столкнулся с констеблем, избежавшим по лестнице из этрусского зала.

Поспешное совещание — а затем зажегся свет и сержант засвистел в свисток. Глупость, конечно; все шло так, как я рассчитывал. Из всех залов музея сбежались полицейские. Я был утомлен подъемом, но мне предстоял еще один акробатический трюк.

Верхушка колонны находилась не так далеко от каменной балюстрады площадки первого этажа, на которую выходит египетский зал. Вдоль стены римской галереи, футах в четырех под потолком, проходит узкий карниз шириной примерно в одиннадцать дюймов. Я осторожно перебрался

с колонны на карниз — с другого конца помещения меня не было видно — и, прижимаясь к стене, достиг балюстрады. Констебль Смит, услышав призывный свист сержанта, покинул свой пост и спустился в римскую галерею; прежде, чем он вернулся в египетский зал, мой новенький ключ открыл одну из витрин и я спрятался в деревянном футляре из-под мумии; маленькая стальная булавка помешала замку защелкнуться и оставить меня взаперти.

Бедный констебль Смит! Мне жаль было так обойтись с ним... Двери были заперты, и минут через десять, когда он проходил мимо, я выбрался из витрины и последовал за ним; благодаря тонким льняным бинтам на ногах я беззвучно скользил по деревянному полу. В руке я держал наготове платок, смоченный жидкостью из пузырька, который я предусмотрительно спрятал в бинтах.

Я уперся коленом в спину Смита и сжал его руки; этот прием вам за песету покажут в любой трущобе Танжера. Он был мускулист и яростно боролся с невидимым противником; но платок был все время прижат к его носу и рту, и недолгие приглушенные крики, по счастью, никто не услышал. Через несколько минут констебль лишился чувств. Теперь необходимо было действовать быстро — я должен был подготовиться к визиту инспектора. Пришлось опустить футляр на пол; после я спрятал внутри тяжелое связанное тело, вновь поставил футляр вертикально и запер стеклянную витрину. Как только дело было сделано и я переоделся в форму костебля, в замке звякнул ключ инспектора. Ах! волнующая профессия!

Все остальное было ерундой. В моих желтых бинтах были спрятаны нужные инструменты, в кожаном саквояже лежала поддельная ваза Риенци. Круглая стеклянная крышка витрины, правда, никак не поддавалась. Она оказалась такой толстой и прочной, что я пять раз бросал работу и прятал инструменты перед ежечасными визитами инспектора. Около шести утра бедный констебль Смит начал стонать; еще одна доза снадобья успокоила его на час или два.

Утром я вышел из музея вместе с другими полицейскими. Ваза Риенци была спрятана у меня в шлеме.

Осталось досказать немного. Конечно, детективы пытались распутать дело. Ха! я достаточно опытен и следов не оставляю! Так поступают только любители!

О размерах моего гонорара и условиях его выплаты я известил дирекцию в частном порядке.

Глупцы решили, что я дал им подсказку, стали тянуть время и прождали еще неделю. Они даже арестовали моего представителя, человека бесхитростного, честного и ровным счетом ничего не знавшего. Ха-ха! я просто хохотал! Но в конце концов они поняли, что единственный способ избежать скандала — это вернуть вазу на место. И тогда они пошли мне навстречу.

Чарльз Катлифф Хайн
МУМИЯ ТОМПСОН-ПРАТТА
(1904)

Гаргрейв был членом Клер-колледжа, жил на территории колледжа и дважды в неделю читал лекции по структурной египтологии, как правило, перед пустыми скамьями. Он был одним из самых знающих египтологов современности и обладал хитрой привычкой держать самое интересное при себе, лекции же посвящал только сухому скелету теории. В начале каждого октябрьского триместра послушать его собиралась целая толпа. Какой-нибудь первокурсник решал, что в Кембридже нужно заняться чем-то полезным, о чем можно гордо сообщить родителям или опекуну, доставал список и утыкался взглядом в «структурную египтологию»; предмет, рассуждал он, нетрудный и станет приятным развлечением. Но лекции Гаргрейва очень скоро лишали его подобных иллюзий, и наш первокурсник больше не тратил время зря, рисуя на стопках бумаги в аудитории карикатуры по обыкновению брызгающими кляксами перьями, покуда Гаргрейв рассуждал об истинном значении случайной царапины на спинке скарабея, а проводил свои утренние часы в постели, или на реке, или просто за игрой в покер, как и велела природа. Скамьи в аудитории пустовали до следующего октября, когда прибывала новая партия желторотых юнцов.

Друзья откровенно указывали на это Гаргрейву, но его манера читать лекции ничуть не менялась. Он придерживался давно сложившейся в Кембридже теории, гласившей, что университетские лекции призваны не развлекать или обучать чему-либо путному, но служат лишь для общего образования, а это — совсем другое дело. «Вы что, считаете меня мюзик-холлом?» — вопрошал Гаргрейв. «Или чертовой школой-интернатом?» Остальные члены Клер-колледжа втайне надеялись, что Гаргрейв примет сан, и тогда ему можно будет выдать университетское пособие и спровадить восвояси. Но Гаргрейв ни за что не соглашался, ссылаясь на религиозные убеждения; и по Кембриджу пополз слух, что он поклоняется древним богам Египта.

Тот же колледж на триместр раньше Гаргрейва закончил Томпсон-Пратт, ассистент-демонстратор химического отделения Кавендишской лаборатории. Он, конечно, не был

членом колледжа и вряд ли мог надеяться им стать. Как он умудрился с отличием сдать экзамены — оставалось тайной, покрытой глубочайшим мраком. Он не отличался блестящим интеллектом, а в студенческие дни и не особенно много читал. Закончив за три года колледж, он прослужил с год директором школы, должность невлюбил и наткнулся на вакантное место лаборанта. Завистники поговаривали, что тут не обошлось без чистейшего протезирования. Сам Томпсон-Пратт полагал, что то была справедливая награда за его способности к лестям.

В кармане у Томпсон-Пратта всегда водились спички и крепкий табак для любого нуждающегося, а дожидаясь результатов лабораторных экспериментов, он охотно пересказывал анекдоты из старых номеров спортивных журналов, если кто-либо готов был слушать. Он был по-своему довольно популярным человеком, и его приглашали выпить чаще, чем было полезно для здоровья.

Гаргрейв ежедневно обедал за почетным столом в обеденном зале, после выпивал два стакана портвейна и съедал четыре грецких ореха в преподавательской, а затем возвращался в свою квартиру, расположенную на одной лестничной площадке с жилищами других членов колледжа, и работал там до двух часов ночи. Томпсон-Пратт обитал на Грин-стрит, обедал в «Ободе», а вечера проводил за покером с трехпенсовыми ставками в компании четырех таких же бакалавров, которые по очереди развлекали друг друга и часто засиживались до рассвета. Он был знаком с Гаргрейвом и искренне его недолюбливал. Гаргрейв презирал Томпсон-Пратта. Таковы герои моего рассказа, и такие уж сложились между ними отношения.

Гаргрейв сам привез мумию морем из Александрии парохомом «П. и О.», и поскольку я тоже был на борту, да еще оказался его ровесником и выпускником того же колледжа, он счел меня лакомой добычей и доводил до белого каления скучными разговорами. Я сказал ему с самого начала, что мумии меня интересуют исключительно в качестве топлива. Это отнюдь не заставило его заткнуться, и он запудрил мне все уши пылью мумий, пока мы тащились по Средиземному

морю, проходили Гибралтар, болтались в Бискайском заливе, пересекали Канал и швартовались в Саутгемптоне. На таможене я сбежал от него, очень надеюсь, что на улице его задавит кэб.

Два года спустя я вернулся в Кембридж, собираясь получить магистерскую степень. Я как раз расплачивался с буфетчиком, когда появился Гаргрейв и как ни в чем не бывало приветствовал меня.

— Послушай-ка, — сказал он, — не заглянешь ли попозже ко мне? Я задумал один эксперимент и хотел бы, чтобы ты присутствовал.

— Какой еще эксперимент? — спросил я. — Случаем не с мумиями?

— Да, он связан с мумией. Той, что я привез из Египта.

— Нет уж, спасибо, старина, — сказал я. — Ненавижу мумии. Кроме того, я занят.

Гаргрейв вцепился мне в рукав.

— Я знаю, что ты их ненавидишь. Именно поэтому ты мне и нужен. Ты будешь беспристрастным свидетелем. Можешь пожить у меня. Незачем останавливаться в «Быке». У меня есть свободная кровать; я велю гипу приготовить для тебя комнату. Думаю, я совершил величайшее открытие со времен появления египтологии. Ты мне понадобишься — должен же кто-то подтвердить протокол эксперимента.

— Э-э, я не умею вести протоколы. Я всего-навсего романист, даже до репортера еще не дорос. Стенография не по моей части.

— Для этого у меня имеется фонограф, — заявил он. — Записывать было бы бесполезно, хотя бы ты и знал язык, а ты ведь его не знаешь. Сегодняшнее произношение, надо полагать, в корне неправильно. Ты не понял бы и одного слова из десяти.

— Я и так ничего не понимаю в твоих иероглифах.

— Сейчас я не могу объяснить яснее. Ты должен увидеть все своими глазами. Обещаю, что развлечение удовлетворит даже твой животрепещущий вкус. Если откажешься, будешь жалеть об этом до конца своих дней.

— Почему?

Он рассердился.

— Поймешь почему, глупец ты этакий, когда через год выйдет моя книга!

Было забавно видеть, как с Гаргрейва потихоньку слетала академическая чопорность.

— Ну ладно, — сжалился я. — Приду, когда благополучно выйду из дома Сената с дипломом в руке и смогу курить на улицах Кембриджа, не боясь штрафа проктора. Пока! — и я свернул к комнатам студентов, где собирался вволю поболтать о пьянках былых времен со своим старым гипом.

Если бы выпало что-нибудь поинтереснее, я и думать забыл бы о визите к Гаргрейву. В свое время, беззаботным новичком, я провел три отличных года в Кембридже и был совсем не против повторить некоторые веселые минутки прошлого. Но мне никак не попадались достойные товарищи; студенты, с высоты моих лет, казались мне школьниками, и мой круг знакомств состоял в основном из гипов, служителей и приказчиков. Будучи возведен в небожители с ученой степенью магистра искусств в кармане и сдав взятые напрокат капюшон, конфедератку, мантию и перевязь портному, я за неимением лучшего направил свои стопы к жилищу Гаргрейва.

Я вошел в кембриджском стиле, не постучавшись. Гаргрейв менял восковой валик фонографа и, глядя на очертания его склоненной головы, я подумал: тысячу раз жаль, что человек с такими великолепными мозгами впустую тратит жизнь на бесполезную область знаний. Открытый ящик с мумией стоял у стены; мумию внутри Гаргрейв успел распеленать. В воздухе висел душный запах благовоний. Я закурил сигару.

— Не кури, — сказал Гаргрейв. — Воздух должен быть в меру чист.

— Тогда открой окно, — отозвался я. — Здесь воняет.

— Ты скоро привыкнешь. Вот мумия. Ну, что скажешь?

— Жесткое вяленое мясо. Не по мне. Вижу, у этого египтянина на руках и груди полно татуировок.

— Это не татуировки. Приглядиись внимательней. Это узор клеток эпидермиса.

— Ну хорошо, узор. Как его зовут, Менен-Ра? Любопытный тип.

— Любопытный? Да он уникален! Он сам и его потомки.

— Но этот узор не мог унаследовать его сын.

— Тебе кажется. На самом деле так и случилось.

— У тебя, что ли, где-то припрятана другая мумия?

— Бери выше! Я нашел его одного из его потомков, он вот-вот придет.

— Чушь!

— Сам увидишь. Да ты его знаешь. Это Томпсон-Пратт, со старшего выпуска.

— Как, лаборант?

— Он самый. Прямой потомок этой мумии. Сложновато было это установить!

— И у него такие же родимые пятна, или как ты их там называешь?

— Точь-в-точь, такие же линии, те же узоры.

— Как же получилось? Он увидел мумию и заявил, что это его покойный кузен?

— Все нет. Узор на нем я увидел случайно, задолго до того, как приобрел мумию. Было это на следующий год после твоего отъезда. Он пришел сюда повидаться с деканом, который куда-то ушел. На лестнице поскользнулся, ударился головой и потерял сознание. Я услышал шум. Соседей не было дома. Я нашел его и притащил сюда. Он лежал неподвижно, совсем как мертвый. Я испугался, рванул его рубашку и приложил ухо к груди, стараясь уловить стук сердца. Вскоре я привел его в чувство, и когда он лежал здесь на диване, приводя свои нервы в порядок, я сказал ему, что видел пятна, и спросил, откуда они у него.

Он пришел в ярость и рывкнул, что я слишком много себе позволяю.

— Дружище, — парировал я, — я твои пятна не искал, а натолкнулся на них случайно.

— Это проклятие моей жизни, — сказал он. — Я обожаю плавать, но не осмеливаюсь купаться на публике. Стоит мне раздеться на берегу, и люди меня освистывают. Погляди, — продолжал он, скинул рубашку и показал мне свою грудь и

предплечья. — Я весь разрисован, как пятнистый человек в балагане. Как ямарочное чудище! Отец выглядел так же, и дед, и прадед. Должно быть, это семейное проклятие или другая какая гадость, только мы его чересчур стыдимся, так что никаких фамильных преданий не сохранилось.

Затем он заставил меня пообещать, что я никому не расскажу, и ушел. Я выбросил его пятна из головы: биология — не моя специальность, а Томпсон-Пратт меня тогда вовсе не интересовал.

Короче говоря, я продолжал свои исследования, и через некоторое время отправился в Египет и раздобыл эту мумию Менен-Ра. Я привез ее в бинтах и распеленал уже здесь. Она мне понадобилась, как ты знаешь, для доказательства одной теории. Но при первом же взгляде на узор я забросил все остальное: пятна, насколько я мог вспомнить, в точности повторяли узор на коже Томпсон-Пратта.

Ну не странно ли! Я сидел и раздумывал над этим час за часом, день за днем. Блестящие идеи так и роились в голове. Наконец я сообразил, что нужно делать. Прежде всего нужно было проверить, действительно ли пятна совпадают. Томпсон-Пратт сперва жутко сопротивлялся. Не ожидал я встретить такие предрассудки у человека науки. Однако в конце концов он сдался и позволил мне сделать фотографию. Говорю тебе, я узрел чудо: каждая линия, каждое пятно абсолютно совпадали с узором на коже мумии.

Ты скажешь, что доказательство неоспоримое, но я решил копать дальше. Я вложил в это дело колоссальный труд; на меня работали десятки специалистов по генеалогии. Мне невероятно повезло. Я смог выстроить непрерывную генеалогическую цепочку: Египет, Италия, Франция, Англия, Шотландия и снова Англия; и наконец я смог с полной уверенностью сказать, что Томпсон-Пратт — потомок египтянина Менен-Ра, мумию которого ты видишь вон там, у стены. А теперь я объясню тебе, что собираюсь сделать.

Но объяснить он не успел. Дверь распахнулась, и в комнату вошел Томпсон-Пратт. Он довольно небрежно кивнул Гаргрейву, однако при виде меня расплылся в улыбке.

— Привет, старина! Как жизнь? Слышал, ты сдал на магистра. Надолго останешься?

— Завтра уезжаю. Пришел только потому, что Гаргрейв обещал показать мне какие-то фокусы с мумией.

— Проклятье! — бросил нашему хозяину Томпсон-Пратт. — Ты ничего не говорил о... гм... секрете, а?

— Секреты останутся секретами, если ты сам их не выдашь, — напыщенно произнес Гаргрейв. — Мне всего лишь нужен независимый свидетель.

— Понятно, — сказал Томпсон-Пратт, садясь в кресло. — Послушай-ка, мне совсем не по душе этот твой эксперимент.

— Все делается ради науки.

— К черту науку, — Томпсон-Пратт задумчиво посмотрел на огонь в камине, затем повернулся и пристально взглянул на Гаргрейва. — Так вот, господин хороший, если ты собрался использовать меня, мне полагается часть доходов. Ты говоришь, что эта высохшая, вонючая личность в гробу — мой предок, и что с твоей помощью я расскажу его мысли. Может, и так, а может, и нет. Но если что-то получится, вполне может статься, что это старое бревно ляпнет что-то неизвестное нам из области естественных наук. Мне вот кажется, что древние египтяне сильно опередили нас в некоторых отраслях химии, и если я узнаю, например, о способе изготовления какого-нибудь нового красителя, который можно, допустим, соединить с ализерином...

— Ты получишь запись всего сказанного, слово в слово, — пообещал Гаргрейв.

— С фонографа? Так-так. Но она будет на этом языке... как ты его зовешь, иероглификой? Древнеегипетском, я хочу сказать.

— Можешь стоять у меня за спиной и смотреть, как я перевожу. Я не собираюсь тебя обманывать.

— Ну ладно, — сказал Томпсон-Пратт. — Не кипятись. Понимаешь, человек должен защищать свои интересы и все такое. А кроме того, сто против одного, что твой опыт закончится шшиком.

Гаргрейв стиснул зубы.

— Тебе есть еще что сказать? — осведомился он.

— Нет, — ответил Томпсон-Прайт со скучающим зевком.
— Подключай свои машины.

Я сидел за столом и внимательно следил за происходящим. Мне показалось, что Гаргрейв самым обычным образом загипнотизировал Томпсон-Прайтта. Позднее он рассказал мне, что применил кое-что еще. Не исключено; во всяком случае, его пациент вроде бы заснул, затем проснулся снова, но был уже полностью подчинен воле Гаргрейва. Он велел Томпсон-Прайтту лечь на коврик у камина, затем вытащил из ящика мумию и положил ее на тот же коврик рядом с живым потомком. Затем он попросил меня выйти из комнаты.

— Это еще зачем? — спросил я. — Кажется, ты пригласил меня понаблюдать за экспериментом?

— Совершенно верно. Когда придет время, ты все увидишь. Но сперва мне нужно проделать две-три подготовительные операции, которые я не хотел бы раскрывать. Тебе придется удалиться в другую комнату.

— Меня так и подмывает удалиться восвояси.

— Можешь поступать, как вздумается, но это будет довольно глупо.

Вероятно, мне следовало оскорбиться, но я только пожал плечами, поборол свою гордость и вышел в другую комнату. Мне стало любопытно, признаюсь, чем это все закончится.

Гаргрейв пошел следом и даже имел наглость запереть за мной дверь! Я остался один; вспомнив, что он, похоже, не выносит запах табака, я раскурил трубку, и по всей комнате вскоре поплыли скверно пахнущие клубы дыма.

В одном, правда, я должен отдать ему должное — он не заставил меня долго ждать. Спустя минуту или две он распахнул дверь и сказал:

— Прости, старина. Я обязан любыми средствами держать процесс в тайне. Входи.

Я вошел. Томпсон-Прайт и человек, живший за 3000 лет до него, лежали рядом на каминном коврике; на первый взгляд, положение тел никак не изменилось.

Наступил вечер, но лампы не были зажжены, и только танцующее, таинственное пламя камина освещало их лица. Я взгляделся, и по коже побежали мурашки: лицо Томпсон-Пратта казалось физиономией мертвеца — зато под высохшей маской мумии безошибочно ощущалась некая искра жизни. Гаргрейв склонился над мумией и устанавливал у ее губ раструб фонографа; затем он отодвинулся. Готов поклясться, что эти давно мертвые конечности задергались! Я достал платок и вытер лоб.

Гаргрейв заметил мое движение.

— Не будь идиотом, — сказал он. — Бояться нечего. Сохраняй спокойствие и постарайся точно запомнить все, что ты увидишь или услышишь.

Гаргрейв пытался говорить невозмутимо, но я видел, что он дрожит от волнения. Он повернулся к мумии и что-то сказал на непонятном языке, отчетливо произнося каждый слог. Я различил имя «Менен-Ра», но больше ничего не разобрал.

Ни мумия, ни Томпсон-Пратт не отозвались.

Он повторил фразу, произнося слова иначе, и на сей раз получил ответ.

— Говори по-английски, если хочешь, чтобы я тебя понял, — послышался сдавленный и какой-то пыльный голос, и губы мумии зашевелились.

Гаргрейв вздрогнул и, кажется, выругался.

— Почему? — резко спросил он.

— Потому что я позабыл другой — старый язык.

— Если со мной кто-то вздумал шутить, — сказал Гаргрейв, — то шутника я знаю, и на нем до самой смерти останутся шрамы.

Ответа не было. Он продолжал:

— Знаешь ли ты, как тебя зовут?

— Менен-Ра.

— Где был похоронен?

— В Фивах.

— Неправда.

— Я был похоронен в Фивах, но затем, как принято у нас, меня перенесли в семейный склеп нашего поместья близ

Куркура.

— Я нашел тебя в пустыне у оазиса Куркур. В какого рода могиле?

— Вырезанной в скале. Надо мной были написаны мои титулы.

— Ты лежал там один?

— Нет, со мною были четверо моих дядей, убитых на войне.

— Они все были сильными людьми?

— Нет. У моего дяди Непо, похороненного последним, рядом со мною, правая рука была отрублена по локоть. Старая рана.

Гаргрейв прервал расспросы и взволнованно ударил ладонью по столу.

— Все совпадает! — воскликнул он. — Ни одна живая душа, кроме меня, не знает, где находилась та могила, и догадаться никто бы не смог. Все детали совершенно точны. Это чудо, но мне удалось его совершить! Душа Томпсон-Пратта вернулась в древние пенаты. Сейчас она поведает мне истинную историю трехтысячелетней давности, и я подарю эту историю современному миру. Когда он заговорил на английском, я заподозрил обман; но обмана нет — это естественная забывчивость.

Гаргрейв потер руки.

— Господи! до чего все это просто, и только у меня есть ключ.

Он снова повернулся к мумии.

— Менен-Ра, приказываю тебе возвысить голос в истории и поведать нам о государственном устройстве Египта, о фараоне, о внутренней жизни двора фараона и жизни повседневной, какой жил ты сам и люди Египта.

И мумия тем же пыльным голосом начала говорить. В ее искренности сомневаться не приходилось, за это я готов ручаться. Выбор слов без сомнения принадлежал Томпсон-Пратту, читателю спортивных журналов и ассистенту-демонстратору Кавендишской лаборатории. Но мумия выражала чувства Древнего Египта; ничего подобного не слышал ни единый живущий (за исключением меня и Гаргрейва).

За ее рассказом вставала поразительно яркая, подлинная жизнь. Никакой ученый, наделенный самым пылким воображением и выучивший наизусть сказания этой мертвой страны, и близко не придумал бы что-либо похожее. Да, рассказ мумии был чудесен в своей правде и живости; он казался не иначе как откровением.

Слушая мумию, Гаргрейв не переставая ругался сквозь зубы. Он ждал исторической диссертации, а получил амурные хроники; жаждал узнать о политике царей, но услышал сплетни об интрижках с их служанками. Ему нужно было описание Палаты совета, но мумия описывала интерьеры винных лавок. Он заблуждался, считая, что все жители Древнего Египта были такими же глубокомысленными и почтенными, как те немногие седовласые старцы, чьи писания дошли до нас; осознав, что в древней земле жили такие же ветреные любители развлечений, какие населяют сегодня нашу благословенную страну, он чуть не скончался на месте от ярости и разочарования.

Что касается меня, то я без конца смеялся, слушая болтовню Менен-Ра, пока слезы не навернулись мне на глаза; жалею только — в профессиональном смысле — что я не смог после воспользоваться этим несравненным рассказом. Я услышал повесть светского гуляки, жившего в Фивах 3000 лет назад, в подробностях узнал о том, как он проводил свои дни и наслаждался по ночам. Он рассказал нам, какие пари заключал с друзьями и как выпивал с ними, поведал о мимолетных любовных связях и серьезных увлечениях. То и дело он поминал какую-то давно умершую Хлою, видимо, неизвестную фиванскую Таис тех времен. Даже учитывая очевидную пристрастность Менен-Ра, можно было смело заключить, что Хлоя обладала восхитительными талантами, хотя по профессии являлась всего лишь скромной танцовщицей. Его описания были великолепны. Правда, в том виде, в каком он их нам изложил, опубликовать их невозможно, даже в малопристойных книжках с желтыми обложками. Я запомнил кое-какие подробности на предмет будущих сочинений; думаю, я выдам их за плоды своего пера. Звучат они вполне свежо, и никто не обвинит ме-

ня в том, что я их где-то стащил; кроме того, глупо вдаваться в объяснения, если тебе все равно не поверят.

К сожалению, я услышал меньше, чем хотел. Было понятно, что Менен-Ра, молчавший 3000 лет, мог продолжать до полуночи. Но говорил он только о том, что его интересовало. Гаргрейв снова и снова пытался расспрашивать этого странника из глубин тысячелетий о весомых, государственных делах, а он раз за разом сворачивал на петушинные бои, игру в кости и обезьяньи скачки на высохших берегах Нила — либо принимался с позабытой ныне свободой рассказывать нам о Хлое и прочих своих любовницах. Он с наслаждением предавался этим воспоминаниям. Других у него попросту не было. Менен-Ра жил только ради удовольствий, а во всем остальном разбирался не лучше, чем мы, современные люди, разбираемся в вопросах государственного масштаба.

Гаргрейв спрашивал его буквально обо всем. Он упомянул армию — и Менен-Ра начал расхваливать своего любимого гладиатора, а также перечислил последние ставки на его предстоящий бой. Гаргрейв спросил о каком-то гимне жрецов Осириса — и этот линиялый гуляка тут же затянул застольную песню, едва не порвав свои засохшие голосовые связки.

Наконец, убедившись в полной бесполезности расспросов, Гаргрейв жестоко оборвал поток пустословия. Прижав к все такому же бледному лицу Томпсон-Пратта большую губку, он подхватил с каминной полки коробочку с зеленым порошком и посыпал им губку. Что-то громко вспыхнуло, посыпались огненные искры, и Томпсон-Пратт вскочил на ноги, отплеываясь и кашляя.

— Бога Ради, Гаргрейв, что за дьявольскую игру ты затеял? Затем ты уложил меня спать на коврик рядом с этой старой развалиной? Эй! у тебя найдется виски с содовой? Умоляю, налей мне виски. Я умираю от жажды.

Я смешал виски с содовой и протянул ему стакан. Он с жадностью проглотил половину. Затем ему на ум пришел тост.

— За тебя, старый хрен! — произнес он и вылил виски на останки. — Интересно, что заменяло виски в твои темные и невежественные времена? Спорю, ты выпил этой дряни немало, раз уж ты мой предок.

— Ты самый настоящий варвар, — сказал я.

— Знаю, — ответил Томпсон-Пратт. — И живется мне куда лучше, чем, скажем, структурному египтологу. Пошли в «Обод», пообедаем. Пусть Гаргрейв и дальше возится с моим малоприятным праотцом!

Ганс Гейнц Эверс
ЕГИПЕТСКАЯ НЕВЕСТА
(1904)

Я видел в свете много чудесного

Вальтер фон дер Фогельвейде

Искать комнату! Что может быть неприятнее этого занятия! Вверх по лестнице, вниз по лестнице, из одной улицы в другую, всегда одни и те же вопросы и ответы, о боже ты мой!

Я отправился на поиски в десять часов, а теперь уже три. Разумеется, я устал, как карусельная лошадь.

Однако еще раз наверх — третий этаж.

— Нельзя ли посмотреть комнату?

— Пожалуйста.

Хозяйка повела меня через темный коридор и открыла дверь.

— Здесь!

Я вошел. Комната была высокая, просторная и не очень скудно меблирована. Диван, письменный стол, кресло-качалка — все как следует!

— А где спальня?

— Дверь налево.

Хозяйка отворила дверь и показала мне помещение. Даже английская кровать. Я был восхищен.

— А цена?

— Шестьдесят марок в месяц.

— Прекрасно! А на рояле у вас играют? Маленькие дети у вас есть?

— Нет, у меня всего только одна дочь. Она замужем в Гамбурге. На рояле тоже никто не играет. Даже внизу.

— Слава Богу, — сказал я, — в таком случае я снимаю комнату.

— Когда хотите вы переехать?

— Если вам удобно, то сегодня же.

— Конечно, удобно.

Мы снова вошли в первую комнату. Я увидел еще одну дверь.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я хозяйку, — куда ведет эта дверь?

— Там еще две комнаты.

— Там живете вы?

— Нет, я живу по другую сторону. Комнаты эти сейчас не заняты. Они тоже отдаются жильцам.

Меня вдруг озарило:

— Но те комнаты, надеюсь, имеют отдельный выход в коридор?

— К сожалению, нет... Господин доктор уж должен согласиться на то, чтобы другой жилец проходил через одну его комнату.

— Что? — вскрикнул я. — Благодарю покорно! Я должен пускать через свою комнату чужих людей? Нечего сказать, прекрасно!

Итак, вот почему комната была так дешева! Поистине, трогательно. Я едва не лопнул от досады, но так устал от беготни, что даже не мог как следует выругаться.

— Возьмите, коли так, все четыре комнаты, — предложила хозяйка.

— К чему мне четыре комнаты? — проворчал я. — Черт бы побрал их.

В это мгновение позвонили. Хозяйка пошла открывать и оставила меня одного.

— Здесь отдаются меблированные комнаты? — услышал я.

«Ага, еще один!» — подумал я. И заранее радовался тому, что скажет этот господин в ответ на милое требование хозяйки. Я быстро вошел в комнату направо, дверь в которую оставалась открытой. Это было средней величины помещение, служащее одновременно и спальней, и жильем. Узенькая дверь на противоположной стороне вела в маленькую, пустую комнатку, скудно освещенную небольшим окном. Это окошечко, как и другие окна этой комнаты, выходило в огромный парк, один из немногих, которые еще сохранились в Берлине...

Я вернулся в первую комнату. Предварительные переговоры были исчерпаны, и новый наниматель должен был

сию минуту увидеть обратную сторону медали. Но я ошибся. Не спросив даже о цене, он объявил, что ему эта комната ему не годится.

— У меня есть еще две другие комнаты, — сказала хозяйка.

— Не можете ли вы показать мне их?

Хозяйка и новый наниматель вошли в комнату, где был я. Он был мал ростом, в коротком черном сюртуке. Окладистая светло-русовая борода и очки. Он имел совершенно бесцветный вид — один из таких людей, мимо которых проходят, не замечая их.

Не обращая на меня никакого внимания, хозяйка показала ему обе комнаты. К большой комнате он не проявлял никакого интереса, но маленькое помещение, наоборот, он осмотрел очень внимательно, и оно, по-видимому, ему весьма понравилось. А когда он заметил, что окна выходят в парк, у него на лице даже выступила довольная улыбка.

— Я хотел бы взять обе эти комнаты, — объявил он.

Хозяйка объявила цену.

— Хорошо! — сказал маленький господин. — Я сегодня же перевезу сюда свои вещи.

Он поклонился и повернулся к выходу.

— А куда выйти?

Хозяйка сделала безнадежную физиономию.

— Вам придется выходить через предыдущую комнату.

— Что? — спросил господин. — У этой комнаты нет отдельного выхода? Я должен всегда ходить по чужой комнате?

— Возьмите в таком случае все четыре комнаты! — простонала хозяйка.

— Но для меня это слишком дорого — четыре комнаты... Господи Боже! Значит, опять приходится начать беганье.

У бедной хозяйки побежали по щекам крупные слезы.

— Я никогда не сдам комнат! — сказала она. — За последние две недели приходило до ста нанимателей: всем им нравились комнаты, но все отказались брать их, потому

что глупый архитектор не сделал двери в коридор. Этот господин тоже совсем было уж остался.

Она указала на меня и вытерла глаза фартуком.

— Вы тоже хотели нанять эти комнаты? — спросил меня маленький господин.

— Нет, другие. Но я, конечно, отказался от удовольствия постоянно пускать в комнату посторонних людей. Впрочем, вы можете утешиться: я уже тоже с десяти часов утра в поисках.

Наше короткое собеседование возбудило в хозяйке опять некоторую надежду.

— Господа так хорошо понимают друг друга, — промолвила она, — может быть, господа нашли бы возможным взять четыре комнаты сообща?

— Покорно благодарю! — возразил я.

Маленький господин внимательно посмотрел на меня и затем обратился ко мне:

— Я совершенно изнемог от поисков, — промолвил он, — а эти две комнаты подходят для меня как нельзя более. Что, если бы мы сделали попытку...

— Но ведь я вас совсем не знаю! — сказал я раздраженно.

— Мое имя Фриц Беккерс. Я очень тихий человек и почти не буду вам мешать. Если же окажется, что вам это неудобно, вы можете всегда отсюда уехать. Ведь это не брак.

Я молчал. Он продолжал:

— Я предложу вам следующее: общая цена за все эти комнаты девяносто марок. Будем класть на каждого по половине. Я беру эти две комнаты, вы берете две другие. Я должен иметь право свободного прохода через вашу комнату, а кроме того, я хотел бы по утрам пить кофе в вашей комнате. Я не люблю завтракать в той комнате, в которой сплю.

— Пейте кофе в маленьком помещении.

— Оно будет мне служить для... для другой цели. Но еще раз уверяю вас, что я никоим образом не буду вам в тягость.

— Нет! — промолвил я.

— Ну, тогда, — возразил господин Беккерс, — тогда, конечно, ничего не поделаешь. Тогда нам обоим не остается ничего другого, как отправиться на охоту.

Снова вверх по лестнице, вниз по лестнице... приятнее разбивать камни на большой дороге...

— Погодите! — обратился я к нему. — Я, пожалуй, попробую проделать этот опыт.

— И отлично!

Хозяйка сияла:

— Сегодня счастливый день.

Я подписал условие и попросил ее послать за моими вещами. Затем я распрощался. Я чувствовал адский голод и отправился где-нибудь пообедать.

Но уже на лестнице я стал сожалеть о своем решении. Всего охотнее я вернулся бы и взял свои слова обратно.

На улице я встретился с Паулем Гаазе.

— Куда? — спросил я.

— Я не имею местопребывания. Я ищу.

Я пришел сразу в хорошее настроение. По крайней мере, у меня теперь было «местопребывание». Я отправился с художником в ресторан, и мы очень основательно поели.

— Пойдемте сегодня вечером на праздник художников, — предложил мне Гаазе. — Я приду за вами.

— Хорошо!

Когда я вернулся в мое новое жилище, мои чемоданы уже были там. Хозяйка и артельщики пришли мне на помощь, и часа через два все было благоустроено: олеографии и безделушки были убраны, и комната до некоторой степени приобрела характер ее нового жильца.

В дверь постучали.

Вошел художник.

— А, у вас здесь очень недурно... Вы устроились с толком и со смыслом, — решил он. — Но пойдемте. Уже девять часов.

— Что? — Я взглянул на часы. Он был прав.

В это мгновение в дверь снова постучали.

— Войдите!

— Извините, это я.

В комнату вошел Беккерс; двое артельщиков тащили за ним огромные ящики.

— Кто это такой? — спросил Пауль Гаазе, когда мы уже сидели в трамвае.

Я раскрыл ему секрет моей комнаты.

— Ну вы, кажется, сели в лужу... Впрочем, нам здесь выходить...

На другое утро я поднялся довольно поздно. Когда хозяйка принесла чаю, я спросил ее, завтракал ли уже господин Беккерс.

— Еще в половине восьмого, — ответила она.

Это было мне очень приятно. Если он всегда встает так рано, то он не будет мне в тягость. И в самом деле, я вообще не видел его. Я прожил в своем новом жилище три недели и почти совсем позабыл о своем сожителе.

Однажды вечером, часов около десяти, он постучался в дверь, разделявшую наши владения. Я крикнул: «Войдите!», — и Фриц Беккерс отворил дверь и вошел в мою комнату.

— Добрый вечер! Я вам не мешаю?

— Ничуть. Я как раз только что покончил с моим писанием.

— Значит, я могу на минутку зайти к вам?

— Пожалуйста. Но только с одним условием: вы курите длинную трубку, а у меня душа не переносит ее. Сигар или сигареток я могу предложить вам сколько угодно.

Он вернулся в свою комнату, и я слышал, как он выколачивал трубку об окно. Затем он снова явился и закрыл за собою дверь. Я пододвинул к нему ящик с сигарами.

— Пожалуйста.

— Благодарю. Короткую трубку вы тоже не можете переносить?

— Напротив, переношу очень хорошо.

— В таком случае, позвольте, я набью ее.

Он вытащил из кармана короткую английскую трубку, набил ее и зажег.

— Я в самом деле не мешаю вам? — снова спросил он.

— Да нет же. Ничуть. Я дошел в своей работе до мертвой точки и, так или иначе, но должен прекратить ее. Мне требуется описание праздника Озириса. Завтра утром я схожу в библиотеку. Там я, наверное, найду что-нибудь.

Фриц Беккерс улыбнулся.

— Может быть, я мог бы вам помочь?

Я задал ему несколько вопросов, а он дал мне на них весьма подробные и обстоятельные ответы.

— Вы ориенталист, господин Беккерс?

— Немного, — ответил он.

С этого дня он стал иногда заходить ко мне. Он являлся ко мне по большей части поздно вечером, выпить стакан грога. Иногда я сам звал его. Мы очень охотно беседовали друг с другом о самых разнообразных предметах. Фриц Беккерс, по-видимому, был сведущ во всех областях. Только о себе самом он отклонял всякие разговоры.

Он был немного таинственен. Перед дверью, которая вела в мою комнату, он повесил тяжелый персидский ковер, который совершенно заглушал всякий шум. Когда он выходил из дома, то крепко запирает за собою дверь, и хозяйка могла входить к нему в комнату только утром для приборки, когда он завтракал в моей комнате. Во время субботней всеобщей чистки он упорно оставался дома, садился в кресло и курил трубку, пока хозяйка не кончала своей возни. При этом в его комнате не было ничего такого, что бросалось бы чем-нибудь в глаза. Конечно, за исключением маленькой комнатки, где могли скрываться самые невероятные вещи. Дверь в эту комнатку тоже была завешена тяжелым ковром, а кроме того, он велел сделать на ней два крепких железных засова, которые запирает американскими наборными замками.

Хозяйка, разумеется, проявляла ужасающее любопытство к таинственной комнатке, в которой Беккерс работал целый день. В один прекрасный день она отправилась в большой парк напротив; она с большим трудом завела знакомство с садовником только для того, чтобы хоть разик взглянуть оттуда на маленькое окно.

Может быть, она увидит в нем что-нибудь?

Но она не увидела ничего. Окно было выставлено, чтобы дать больший доступ свежему воздуху, но изнутри оно было все-таки завешено черным платком.

Однажды при случае хозяйка задала своему жильцу вопрос:

— Почему, собственно, вы всегда завешиваете маленькое окно, господин Беккерс?

— Я не люблю, чтобы меня наблюдали посторонние за моей работой.

— Но ведь напротив нет никого. Никто не может вас видеть.

— А вдруг кто-нибудь залезет в парке на высокий вяз?

Вне себя от удивления, хозяйка передала мне этот разговор. Что ж это был за такой таинственный человек, который мог думать о таких возможностях?

— Вероятно, он фальшивомонетчик, — сказал я.

Начиная с этого дня каждая марка и каждый грош, выходявшие из рук господина Беккерса, подвергались тщательному исследованию. Хозяйка с умыслом попросила его разменять несколько банковских билетов, и все деньги, которые он ей дал, отнесла показать знакомому банковскому чиновнику. Их рассматривали под лупой, но между ними не оказалось ни одной фальшивой монетки. К тому же господин Беккерс каждое первое число получал с почты двести марок и никогда не тратил всей этой суммы. С производством фальшивой монеты, таким образом, было покончено.

Посетителей у господина Беккерса вообще не бывало никаких. Но он постоянно получал большие и маленькие ящики самых разнообразных форматов. Их приносили ему всегда посыльные. Что в них было такое — хозяйка не могла узнать, несмотря на все свои усилия. Беккерс запирался, вынимал из ящиков содержимое и потом отдавал пустые ящики ей на растопку.

Однажды после обеда ко мне пришла моя маленькая подруга. Я сидел за письменным столом, она лежала на диване и читала.

— Послушай, там раза два позвонили.

- Пускай, — проворчал я.
- Однако, не открывают.
- Не беда...
- Твоей хозяйки, должно быть, там нет?
- Нет. Она ушла из дома.

В этот момент снова позвонили очень энергично.

— Я пойду открою! — сказала Анни. — В конце концов, это, может быть, что-нибудь для тебя?

— Ну открой, если это доставляет тебе удовольствие. Но только будь осторожна.

Она вскочила.

— Не беспокойся! — промолвила она. — Я сначала загляну в замочную скважину.

Минуты через две она вернулась.

— Это посылка для тебя. Дай мне немного мелочи. Надо дать посыльному на чай.

Я дал денег, посыльный поставил в моей комнате четырехугольный ящик, поблагодарил и ушел.

— Посмотрим, что там такое! — воскликнула Анни и хлопала в ладоши.

Я встал и посмотрел посылку. На ящике не было никакого адреса.

— Я совершенно не знаю, от кого это может быть? — промолвил я. — Быть может, это ошибка.

— Как так? — воскликнула Анни. — Посыльный имел при себе записку, и в ней было написано: «Винтерфельдштрассе, 24, третий этаж, у госпожи Петерсен». А кроме того, он сказал: «Для господина доктора». Ведь ты доктор?

— Да! — сказал я. Неизвестно почему, но я совершенно не подумал в эту минуту о Беккерсе.

— То-то оно и есть. Давай распаковывать ящик. Там, наверное, какие-нибудь вкусные вещи!

Я попробовал вскрыть крышку ящика моим старым кинжалом. Но клинок сломался. Я поглядел кругом, но нигде не было никакого инструмента, который я мог употребить в дело.

— Ничего не выходит! — сказал я.

— Ты глуп! — рассмеялась Анни.

Она побежала на кухню и принесла оттуда молоток, щипцы и долото.

— Все это лежало в ящике кухонного стола. Ты ничего не знаешь.

Она опустила на колени и принялась за работу. Но это было нелегкое дело: крышка сидела крепко. Бледные щеки Анни покраснели, а сердце стучало так, что почти слышны были его удары.

— Возьми! — сказала она, передавая мне инструменты и прижимая обе руки к груди. — Ах, глупое сердце!

Это было самое милое создание во всем мире, но такое хрупкое! С ней нужно было обращаться крайне осторожно: ее сердце было в большом беспорядке.

Я вытащил несколько гвоздей и приподнял крышку. Трах! Она наконец отскочила. Вверху лежали опилки. Анни проворно засунула обе руки внутрь, а я в это время повернулся, чтобы положить инструменты на стол.

— Я уже нашла! — вскрикнула она. — Это что-то мягкое!

Вдруг она испуганно вскрикнула, вскочила и повалилась навзничь. Я подхватил ее и положил на диван. Она лежала в глубоком обмороке. Я торопливо расстегнул ей блузу и расшнуровал корсет. Ее бедное сердечко опять дало знать о себе. Я взял одеколон и стал тереть ей грудь и виски, и мало-помалу сердце стало опять стучать.

В это время в наружную дверь постучали.

— Кто там?

— Это я.

— Войдите, но только проходите поскорее! — вскрикнул я, и Беккерс вошел.

— Что это такое? — спросил он.

Я рассказал ему, что произошло.

— Этот ящик прислан мне, — сказал он.

— Вам? Но что же в нем такое? Почему малютка так испугалась?

— О, ничего особенного.

— Там мертвые кошки! — воскликнула Анни, придя в себя. — Весь ящик битком набит мертвыми кошками!

Фриц Беккерс взял крышку, чтобы снова накрыть ящик. Я подошел и бросил беглый взгляд внутрь. Действительно, там были мертвые кошки. На самом верху лежал большой черный кот.

— Черт возьми, на что они вам?

Фриц Беккерс улыбнулся и медленно промолвил:

— Знаете ли, говорят, что кошачий мех очень помогает против ломоты и ревматизма. У меня есть старая тетка в Уседоме: она очень страдает ревматизмом, и вот я хочу послать ей кошачьи шкуры.

— Ваша противная старая тетка в Уседоме, наверное, чертова бабушка! — воскликнула Анни, которая уже сидела на софе.

— Вы думаете? — промолвил Беккерс.

Он учтиво раскланялся, захватил ящик и ушел в свою комнату.

Неделю спустя снова пришла посылка на его имя, на этот раз по почте. Хозяйка пронесла ее через мою комнату и многозначительно кивнула мне. Вернувшись затем в мою комнату, она подошла ко мне, вынула из кармана записку и протянула мне.

— Вот что в посылке! — объявила она. — Я списала это с почтовой декларации.

Посылка была из Марсея и содержала двенадцать кило... мускуса! Количество, совершенно достаточное, чтобы обеспечить этим продуктом всех жриц Венеры в Берлине лет на десять.

Поистине, замечательный человек был этот господин Фриц Беккерс!

В другой раз, когда я, вернувшись домой, только что переступил порог, хозяйка, крайне взволнованная, кинулась ко мне:

— Сегодня утром он получил огромный ящик — метра в два длиной и полметра вышиной. Наверное, там гроб!

Но Фриц Беккерс через несколько часов вытащил ящик из комнаты и отдал его на дрова. И, несмотря на то, что хозяйка во время уборки комнаты самым старательным обра-

зом совала свой нос всюду, она не могла открыть ничего такого, что имело бы хотя бы отдаленное сходство с гробом.

Мало-помалу наш интерес к тайнам Фрица Беккера исчез. Он продолжал получать иногда таинственные ящики, по большей части маленькие — вроде того, в котором были мертвые кошки. Порой появлялись и длинные ящики, но мы отказались отгадывать эту загадку, тем более что Фриц Беккерс не имел в себе решительно ничего, бросающегося в глаза. Иногда вечером попозднее он заходил ко мне часа на два, и я должен сознаться, что беседовать с ним было большое удовольствие.

И вот тогда произошла со мной в высшей степени неприятная история.

Моя маленькая подруга становилась все капризнее. Памятуя об ее больном сердце, я принимал по отношению к ней всевозможные меры предосторожности, но она с каждым днем становилась все раздражительнее. Фрица Беккера теперь она совсем не переносила. Если Фриц Беккерс заходил ко мне на минутку в то время, когда она сидела у меня, то каждый раз происходила сцена, кончавшаяся тем, что Анни падала в обморок. Она падала в обморок так часто, как другие чихают. Она постоянно падала в обморок — по всякому поводу, а очень часто и без всякого повода. И обмороки эти становились все длиннее и внушали мне все большие опасения. Я все время боялся, что она умрет на моих руках. Бедное милое создание!

Однажды под вечер она пришла ко мне веселая и довольная.

— Тетя уехала в Потсдам! — промолвила она. — Я могу пробить у тебя до одиннадцати часов.

Она заварила чай и уселась ко мне на колени.

— Дай мне прочитать, что ты написал.

Она взяла исписанные листки и прочла их. И осталась довольна написанным и в награду за это крепко поцеловала меня. Наши маленькие подруги — самая благодарная публика для нас.

Она была весела и здорова сегодня.

— Ты знаешь, я думаю, что моему глупому сердцу гораздо лучше. Оно стучит совсем спокойно и правильно.

Она взяла мою голову обеими руками и прижала мое ухо к своему сердечку, чтобы мне было слышнее.

Вечером Анни озаботилась составлением меню нашего ужина. Она записала все, что надо было: хлеб, масло, ветчину, франкфуртские сосиски и яйца — и позвонила хозяйке.

— Вот! Ступайте и принесите все это! — приказала она. — Но только посмотрите, чтобы вам дали хороший товар.

— Вы останетесь довольны, барышня: я позабочусь обо всем как следует, — ответила хозяйка.

И она ласково погладила мозолистой рукой атласную ручку Анни. Я нахожу, что все берлинские квартирные хозяйки без ума от подруг их жильцов.

— Ах, как славно сегодня у тебя! — смеялась Анни. — Если бы только этот отвратительный Беккерс не приходил сюда!

И вот как раз именно он и явился. Тук-тук...

— Войдите!

— Я мешаю?

— Да, конечно, мешаете. Разве вы не видите, что мешаете! — воскликнула Анни.

— Я сию минуту уйду.

— Ах, вы все равно помешали нам... Едва вы просунете сюда голову, уже становится противно. Уходите же... Уходите же, наконец! Чего же вы еще ждете? Вы — убийца кошек!

Беккерс уже взялся за дверную ручку, чтобы уйти. Он не оставался в комнате и минуты, но для Анни и это был слишком долгий срок. Она вскочила, ее белые руки схватились за край стола.

— Разве ты не видишь, что он хочет силой остаться здесь, этот человек. Вышвырни его вон! Защити же меня! Выгони его, эту гадкую собаку!

— Пожалуйста, выйдите отсюда, — обратился я к Беккерсу.

Он остановился в дверях и кинул на Анни еще один взгляд. Долгий, странный взгляд.

Анни пришла в неистовство.

— Вон! Вон, собака! — кричала она. — Вон!

Ее голос оборвался, глаза выступили из орбит. Судорожно сжатые пальцы медленно выпустили край стола, она безжизненно повалилась на диван.

— Ну, вот и готово! — воскликнул я. — Опять обморок! Эти истории с сердцем становятся совершенно несносными. Извините, господин Беккерс, она ведь серьезно больна, бедная малютка.

Как всегда, я расстегнул ее блузу и корсет и стал растирать ее одеколоном. Она не приходила в себя.

— Беккерс! — позвал я. — Принесите, пожалуйста, уксус из кухни.

Он принес уксус, но и растирание уксусом не помогло.

— Постойте! — промолвил он. — У меня есть кое-что другое.

Он ушел в свою комнату и возвратился с пестрой коробкой.

— Зажмите себе нос платком, — сказал он.

Затем взял из коробки кусок персидской камфары и поднес его девушке к носу. Камфара пахла так сильно, что у меня побежали по щекам слезы.

Анни вздрогнула. Продолжительная сильная судорога потрясла ее тело.

— Слава Богу, помогает! — вскрикнул я.

Она приподнялась, глаза ее широко раскрылись. И она увидела над собою лицо Беккерса. Ужасный крик вырвался из ее посиневших губ, и тотчас же она упала снова в обморок.

— Новый обморок! Вот еще несчастье!

Снова пустили мы в ход все средства, какие только знали: воду, уксус, одеколон. Мы держали под самым ее носом персидскую камфару, запах которой заставил бы расчихаться мраморную статую. Она оставалась безжизненной.

— Черт возьми, славная история!

Я приложил ухо к ее груди и не мог расслышать ни малейшего удара. Легкие тоже не работали: я взял ручное зеркала и приложил его к полукрытым губам — ни единое легчайшее дыхание не помутило его поверхности.

— Я думаю... — сказал Беккерс. — Я думаю...

Он прервал сам себя:

— Надо позвать врача.

Я вскочил.

— Да, конечно. Сию же минуту. Напротив в доме есть врач... Ступайте туда. А я побегу на угол, к моему приятелю, доктору Мартенсу. Он, наверное, дома.

Мы вместе кинулись вниз по лестнице. Я слышал, как Беккерс уже звонил у подъезда напротив. Я побежал со всех ног и вот наконец уже стоял у двери доктора Мартенса и нажимал кнопку. Никто не являлся. Я позвонил еще раз. Наконец, я нажал кнопку и продолжал держать ее пальцем, не отпуская. Все еще никого. Мне казалось, что я стою здесь уже целые тысячелетия.

Наконец показался свет. Мне открыл сам доктор Мартенс в рубашке и туфлях.

— Что значит этот набат?

— Да я жду тут без конца...

— Извините. Прислуга ушла, я был совершенно один и, как видите, занимался туалетом. Я собираюсь уходить в гости. Что у вас такое случилось?

— Пойдемте со мной, доктор! Сию же минуту!..

— Как? В рубашке? Я должен, по крайней мере, надеть хоть брюки. Зайдите. Я буду одеваться, а вы в это время расскажете, что у вас случилось.

Я прошел за ним в его спальню.

— Вы ведь знаете маленькую Анни? Вы, кажется, встречали ее у меня. Так вот...

И я рассказал ему, в чем было дело. Наконец он был готов. О небо! Теперь он опять зажигает сигару.

На улице навстречу нам попался Беккерс.

— Ваш врач уже там, наверху? — спросил я его.

— Нет, но он должен прийти каждую секунду. Я ожидаю его здесь.

Когда мы подходили к дому, из противоположного дома вышел господин — это был другой врач. Мы все четверо поспешили вверх по лестнице.

— Ну, где же наша пациентка? — спросил Мартенс, который вошел в мою комнату первым.

— Там, на диване, — сказал я.

— На диване? Там никого нет!

Я вошел в комнату — Анни там уже не было. Я онемел...

— Может быть, она очнулась от обморока и легла рядом на постель? — заметил другой врач.

Мы вошли в спальню, но и там никого не было. Кровать была совершенно нетронута. Мы прошли в комнату Беккерса, но Анни не было и там. Мы искали в кухне, в комнате хозяйки, во всем этаже — повсюду... Она исчезла...

Мартенс смеялся:

— А ведь вы напрасно всполошили нас... Она преспокойно ушла домой, пока вы рассказывали нам, мирным гражданам, страшные истории.

— Но в таком случае ее должен был увидеть Беккерс. Ведь он все время был внизу, на улице.

— Я ходил то туда, то сюда, — сказал Беккерс. — Могло случиться, что она как-нибудь и проскользнула за моей спиной из дома.

— Но это же совершенно невозможно! — воскликнул я. — Она лежала без всякого движения, в состоянии полного оцепенения. Сердце не работало, легкие не действовали. Никто в таком состоянии не сможет ни с того ни с сего встать и благополучно уйти домой.

— Она разыграла перед вами целую комедию, ваша Анни, и, наверное, от души хохотала над вами, пока вы носились в полном отчаянии по лестницам за помощью...

Врачи, смеясь, ушли. Вскоре после этого вернулась хозяйка.

— Ах, барышня уже ушла?

— Да, — сказал я, — она ушла домой. Со мной будет ужинать господин Беккерс. Могу я вам предложить, господин Беккерс?

— Благодарствуйте! — промолвил он. — С удовольствием.

Мы ели и пили.

— В высшей степени интересно было бы знать, что все это значит?

— Вы будете ей писать? — спросил Беккерс.

— Да. Конечно. Всего охотнее я сам бы сходил к ней завтра же. Предлог можно найти всегда, если б только я знал, где она живет.

— А вы не знаете, где она живет?

— Не имею ни малейшего представления. Я не знаю даже, как ее зовут. Я познакомился с нею месяца три тому назад в трамвае, а потом несколько раз встречался с нею в выставочном парке. Я знаю только, что она живет в ганзейском квартале, что у нее нет родителей, но зато есть богатая тетка, которая адски за ней надзирает. Я зову ее Анни, потому что это имя очень подходит к ее фигурке. Но она может зваться Ида, Фрида, Паулина — почему я знаю.

— Как же вы в таком случае переписываетесь с ней?

— Я пишу ей — впрочем, довольно редко — на имя Анни Мейер, почтаamt, 28. Не правда ли, какой хитроумный адрес?

— Анни Мейер, почтаamt, 28, — задумчиво повторил Фриц Беккерс.

— Итак, prosit! — господин Беккерс. За наши дружественные отношения. Хотя Анни терпеть вас не могла, все-таки сегодня вечером она уступила вам место.

— Prosit!

Стаканы зазвенели один о другой. Мы пили и болтали, и было уже очень поздно, когда мы расстались.

Я вошел в спальню и подошел к открытому окну. Внизу, под окном, расстилался большой сад. Лунный свет играл на листьях, слегка трепетавших под тихим ветром.

И вдруг мне показалось, будто там, внизу, кто-то позвал меня по имени. Я внимательно прислушался — вот опять слышалось это... Э т о б ы л г о л о с А н н и.

— Анни! — крикнул я в ночной тишине. — Анни!

Но ответа не было.

— Анни! — еще раз крикнул я. — Ты там, внизу?

Никакого ответа. Как она могла попасть в парк? И в такое время?

Несомненно, я был пьян.

Я лег в постель и в одно мгновение заснул. Часа два я спал очень крепко, но затем мой сон стал беспокойен, и я начал грезить. Я должен заметить, что со мною это бывает редко. Очень редко.

Она снова позвала меня...

Я увидел Анни: она лежала; над нею склонился Беккерс. Она широко открывала испуганные глаза. Маленькие ручки поднимались, чтобы оттолкнуть его. И вот бледные губы пошевелились, и из ее уст с несказанным усилием вырвался крик... мое имя.

Я проснулся. Я отер со лба пот и прислушался. И теперь снова услышал: тихо-тихо, но совершенно ясно и отчетливо она позвала меня. Я вскочил с постели и подбежал к окну:

— Анни! Анни!

Нет! Все было тихо. И я уже хотел снова лечь в постель, как она в последний раз позвала меня — громче, чем прежде, и как бы в безумном страхе.

Не было никакого сомнения — это был ее голос. Но на этот раз он раздавался где-то в комнате.

Я зажег свечу и стал искать под кроватью, за драпировками, в шкафу. Но совершенно напрасно. Там никто не мог бы спрятаться. Я вошел в кабинет. Но нет, ее нигде не было.

А если Беккерс... но эта мысль была уж слишком абсурдна. Впрочем, разве это невозможно? Не раздумывая долго, я подошел к его двери и повернул ручку. Она была заперта. Тогда я со всею силою навалился на нее: замок сломался, и дверь широко распахнулась. Я схватил свечку и ворвался туда.

— Что случилось? — спросил Фриц Беккерс.

Он лежал в кровати и протирал заспанные глаза. Мое подозрение оказалось поистине ребяческим.

— Извините меня за эти глупости! — промолвил я. — Я потерял рассудок из-за дурацкого сна.

И я рассказал ему, что мне приснилось.

— Замечательно! — промолвил он. — Я видел во сне совершенно то же самое...

Я взглянул на него: в его чертах сквозила высокомерная насмешка.

— Вам совершенно не для чего поднимать меня на смех! — проворчал я и вышел.

На другое утро я стал писать Анни длинное письмо. Фриц Беккерс вошел ко мне, когда я надписывал адрес. Он поглядел через мое плечо и прочитал: «Анни Мейер, почтаamt, 28, до востребования».

— Если б вы только получили ответ! — рассмеялся он.

Но я не получил никакого ответа. Спустя четыре дня я написал еще раз, а еще через две недели — в третий раз.

Наконец я получил ответ, но написанный совершенно чужим почерком:

«Я не хочу, чтобы отныне у вас в руках были письма, писанные моей рукой, и поэтому я диктую эти строки моей подруге. Я прошу вас немедленно возвратить мне все мои письма и все, что остается у вас на память обо мне. Вы можете сами догадаться о причине, почему я ничего не хочу более о вас знать: если вы предпочитаете мне вашего отвратительного друга, то мне ничего не остается другого, как уйти самой».

Подписи не было. К письму были приложены нераспечатанными мои последние три письма. Я написал ей еще раз, но и это письмо получил спустя несколько дней обратно нераспечатанным. Тогда я решился... Я уложил туда же еще кое-какие и послал все это по ее адресу до востребования.

Когда я вечером сообщил об этом Беккерсу, он спросил меня:

— Вы все возвратили ей?

— Да, все.

— Ничего не оставили у себя?

— Нет, решительно ничего. Почему вы спрашиваете об этом?

— Просто так. Так гораздо лучше, чем таскать с собой повсюду всевозможные воспоминания.

* * *

Прошло месяца два, и однажды Беккерс объявил, что он съезжает с квартиры.

— Вы уезжаете из Берлина?

— Да, — отвечал он, — я еду в Уседом, к моей тетке. Это очень красивая местность, Уседом.

— Когда вы уезжаете?

— Я, собственно, уже должен был бы уезжать. Но послезавтра один мой старый друг празднует юбилей, и я должен был обещать прийти к нему. Я был бы очень рад, если бы вы доставили мне такое удовольствие и отправились вместе со мной.

— На юбилейное празднество вашего друга?

— Да. Вы там увидите нечто совсем особенное. Совсем не то, что вы представляете себе. Впрочем, мы прожили вместе почти семь месяцев в полном мире, и я надеюсь, что вы не откажете мне в моей маленькой просьбе провести последний вечер вместе со мной.

— Упаси Боже! — ответил я.

Вечером, около восьми часов, Беккерс зашел за мной.

— Сию минуту! — промолвил я.

— Я пойду вперед, чтобы нанять извозчика. Я буду ждать вас внизу. Не могу ли я еще попросить вас надеть черные брюки, сюртук, цилиндр и захватить также черные перчатки? Вы видите, я одет точно так же.

«Вот еще, — проворчал я про себя, — хорошенький юбилей, нечего сказать».

Когда я вышел на улицу, Беккерс уже сидел на извозчике. Я уселся рядом с ним, и мы поехали через весь Берлин. Я не обращал внимания, по каким улицам мы едем. После долгой, почти часовой езды мы остановились. Беккерс расплатился с извозчиком и повел меня сквозь высокую арку

ворот на длинный двор, окруженный высокою стеною. Он толкнул низенькую дверь в стене, и мы очутились около маленького домика, который прилегал вплотную к стене. Кругом был великолепный сад.

— Смотрите, пожалуйста. Еще один большой частный сад в Берлине. Никогда не узнаешь всех секретов в этом городе...

Но я не имел времени на более подробный осмотр. Беккерс был уже наверху каменной лестницы, и я поспешил за ним. Дверь была открыта. Из темной передней мы прошли в маленькую, скромно убранную комнату. Посредине стоял накрытый белой скатертью стол, а на нем большой кувшин с крушоном. Направо и налево от него горели свечи в двух высоких церковных светильниках из тяжелого старинного серебра. Два таких же высоких пятисветчных светильника стояли на превращенном в буфет комодe и бросали свет на большое блюдо с сандвичами. На стенах висели две-три старых олеографии, на которых едва можно было различить краски, и множество венков с прекрасными широкими шелковыми лентами. Юбиляр был, очевидно; оперный певец или актер. И какой замечательный! Такого количества венков я не видел ни у одной, хотя бы даже самой популярной дивы. Они висели от пола до потолка — по большей части старые и выцветшие, но среди них были и совсем свежие, очевидно, только что поднесенные юбиляру по случаю его юбилея.

Беккерс представил меня:

— Я вам привел моего друга, — промолвил он, — господин Лауренц, его супруга и семейство.

— Отлично, отлично, господин Беккерс! — произнес юбиляр и пожал мне руку. — Это высокая честь для нас!

Я видал немало редких типов, расцветавших и отцветавших на сцене, но такого, признаюсь, не видал... Вообразите себе: юбиляр был необычайно, исключительно мал и имел, пожалуй, семьдесят пять лет от роду. Его руки были так же мозолисты и жестки, как старая солдатская подошва. При этом, несмотря на то, что он, по случаю юбилея, очевидно, предпринял самую энергичную чистку их, они были темно-

коричневого, землистого цвета. Его высохшее лицо походило на картофельную кожуру, которая два месяца лежала на солнце. Его длинные уши торчали, словно семафоры. Над беззубым ртом свешивались растрепанные седые усы, топорщившиеся от нюхательного табака. Тонкие волоски неопределенного цвета были приклеены то здесь, то там на бледном черепе.

Его жена, особа почти одних лет с ним, налила нам вина и поставила тарелку с сэндвичами, колбасой и ветчиной. Сэндвичи, впрочем, имели очень аппетитный вид, и это отчасти примирило меня с нею. На ней было черное шелковое платье, черная брошь и черные же браслеты. Остальные присутствующие — человек пять-шесть — были тоже в черном. Один из них был еще меньше ростом и еще старше, чем юбиляр, другие могли иметь лет сорок-пятьдесят.

— Ваши родственники? — спросил я господина Лауренца.

— Нет. Вон только тот — одноглазый — мой сын. Остальные — служащие.

Итак, это были его служащие! Таким образом, мое предположение, что господин Лауренц был звездой сцены, оказалось неверным. Но в таком случае, откуда же он получил все эти великолепные венки? Я прочел посвящения на шелковых лентах. На одной — черно-бело-красной — ленте было напечатано: «Нашему храброму начальнику. Верные гренадеры крепости С.-Себастьян». Стало быть, он был гарнизонный командир! На другой ленте я прочел: «Избиратели в рейхстаг от Христианского центрального комитета». Значит, он играл роль в политике! «Величайшему Лознгрину всех времен...» Итак, он все-таки был оперный певец! «Незабвенному коллеге. Берлинский клуб печати». К тому же еще и человек пера?.. «Светочу немецкой науки, украшению немецкого гражданства. Союз свободомыслящих». Поистине, выдающийся человек, этот господин Лауренц! Мне сделалось стыдно, что я никогда не слышал о нем. Красная как кровь лента имела надпись: «Певцу свободы — люди труда». На другой — зеленой — можно было прочесть: «Мое-

му дорогому другу и соратнику. Штеккер, придворный проповедник».

Что же это был за редкий человек, который знал и умел все и пользовался одинаковым почетом во всех сферах и областях? Посреди стены висела огромная лента с тремя вескими словами: «Величайшему сыну Германии...»

— Извините меня, господин Лауренц, — скромно начал я, — я глубоко несчастлив, что до сих пор ничего не слышал о вас. Могу я спросить вас?

— Конечно! — промолвил весело Лауренц.

— Какой, собственно, юбилей празднуете вы сегодня в таком восхитительно тесном семейном кругу?

— Сотысячный! — ответил Лауренц.

— Сотысячный? — спросил я.

— Сотысячный! — повторил Лауренц и плюнул мне на сапог.

— Сотысячный!.. — задумчиво произнес одноглазый сын.

— Сотысячный!..

— Сотысячный!.. — повторила госпожа Лауренц. — Могу я налить вам еще стакан вина?

— Сотысячный! — сказал Лауренц еще раз. — Не правда ли, хорошенькое число?

— Очень хорошенькое! — сказал я.

— В самом деле, это очень хорошенькое число! — сказал Фриц Беккерс. Он встал и поднял свой стакан. — Сто тысяч. Исключительно прекрасное число. Сто тысяч. Вы подумайте только.

— Чудесное число! — произнес тот гость, который был еще меньше и старше господина Лауренца. — Совершенно чудесное число. Сто тысяч.

— Я вижу, вы понимаете меня, господа, — продолжал Фриц Беккерс, — и поэтому я считаю лишним распространяться по данному поводу. Я ограничусь только одним словом: сто тысяч. А вам, милый юбиляр, я желаю еще сто тысяч!

— Еще сто тысяч! — воскликнули жена господина Лауренца, и его сын, и его служащие, и все чокнулись с юбиляром.

Меня озарило: Лауренц накопил первые сто тысяч марок или талеров и поэтому угощал вином.

Я тоже взял бокал и чокнулся с ним:

— Позвольте и мне с искренним сердцем присоединиться к пожеланию, высказанному господином Беккерсом. Еще сто тысяч. *Prosit! Non olet!*

— Что он сказал? — обратился юбиляр к Беккерсу.

— *Non olet!* Не пахнет, — пояснил тот.

— Не пахнет? — Лауренц рассмеялся. — Знаете что, молодой человек, вы могли бы с полным основанием заткнуть себе нос. Почти все пахнут. Мне вы можете поверить...

Каким же, спрашивается, плутовским способом этот старый грешник мог приобретать свои капиталы, если он так цинично говорил об этом?..

Беккерс снова поднялся и взял пакет, который перед тем положил на комод.

— Я позволю себе предложить вам, господин Лауренц, маленький знак нашей признательности, а вместе с тем воспоминание о нашей дружбе и о вашем прекрасном юбилее.

Он вынул из пакета большой белый череп, красиво оправленный в серебро. Верхняя часть черепа была отпилена и снова прикреплена на свое место посредством шарнира, так что могла двигаться подобно крышке пивной кружки.

— Дайте мне ложку! — воскликнул он. Затем он наполнил череп доверху вином и протянул юбиляру. Тот, в свою очередь, выпил и передал череп соседу. И таким образом череп сделал круг.

— Знаешь, старуха, — рассмеялся юбиляр, — он годится для моего утреннего пива.

Фриц Беккерс посмотрел на часы:

— Четверть одиннадцатого. Я должен поспешить: мой поезд скоро отходит.

— Дорогой друг и благодетель, — промолвил юбиляр, — еще немножко. Еще хоть четверть часика. Прошу вас, дорогой друг и благодетель.

Фриц Беккерс был благодетелем этого знаменитого человека. Это становилось еще загадочнее.

— Нет, не могу, — энергично сказал благодетель и протянул мне руку. — До свидания.

— Я иду с вами.

— Для вас это будет слишком большой крюк. Мне надо на Штеттинский вокзал. Я дойду до ближайшей стоянки извозчиков и пошлю извозчика также и для вас. Adieu! Я должен поспешить, иначе я прозеваю поезд.

Все вышли проводить его. Я остался один и пил вино. Старик вернулся, чтобы налить мне еще стакан.

— Знаете что? — обратился он ко мне. — Если вам понадобится что-нибудь, пожалуйста ко мне. Я обслуживаю своих клиентов очень хорошо. Вы можете спросить об этом господина Беккерса. Только свежий товар...

Итак, это был купец. Наконец я выяснил это.

— Хорошо. Если будет нужно, обращусь к вам. Но в данный момент у меня есть поставщик...

— Ка-а-ак? Кто же такой? — юбиляр почему-то очень испугался.

По правде сказать, я не имел ни малейшего представления о том, чем, собственно, он торгует.

— Вертгейм, — сказал я. Это имя показалось мне более надежным.

— О, эти универсальные торговли! — простонал он. — Они разоряют маленьких людей. Но вас обслуживают, наверное, недостаточно хорошо? Попробуйте у меня. То, что вы получаете у Вертгейма, вероятно, очень неважно по качеству. Гнилые рыбы...

А, так он был рыботорговцем! Наконец! Я уже почти собрался сделать ему заказ, но мне вспомнилось, что теперь конец месяца.

— До первого числа я еще не нуждаюсь, но на следующий месяц можете прислать мне что-нибудь. Дайте мне ваш прейскурант.

Старик был очень смущен.

— Прейскурант? Разве у Вертгейма есть прейскурант?

— Конечно, есть. Умеренные цены и хороший товар. Совершенно свежий. Живой.

Юбиляр в ужасе вскочил и почти без сознания упал в объятия к своей жене.

— Старуха! — простонал он. — В е р т г е й м п о с т а в л я е т ж и в ы х!..

В этот момент я услышал, что к дому подъехали дрожки. Я воспользовался смятением, выбежал из комнаты, схватил пальто и шляпу и вскочил на извозчика.

— Кафе «Secession»! — сказал я ему.

Лошади тронулись. Я бросил назад беглый взгляд и увидел сбоку у двери маленькую белую вывеску. Я прищурил глаза, чтобы лучше видеть, и с трудом прочитал:

«Якоб Лауренц.
Могильщик».

...Тысяча чертей! Юбиляр был могильщик.

* * *

Через несколько месяцев после отъезда Беккера я тоже собрался уезжать. Хозяйка помогала мне укладывать чемоданы и ящики. Я стал заколачивать гвоздями ящик с картинами, как вдруг рукоятка молотка сломалась.

— Ах, черт! — воскликнул я.

— У меня есть еще другой молоток, — сказала хозяйка, которая в это время артистически укладывала мои костюмы. — Погодите, я принесу.

— Оставайтесь. Я сбегаяю сам. Где он у вас лежит?

— В кухонном столе, в выдвигном ящике. Но только в самом низу.

Я отправился в кухню. Ящик кухонного стола был битком набит нужными и ненужными предметами. Всевозможные инструменты, иголки, нитки, кнопки, дверные ручки, ключи... Вдруг мне бросилась в глаза голубая ленточка с маленьким золотым медальоном. Неужели это был медальон Анни? Я открыл его; там была выцветшая маленькая

фотография — портрет ее матери. Она всегда носила это единственное воспоминание об умершей на своей груди как амулет.

— Я хочу взять его с собой в могилу, — сказала она мне однажды.

Я принес медальон с собой в комнату.

— Откуда вы его достали? — спросил я хозяйку.

— Это я нашла наемни, когда прибирала комнату господина Беккерса. Он лежал в маленькой комнатке, в темном углу. Я хотела сохранить его для господина Беккерса: может быть, он снова приедет сюда.

— Я возьму его себе, — сказал я.

Я положил медальон в мой бумажник, и он лежал там в течение нескольких лет. А позднее я пожертвовал его в Музей естествознания на улице Инвалидов. Это было совсем недавно — неделю тому назад.

Дело было так.

Я сидел в кафе «Монополь» и читал газеты. Вдруг в кафе влетел маленький Беерман из «Биржевого курьера».

— Кофе по-венски, сударь? — спросил его кельнер.

— Кофе по-венски!

Он уселся за маленький столик и стал протирать пенсне. Затем надел его и оглянулся.

— А, это вы? — воскликнул он, заметив меня. — Фриц, подайте кофе на тот столик.

Он уселся ко мне за столик, и кельнер подал ему кофе.

— Вы, венцы, ужасные люди. Ну как можно пить такую бурду?

— Вы находите? — промолвил он. — Я очень рад, что встретился с вами. Вы должны оказать мне большую услугу.

— Гм... — промычал я. — Я не имею сегодня вечером абсолютно никакого времени.

— И все-таки вы должны помочь мне. Непременно. Кроме вас, здесь сейчас нет никого, а я должен сейчас снова уйти.

— А в чем дело?

— Мне нужно быть на первом представлении в «Немецком театре». А между тем я вспомнил, что мне предстоит

еще одно дело сегодня вечером, о котором я совсем было позабыл.

— Что именно?

— Сегодня вечером профессор Келер делает в Музее естествознания доклад о новых египетских приобретениях этого музея. Очень интересная вещь. Весь двор будет там сегодня.

— Чрезвычайно интересно.

— Не правда ли? Так сделайте мне такое одолжение, пойдите туда. Я буду вам очень благодарен.

— Мне надо подумать об этом... Впрочем, знаете что? Меня это вовсе не интересует.

— Пожалуйста! Это же самая последняя злоба дня. Все новые находки будут показаны публике. Я очень несчастен, что не могу попасть туда.

— Давайте устроимся так: вы пойдете в музей, а я — в театр.

— Невозможно. К сожалению, совершенно невозможно! Я обещал моей кузине взять ее сегодня в театр.

— Что же вы раньше не сказали?

— Ну пожалуйста. Сделайте мне такое одолжение. Вы не будете сожалеть. Вы выведете меня из очень затруднительного положения.

— Но...

Он вскочил и бросил на стол мелочь.

— Фриц, получите за кофе. Вот вам билеты. Два. Можете еще кому-нибудь другому доставить удовольствие.

— Приятное удовольствие, нечего сказать... Я...

— Да, еще вот что: не забудьте ваш отчет о докладе сунуть в почтовый ящик еще сегодня же, чтобы я нашел его в редакции с первой же почтой. Очень благодарен. Готов служить вам всегда...

И он исчез.

Билеты лежали передо мной. О небо! Я в самом деле должен был выполнить его просьбу: он сам часто оказывал мне одолжение. Ужасный человек.

Я даже не пытался передать билеты кому-нибудь другому. Я прекрасно знал, что это не удастся.

Разумеется, я отправился в музей только тогда, когда уже три четверти доклада были прочитаны. Я подсел к одному из корреспондентов и попросил у него его заметки. Я узнал из них, что музей, благодаря царственной щедрости господ коммерции советников Брокмюллера («Яволь») и Лилиенталя («Одоль») получил счастливую возможность купить за огромную сумму все великолепные находки, добытые в пирамидах Тогбао и Кума. Эти почти совершенно разрушенные пирамиды были открыты одним молодым исследователем в нескольких сотнях километров к югу от озера Чад, в стране Рабех, где молодой немецкий ученый был в течение долгих лет пленником. 22 апреля 1900 года правитель этой страны был убит французами в битве при Лами, и голова его была доставлена индийским стрелком во французский лагерь. Сын убитого, Фадель-Аллах, бежал в страну Борну и захватил туда с собой и немецкого ученого. Там, в стране Борну, правительница этой страны, сестра Фадель-Аллаха, воинственная амазонка Хана, взяла молодого немца себе в мужья. Когда затем 23 августа 1901 года англичане напали ночью под Дангенвилем на туземный лагерь, где находились Фадель-Аллах и немец, и перебили сонных туземцев всех без остатка, молодой ученый наконец получил свободу. Он отправился к племени сенусси, глава которого принял его, как немца, весьма любезно и оказал ему всевозможные услуги, так как эти фанатичные мусульмане, заключившие союз с ненавистниками французов — туарегами — совершенно изменили теперь свою политику по отношению к Франции. С помощью этих людей немецкому ученому удалось сбересть найденные им сокровища и переправить их через северный Камерун на африканское побережье, а оттуда в Германию.

К сожалению, сам ученый не присутствовал на докладе: несколько недель спустя после своего прибытия в Европу он снова уехал в Центральную Африку.

Зато, слава Богу, здесь присутствовали оба коммерции советника. Они сидели рядышком в первом ряду и так раздвинулись от славы и сознания, что они участвовали в оты-

скании следов древнеегипетской культуры на берегах озера Чад...

— Теперь я попрошу вас, — закончил свой доклад профессор Келер, — подойти поближе и лично осмотреть наши бесценные приобретения.

И он отдернул занавес, за которым скрывались все эти сокровища.

— Вероятно, вам небезызвестно, что в Древнем Египте кошки считались священными животными, так же как крокодилы, ибисы, кобчики и все те млекопитающие, которые были посвящены Пта, т. е. имели белое треугольное пятно на лбу. Вследствие этого все эти животные, подобно фараонам, верховным жрецам и знатым людям, подвергались после своей смерти бальзамированию. Почти во всех пирамидах встречаются мумии кошек. Наша находка в этом последнем отношении чрезвычайно богата — доказательство того, что египетские колонии в области озера Чад происходили из кошачьего города Бубастис. Мы насчитываем не менее как двести шестьдесят восемь экземпляров этих реликвий из седого прошлого.

И профессор гордо указал на длинные ряды маленьких мумий, которые имели вид высохших грудных младенцев в пеленках.

— Далее вы видите, — продолжал он, — тридцать четыре человеческих мумии — великолепнейшие экземпляры, которые отныне, несомненно, послужат предметом зависти для всякого другого музея. А именно: эти мумии ничуть не походят на мемфисские — черные, высохшие и легко рассыпающиеся мумии, но имеют сходство с фиванскими — желтыми, отливающими матовым блеском. Можно поистине удивляться изумительному искусству древнеегипетских бальзамировщиков. А теперь я перехожу к прекраснейшему перлу нашего богатого собрания, к лучшему украшению нашего музея: перед вами лежит настоящий тофар. Тофар-мумия или тофар-невеста...

Только три такие мумии знает современный свет: одна была пожертвована в 1834 году лордом Гэйтгорном в лондонский South-Kensington-Museum. Другая, по-видимому,

супруга фараона Меревра, из шестой династии, жившего за две тысячи пятьсот лет до Рождества Христова, находится в обладании Гарвардского университета, будучи подарена последнему известным миллиардером Гуллем, который купил ее у хедива Тевфика за огромную сумму в восемьдесят тысяч долларов. Наконец, третий экземпляр имеется теперь в нашем музее, благодаря великодушной щедрости и высокому уважению и любви к науке господ коммерции советников Брокмюллера и Лилиенталя.

«Явволь» и «Одоль» сияли своими жирными физиономиями.

— «Тофар-мумия», — продолжал профессор, — является памятником одного своеобразнейшего и вместе с тем ужаснейшего обычая, какие знает только мировая история. Подобно тому, как в Древней Индии существовал обычай, согласно которому вдова следовала за своим мертвым супругом на могильный костер и сгорала заживо, так в Древнем Египте считалось знаком величайшей супружеской верности, если супруга скончавшегося следовала за ним в жилище вечного успокоения и обрекала себя на бальзамирование в ж и в о м в и д е... Я прошу вас принять во внимание то обстоятельство, что бальзамированию подвергались только трупы фараонов и знатнейших лиц; примите далее во внимание также то, что это неслыханное доказательство супружеской верности было добровольным и что, таким образом, лишь немногие женщины решались на это, — и вы поймете, как невероятно редки такие мумии. Я утверждаю, что во всей египетской истории церемония подобного жертвоприношения совершалась всего шесть раз. «Тофар-невеста», как ее называли египетские поэты, в сопровождении большой свиты спускалась в подземный город мертвых и там поручала свое тело ужасным бальзамировщикам. Эти последние проделывали с нею те же манипуляции, что и с трупами, но только с тем различием, что совершали свою работу очень медленно — с тем расчетом, чтобы тело как можно дольше сохраняло свою жизнь. Способ и искусство бальзамирования египтян нам еще мало известны. Мы знаем об этом лишь кое-что, почерпнутое нами из весьма

скудных заметок Геродота и Диодора. Одно можно считать совершенно установленным: «тофар-невеста» превращалась в мумию в живом виде и с величайшими страданиями. Правда, для нее существовало некоторое слабое утешение: ее мумия не подвергалась засыханию. Ее тело оставалось таким же, каким оно было при жизни, и не теряло ни единой своей живой красок. Вы можете убедиться в этом сами: можно подумать, что эта прекрасная женщина только что сейчас заснула.

С этими словами профессор отдернул шелковое покрывало.

— А!.. Ах!.. А-а!.. — раздалось вокруг.

На мраморном столе лежала молодая женщина, завернутая по грудь в тонкие полосы полотна. Плечи, руки и голова были свободны, черные локоны вились над ее лбом. Тонкие ногти маленьких рук были выкрашены, а на левой руке, на третьем пальце, было надето кольцо с изображением священного жука. Глаза закрыты, черные ресницы тщательно удлинены подрисовкой.

Я подошел к ней вместе с другими совсем близко, чтобы лучше рассмотреть...

П р а в е д н ы й Б о ж е ! Э т о б ы л а А н н и . . .

Я громко вскрикнул, но мой крик потонул в шуме толпы. Я хотел говорить, но не мог пошевелить языком и в безмолвном ужасе смотрел на мертвую.

— Эта «тофар-невеста», — продолжал между тем профессор, — несомненно, никоим образом не феллахская девушка. Черты ее лица представляют собою явный тип индогерманской расы. Я подозреваю, что это — гречанка. И факт этот вдвойне интересен: он указывает нам на следы не только египетской, но и эллинской культуры на берегах озера Чад, в Центральной Африке.

Кровь застучала у меня в висках. Я схватился за спинку стула, чтобы не упасть. В этот момент на плечо мне легла чья-то рука.

Я обернулся и увидел перед собой гладко выбритую физиономию... О небо! Я все-таки сразу узнал его. Это был Фриц Беккерс.

Он взял меня за руку и вывел из толпы. Я последовал за ним почти безвольно.

— Я подам на вас жалобу прокурору, — прошипел я сквозь зубы.

— Вы не сделаете этого. Это было бы совершенно бесцельно, и вы только сами нажили бы себе неприятности. Я — никто. Абсолютно никто. Если вы всю землю просеете сквозь решето, вы и тогда не найдете Фрица Беккерса. Так назывался я только на Винтерфельдштрассе.

Он засмеялся, и его лицо приняло отвратительное выражение. Я не мог глядеть на него, отвернулся и стал глядеть на пол.

— А впрочем, — прошептал он мне на ухо, — разве не лучше так?.. Ведь вы поэт... Неужели ваша маленькая подруга не милее для вас в таком виде, в сиянии вечной красоты, чем пожранная червями на берлинском кладбище?

— Сатана! — бросил я ему в упор. — Гнусный сатана!

Я услышал за собой легкие удаляющиеся шаги. Я взглянул и увидел, как Фриц Беккерс проскользнул в дверь и исчез.

Профессор кончил доклад. Раздались громкие рукоплескания. Его поздравляли, к нему тянулись для рукопожатия бесчисленные руки. Точно так же чествуемы были и господа коммерции советники. Толпа начала тесниться к выходу. Никем не замеченный, я подошел к мертвой. Я вынул из кармана медальон с портретом ее матери и тихонько положил его на ее молодую грудь, под холщевую пелену. Затем я наклонился над нею и тихо поцеловал ее между глаз.

— Прощай, милая маленькая подруга! — сказал я...

Л. Альма-Тадема. *Египетская вдова* (1872)

Чарльз Бамп

ИСЧЕЗНУВШАЯ МУМИЯ

(1906)

В штабе детективов городской полиции ошибочно сложилось весьма лестное мнение о моих сыщицких способностях. Лично я всегда считал, что помощь, которую я сумел в двух-трех случаях оказать детективам, была по большей части результатом везения, а не применения логики и здравого смысла в целях дедукции и построения важных (как оказывалось впоследствии) выводов, основанных на тривиальных на первый взгляд обстоятельствах. И тем не менее, удача, как сказано, сопутствовала мне в этих расследованиях, и я приобрел среди детективов репутацию балтиморского Шерлока Холмса. Постепенно я завоевал их доверие, поскольку щедро позволял им приписывать себе честь раскрытия таинственных преступлений, и детективы стали все чаще советоваться со мной, когда сталкивались с запутанными делами. В то же время, признаюсь, из любви к загадкам я охотно им помогал. Я не только оборудовал телефоном свою квартиру в Арунделе, но и, отлучаясь куда-либо из конторы или из дома, всегда сообщал, где меня можно будет найти в ближайшие часы. Таким образом, наши озадаченные Видоки в любое время могли связаться со мной, если им требовалась моя помощь.

В тот дождливый день, несколько недель назад, я забрел после обеда в «Мэриленд» и неожиданно увидел Дорленда — он подавал мне какие-то знаки из прохода за ложами с правой стороны театра. Одетые в красные мундиры музыканты британского оркестра лейтенанта Эймса, который я очень полюбил, доигрывали последние раскатистые ноты увертюры к «Вильгельму Теллю» и мне, страстному меломану, совсем не хотелось уходить до окончания программы. Но детектив Дорленд никогда не появлялся просто так и непременно приносил мне какую-нибудь головоломную задачку, и потому я сейчас же покинул зал и присоединился к нему в вестибюле.

— Куда направляемся, Дорленд? — спросил я.

— Женский колледж, сэр, — так же коротко ответил он.

Я издал удивленный возглас. В заведении, где учатся сотни девушек из лучших семей Америки, не ожидаешь встретить загадки или преступления.

— Очень любопытное дело, сэр. Украдена мумия египетской принцессы.

— Да, дело странное, — заметил я. — И обещает стать довольно необычным. Улики?

— Ни единой, сэр.

В трамвае, по дороге в колледж, Дорленд изложил мне то небольшое, что успел узнать. Мумию с большим трудом раздобыл в Египте президент Гучер; она являлась одним из самых ценных экспонатов музея колледжа. Частью освобожденное от своих покровов из тонкого льна, приобретших с веками коричневый цвет, тело этой дочери фараонов было выставлено в стеклянной витрине на втором этаже Гучерхолла. По соседству находился и футляр, где оно пролежало много столетий — деревянное изделие, украшенное рисунками и иероглифами, рассказывавшими о титулах и достоинствах маленькой дамы. Прошлым вечером, до шести часов, мумия была на месте. Утром жена смотрителя начала подметать зал и увидела, что стеклянную крышку кто-то вскрыл. Мумия исчезла. Ночной сторож ничего не видел и не слышал.

— И какие у вас соображения? — спросил я у Дорленда, когда мы проехали Двадцать третью улицу.

— Мумию украли, чтобы продать ее за хорошие деньги другому музею. Украли, чтобы получить выкуп от колледжа. Студенческая шалость. Ритуал посвящения девушек в какое-нибудь из тайных обществ колледжа.

Меня представили троице должностных лиц колледжа, напряженно ожидавших нашего появления. После сердечных приветствий декан поспешил заявить, что огласка и публичные пересуды его учебному заведению ни к чему.

— Вы уже опрашивали кого-либо из девушек? — спросил я.

— Нет, — ответил декан. — Сегодня суббота, в колледже остались немногие. Мы ни за кем не посылали, так как решили держать пропажу в секрете, пока не установим причину.

Внимательный осмотр пустой стеклянной витрины и зала оказался бесполезным. Допрос смотрителя и его жены не

дал ничего нового.

— Вы тщательно прибрались, — сказал я жене смотрителя. — Куда вы девали мусор?

— Все в ящике, в подвале, сэр.

По моей просьбе принесли ящик. Это была деревянная товарная упаковка из-под партии мыла, почти полная.

— И все это — сегодняшний мусор? — спросил я.

Заговорил смотритель.

— Остальные ящики я опорожнил вчера, — сообщил он.

Получив это заверение, я нырнул руками в грудку мусора и принялся методично и аккуратно его просеивать; горсти мусора я выкладывал на газеты, разложенные на столе в кабинете доктора Гучера. Дорленд занимал остальных разговором, что позволило мне незаметно прикарманить несколько находок.

Через десять минут я дошел до дна коробки. Повернувшись к декану, я спросил:

— Сколько у вас студенток из Канады?

— Из Канады? Только две девушки, мисс Каротерс и мисс Анстей.

— Могу я поговорить с ними?

— Не понимаю... — взволнованно начал декан.

Я поспешил заверить его, что и не думал в чем-либо подозревать учениц.

— И тем не менее, — сказал я, — я хотел бы с ними побеседовать. Мне кажется, что одна из них может нам помочь.

Декан успокоился.

— Мисс Каротерс уже несколько дней отсутствует по болезни. С мисс Анстей вы можете увидеться. Очаровательная девушка. Ее отец — один из известнейших методистских теологов Канады, старинный друг доктора Гучера и мой добрый знакомый. Она проживает не в колледже, а поблизости, на Чарльз-стрит, в доме одной дамы, которая также является старым другом семьи. Я дам вам адрес. Не уверен, что мисс Анстей сейчас дома, но вдруг вы ее застанете...

— Я видела мисс Анстей здесь около часа назад, — вставила жена смотрителя. — Она поднялась наверх, провела там две-три минуты, вышла и села в автомобиль. За рулем был

молодой джентльмен.

— Как бы то ни было, я схожу к ней домой, — сказал я.

— Вы ведь почти не надеетесь найти мумию, не так ли, мистер Мак-Айвер? — с тревогой спросил декан.

— Напротив, — уверенно ответил я. — Через час или два египетская принцесса вернется к вам.

Декан в сомнении поглядел на меня.

— Что бы вы ни делали, — попросил он, — ради благополучия нашего колледжа не прибегайте к сомнительным методам. Если обнаружите похитителя, предоставьте мне решать, стоит ли доводить дело до суда. Если вы сумеете вернуть мумию в целости, я предпочел бы его замять.

Я пообещал так и поступить.

— Дело кажется мне весьма необычным, — сказал я. — Уверен, мои методы вас не разочаруют.

С этими словами я вышел.

Дорленд и профессор колледжа, сопровождавший нас, очень хотели узнать, какие улики я нашел, однако я хранил молчание. Мы подошли к дому на Чарльз-стрит.

Мисс Анстей, как я и ожидал, не было дома, но нас радушно приняла владелица, миссис Эден. В доме ее царила культурная и утонченная атмосфера; большую гостиную украшали картины, предметы искусства и антикварные изделия, явно привезенные из зарубежных вояжей.

— Этель должна скоро вернуться, — мягким голосом сказала обаятельная немолодая дама. — Она катается с другом на машине и обещала быть домой к ужину.

— Мы пришли спросить, не потеряла ли она это украшение?

К удивлению Дорленда и профессора, я достал из кармана заколку, которую нашел в грудe мусора из Гучер-холла, эмалевый кленовый листок, инкрустированный жемчужинами.

— Да, это заколка Этель! — воскликнула мисс Эден. — Но я не думаю, что она ее где-то обронила; недавно она дала ее на время своему другу, — она улыбнулась. — Знаете, сегодня молодые девушки имеют замечательную привычку

обмениваться такими знаками внимания с молодыми людьми. В мои дни все было по-другому.

— Не сочтите за бестактность, — продолжал я, — но нельзя ли узнать имя этого молодого человека?

— Конечно, — отвечала дама. — Это мистер Рэймонд Хардинг.

— Сын мистера Хардинга, президента банка? — спросил я. Хардинги, как всем известно — одно из самых блестящих семейств миллионеров в балтиморском высшем свете.

— Он самый, — ответила миссис Эден. — Мисс Анстей и Рэймонд дружат уже несколько лет. Они наверняка будут вам очень признательны. Припоминаю, что я слышала что-то о пропаже заколки. Мистер Хардинг был у нас вчера вечером и они с Этель казались очень взволнованными. За завтраком Этель пожаловалась на головную боль, но мне показалось, что она плакала. Утром они несколько раз беседовали по телефону, однако Этель ничего мне не сказала, и я подумала, что было бы невежливо ее расспрашивать. Этель была необычайно бледна, и когда Рэймонд заехал за нею после обеда, я заметила, что ей было бы лучше полежать и отдохнуть. Она только засмеялась.

— Мы навестим вас снова, когда они вернуться, — сказал я миссис Эден и поднялся. — Возможно, у меня получится, так сказать, разрешить их затруднения. А пока что, прошу вас, ничего им не говорите.

На улице уже темнело. Дорленд в восхищении схватил меня за руку.

— Мак-Айвер, — сказал он, — вы просто чудеса творите! Дело раскрыто. Ну и чудная же история!

Профессор был ошеломлен.

— Не понимаю, господа, почему вы говорите, что дело раскрыто. Где же мумия? И кто ее похитил?

— Мумия, профессор, — провозгласил я, — находится, вероятней всего, в автомобиле мистера Рэймонда Хардинга.

— Вы хотите сказать, что он и есть вор?

— Думаю, он взял мумию и в это время обронил заколку. А это выпало из его автомобильного шлема.

Я показал им позолоченную бумажную букву «Х» — изготовители головных уборов помечают такими бирками вещи клиентов. Это была вторая из моих утренних находок.

— Но мотив, дорогой мой, мотив! — настаивал профессор. — К чему сыну миллионера вламываться в Женский колледж и красть мумию? Бесмыслица какая-то.

— Ответ, сэр, я бы и хотел услышать от мисс Анстей. Вся цепочка событий совершенно очевидна, остается только одно загадочное звено. Я немного знаком с Рэймондом Хардингом. У него есть склонность к беспашашным выходкам, но в целом он парень неплохой.

— Вы не можете, однако, подозревать Этель Анстей. Она ведь...

Скорбные звуки автомобильного рожка на Двадцать второй улице возвестили о прибытии механического экипажа и прервали хвалебную речь профессора: как видно, мисс Анстей была его любимой ученицей.

— Быстрее! — воскликнул я. — Спрячемся за углом!

По Чарльз-стрит проехал большой прогулочный автомобиль и остановился у дома Этель. Из авто вышел стройный молодой человек и подал руку девушке, помогая спуститься. Они постояли с минуту на тротуаре — раздумывая, как я понял, безопасно ли будет оставить в автомобиле мумию — и затем скрылись в доме.

Мы трое дружно, как один человек, двинулись к машине.

— Посмотрите на заднем сиденье, Дорленд, — сказал я подбежавшему к автомобилю детективу. Я был уверен, что разгадал загадку, но отсутствие мумии подкосило бы мою безупречную логику.

Дорленд издал ликующий возглас.

— Мумия здесь, — крикнул он. — Завернута в резиновое одеяло.

Мы попытались приподнять узел, но окаменевшая дочь фараонов оказалась тяжелее, чем мы рассчитывали.

— Осторожнее, мистер Дорленд, — умолял профессор, — не повредите ее.

— Займемся молодым человеком, — сказал Дорленд,

спрыгивая на тротуар.

— Нет, — возразил я, — у меня есть план получше. Вы умеете водить автомобиль?

Дорленд умел.

— А у вас есть ключ от Гучер-холла? — спросил я у профессора.

Ключ у профессора имелся.

— Тогда предлагаю вам двоим незаметно вернуть мумию в витрину, а я пока побеседую с мисс Анстей.

Без долгих споров они тронулись в путь. Когда автомобиль свернул за угол, я позвонил и спросил мисс Анстей. Пристраивая свою шляпу на вешалку в вестибюле, я перевесил автомобильный шлем Хардинга и убедился, что буква «Х» покинула свое законное место в ряду инициалов владельца.

Через несколько минут девушка вошла в гостиную. Я почувствовал искреннюю жалость. У Этель были правильные точеные черты, а прозрачно-голубые глаза, несомненно, светились в лучшие времена неотразимым очарованием игривой молодости. Но сейчас под этими глазами залегли темные круги, веки подозрительно покраснели, щеки отливали бледностью, подчеркнутой темно-голубым шелковым платьем. Даже самый невнимательный наблюдатель понял бы, что она провела немало часов в тревоге и слезах.

— Вы желали меня видеть? — недоуменно спросила она и медленно приблизилась ко мне.

— Я хотел вернуть ваше украшение, — ответил я и протянул ей кленовый листок.

Она побледнела еще больше, если это только было возможно, пошатнулась и оперлась о рояль.

— Я... мне... но это же... Где вы его нашли? — спросила она, судорожно дыша и пытаясь подавить рыдания.

— Вашу закладку нашли в Гучер-холле, возле витрины с мумией.

Она отступила на шаг, затем овладела собой.

— Вы детектив?

Я вздрогнул от неожиданности.

— Нет, — сказал я. — Я друг колледжа и друг мистера

Хардинга.

Стоило мне упомянуть это имя, как она рухнула в кресло, спрятала лицо и зарыдала.

— Ах, Рэймонд! — донеслось до меня. — Это означает позор. Это означает тюрьму.

Все ее тело содрогалось от рыданий. Я не мог это выдержать.

— Послушайте, мисс Анстей, — сказал я и легонько прикоснулся к ее плечу. — Ничего подобного это не означает. Даю вам слово джентльмена, что за исключением тех двоих или троих, кому и так все известно, никто ничего не узнает.

Она подняла заплаканное лицо и взглянула мне в глаза.

— Это была безумная шалость, — простонала она. — Во всем виновата я. Меня следует наказать. Все началось с шутки. Я не думала, что он это сделает.

Она вышла в холл и позвала Хардинга. Он вошел в гостиную и страшно удивился, увидев меня.

— Он знает о мумии, — тихо произнесла девушка.

Хардинг отшатнулся.

— Знает?

— Да, он хочет нам помочь.

— Мне хотелось бы избавить тебя от больших неприятностей, Рэймонд, — добавил я.

Молодой человек пристально посмотрел на меня, после крепко пожал мне руку.

— Спасибо, Мак-Айвер, — благодарно проговорил он.

Мы уселись, и тогда молодой человек и девушка рассказали мне всю правду о похищении египетской принцессы. Они наперебой добавляли к рассказу какие-то подробности. Я узнал, что Рэймонд взломал витрину в пятницу после обеда и спрятался в здании колледжа. Когда сторож удалился в другое крыло здания, он быстро вытащил мумию из витрины, спустился по лестнице, открыл северную дверь и побежал к своему автомобилю.

— И приехал сюда, чтобы похвастаться, — сказала мисс Анстей.

— А после этого поехал назад, чтобы вернуть мумию, — продолжал Рэймонд. — Богом клянусь, Мак-Айвер, сторож

запер дверь! С тех пор мы места себе не находили. Я не знал, что делать с этой проклятой штукой.

— Но зачем ты ее украл? — спросил я.

Рэймонд остановил бегающие глаза на девушке.

— Я сделал это на спор, — ответил он, помолчав.

Ее бледное лицо порозовело.

— Это не вся правда, мистер Мак-Айвер, — сказала она.

— Мы побились об заклад, я дразнила его, шел разговор о поцелуе. Сейчас это звучит глупо, но мы просто веселились. Я не думала, что он это сделает. Ах! мне так жаль!

— Вопрос в том, Мак-Айвер, — сказал Рэймонд, — каким образом я смогу вернуть ее на место.

— Это самое легкое. Мумия уже в музее, — я замолчал, наслаждаясь произведенным впечатлением и их радостными вздохами. — А вот и два джентльмена, вернувшие ее на место, если не ошибаюсь.

Раздался звонок, и я вышел, чтобы впустить Дорленда и профессора.

Следующие пятнадцать минут были пестрой мозаикой вопросов, объяснений, обещаний держать язык за зубами и выражений искренней признательности со стороны молодой пары. Один лишь профессор счел нужным отчитать их за глупую шалость и указать на серьезную опасность, которой они подвергли себя и мумию. Его слова отрезвили влюбленных и в то же время заставили их осознать, какую громадную услугу я им оказал.

Дорленду что-то не давало покоя. Когда мы вышли из дома и распрощались с профессором, он наконец спросил:

— Как вы узнали, что заколка принадлежит мисс Анстей?

— Будь она в виде чертополоха, я искал бы какую-нибудь шотландку, чаровницу из Данди.

— Не понимаю, — развел он руками.

— Кленовый лист, сын мой — это национальный символ Канады.

— Ага, — проговорил Дорленд. — Стоит, значит, читать умные книжки.

— Да, — признался я, — иногда это помогает.

*Группа американских методистов в Египте. Крайний справа –
Д. Гучер. Фот. Ибрагима Хури (1906)*

Сакс Ромер
ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЕ МУМИИ
(1913)

Мой эксцентричный друг, Морис Клау, наиболее успешно, без сомнения, разгадывал тайны, связанные с причудами человеческого разума или историей каких-либо древних артефактов.

Я видел, как его теория «циклов преступления» торжествовала снова и снова; не раз удавалось ему показать, как история драгоценного камня или любопытного предмета старины автоматически повторяет себя, словно подчиняясь неизведанным законам вероятности, которым он уделял особое внимание в своих исследованиях. Странная способность Клау — тщательно культивируемая в ходе уединенной, скрытой от постороннего глаза работы — извлекать из воздуха, или эфира, если вам будет угодно, мыслительные формы — идеи, порожденные лихорадочно действующим мозгом преступника, которого разыскивал Клау — позволяла ему добиваться успеха там, где любой другой исследователь или сыщик неминуемо потерпел бы поражение.

— Уничтожают они, — произносил он своим странным, громыхающим голосом, — неуклюжие орудия преступления; прячут они нож, топор; вытирают они кровь, бросают отмычку, мертвеца, задушенного бедного младенца, в канаву, в озеро — и нетронутым оставляют одический негатив, фотографию своего греха, мыслительную форму в воздухе!*

В этом месте Клау обыкновенно останавливался и со значением барабанил пальцами по собственному лбу.

— Здесь, на чувствительной этой пластине, я воспроизведу улики, что приведут их на виселицу! Безголовое дитя захоронено в саду, но мысль обезглавливателя кружит вокруг. Я улавливаю ее. Бах! вот болтается он на веревке —

* Читателя, не имевшего до сих пор возможности познакомиться с мистером Морисом Клау, следует предупредить, что в число многочисленных странностей этого детектива входит и весьма необычная манера выражать свои мысли (*Прим. перев.*).

этот детоубийца! Я триумфатор. Он мертвец. Великое искусство — искусство одической фотографии!

Однако ниже я хотел бы рассказать о деле, в котором Морис Клау сумел продемонстрировать свои поразительные познания в области археологии и истории древностей. Необычайное заведение Клау в Уоппинге, где громоздились товарные запасы этого предполагаемого антиквара и обитали белые крысы, певчая канарейка и вечно изрыгавший ругань попугай, служило также библиотекой, причем библиотекой, по всей видимости, уникальной. В ней имелись редкие труды по криминологии и каталоги всех известных европейским коллекционерам предметов старины с подробнейшей историей каждого из них. Что еще имелось в этой библиотеке, сказать не берусь, так как в роли библиотекаря прелестная Изида Клау ревностно охраняла секреты книжного собрания.

Читатели этих записок уже познакомились с Корамом, куратором музея Мензье; именно от Корама я впервые услышал о необъяснимой расправе с мумиями, которая началась с мумии жрицы Гор-анкху, находившейся во владении Петтигрю, и достигла размеров истинной эпидемии. Невозможно вообразить преступление более бесцельное, чем обезглавливание трупа человека, жившего в Древнем Египте; я был изумлен, узнав о первом случае, и совершенно поражен, когда и другие мумии начали таинственным образом терять свои головы. Но обращаюсь к самому первому случаю, о котором сообщил мне Корам.

Он позвонил мне рано утром.

— Послушайте, Сирльз, — сказал он, — произошло кое-что чрезвычайно странное. Помните, я говорил вам о Петтигрю, коллекционере? Живет он в Уондсфорде и является одним из наших попечителей. Какой-то умалишенный грабитель прошлой ночью забрался к нему в дом, ничего не взял, но отрезал голову у ценной мумии!

— Боже правый! — воскликнул я. — Каков оригинал!

— Да, в самом деле, — согласился Корам. — Полиция пребывает в недоумении. Я знаю, что вас интересуют подобные случаи, и подумал, что вам любопытно было бы съез-

доть туда и поговорить с Петтигрю. Сказать ему, что вы его навестите?

— Непременно, — ответил я и немедленно приступил к исполнению плана.

Около одиннадцати утра я явился в мрачный георгианский дом, который стоял в отдалении от главной дороги и был окружен запущенного вида кустарником. Меня встретил Марк Петтигрю — личность, хорошо знакомая завсегдааам аукционов «Сотбис»: маленький, сморщенный бритый человечек, чье лицо напоминало высушенный абрикос. Большую часть этого лица занимали громадные очки, но глазки коллекционера весело поблескивали за ними, а юмор его был суховат и выдержан, как и весь Петтигрю.

— Рад видеть вас, мистер Сирльз, — сказал он. — Вы уже сталкивались со странностями, мне помнится. Два констебля, внушительного вида инспектор и джентльмен в штатском платье, смахивавший на коня, побывали у меня утром. Все их старания увенчались лишь некоторым беспорядком в доме. Быть может, вам удастся высказать хотя бы какие-то разумные соображения.

Он провел меня в большую темноватую комнату, где с музейной аккуратностью были расставлены снабженные этикетками древности, в основном египетские. Петтигрю остановился у деревянного саркофага, в котором покоилась запеленутая мумия, и указал на нее рукой. Могло показаться, что он сам только что выбрался из такого же саркофага.

— Гор-анкху, — сказал он, — жрица Секхет; превосходный образчик, мистер Сирльз. Я имел честь присутствовать при находке этой мумии. Смотрите — вон ее голова!

Он наклонился и поднял голову мумии. Голова была освобождена от покровов и отделена от тела опытной рукой привычного к научной работе человека. От нее исходил резкий запах смолы, а сморщенные черты лица мумии напомнили мне, конечно же, мистера Марка Петтигрю.

— Доводилось ли вам сталкиваться с чем-либо более бессмысленным? — спросил он. — Пойдемте, я покажу вам окно, через которое грабитель забрался внутрь.

Мы пересекли темное жилище, и коллекционер обратил мое внимание на дыру, просверленную в одном из балконных окон; балкон выходил на миниатюрную пустыню, некогда служившую газоном.

— Я распорядился поставить ставни, — продолжал он. — В стекле нетрудно проделать отверстие и открыть задвижку окна.

— Пожалуй, — согласился я. — Кто-нибудь слышал шум?

— Самое невероятное, что никто ничего не слышал! — в волнении отвечал Петтигрю. — В распоряжении грабителя была вся ночь, перед ним были витрины, полные сравнительно небольших и действительно бесценных предметов, и тем не менее он всего-навсего обезглавил жрицу. Зачем только ему понадобилась ее голова? И если уж понадобилась, какого дьявола он не унес ее с собой?

Мы обменялись недоумевающими взглядами.

— Боюсь, я был несправедлив по отношению к лошадиному гостю, этому кентавру от уголовной полиции, — заметил Петтигрю. — У вас такой же глупый вид, как и у всей полицейской братии!

— Я чувствую себя довольно глупо, — признался я.

— Вы и впрямь глупы! — с радостной бесцеремонностью заверил меня Петтигрю. — Глуп и я, глупы и полицейские; но глупее всех тот болван, что забрался сюда прошлой ночью и отрезал голову у моей мумии.

Вот и все, что я могу сообщить о первом из череды таинственных случаев. К вящему раздражению Петтигрю, мне не удалось выдвинуть не единой теории, которая объяснила бы все факты; вновь удостоверившись в моей глупости, он настоял на том, чтобы мы вместе распили бутылку шампанского. Затем я возвратился к себе, убедился в бесполезности дальнейших размышлений и выбросил из головы эту странную историю. Вечером, однако, раздался телефонный звонок — это был инспектор Гримсби из Скотланд-Ярда.

— Здравствуйтесь, мистер Сирльз, — сказал он. — Я слышал, что утром вы побывали у мистера Петтигрю?

Я ответил утвердительно.

— Что-нибудь показалось вам достойным внимания?

- Нет. Вы расследуете дело?
- Не расследовал — но теперь расследую.
- Что случилось?
- Видите ли, в аукционном доме «Сотбис» кто-то отрезал голову еще у одной мумии!

II

Я хорошо понимал, чего ждет от меня Гримсби.

— Где вы сейчас? — спросил я.

— В аукционном доме.

— Встретимся там через час. Я попытаюсь привезти Мориса Клау, если сумею его найти.

— Очень хорошо, — довольно отвечал Гримсби. — Дело будто создано для него.

Не теряя времени, я помчался в такси к тому опасному для здоровья месту, что именуется Старой лестницей в Уоппинге. У тупика, где обитает Клау, я велел шоферу ждать. Дрожащий свет газового фонаря близ неприглядного фасада лавки едва рассеивал туман. Поблизости шумела река. Где-то раздавалась пьяная песня. Старуха, похожая на театральную марионетку, скептически разглядывала стул красного дерева со сломанной спинкой — один из экспонатов, громоздившихся у заведения Мориса Клау.

Над единственной покупательницей навис неопрятно одетый человек, носу которого постоянно приходилось краснеть, стыдясь невоздержанности владельца. Это был Уильям, чью должность в заведении Клау я так и не смог уяснить; видимо, в периоды трезвости он играл роль продавца.

— Добрый вечер, — сказал я. — Дома ли мистер Морис Клау?

— Дома, сэр, — прохрипел пьяница. — Но он очень занят, сэр, так мне кажется, сэр.

— Скажите ему, что пришел мистер Сирльз.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Уильям. Обернувшись к даме, он произнес:

— Вы уже со всех сторон облапали этот стул, мэ, так не хотите ли его наконец купить?

С этими словами Уильям растворился в темных недрах лавки; я последовал за ним и остановился у тускло освещенного прилавка.

— Морис Клау! Морис Клау! За тобой явился дьявол!

Так объявил о моем появлении невидимый попугай. Неопределимые запахи зоопарка, смешиваясь с затхлыми ароматами заплесневелых книг и благовонием полусгнившей мебели, предприняли дружную атаку на мое обоняние; к ним присоединились безошибочные ароматические следы жизненной деятельности рептилий. Везде слышалось шуршание и царапанье, то и дело прерываемое чьим-то визгом. Затем раздался громopodobный голос Мориса Клау.

— Ах, мистер Сирльз — добрый вечер, мистер Сирльз! Мумия Петтигрю, я полагаю?

Он выдвинулся из тени — массивная фигура, готовая к путешествию: плащ с пелериной, бесцветная, по обыкновению растрепанная борода, высокий и желтый, как у китаяца, лоб.

— Произошел второй случай, — сказал я. — В «Сотбис».

— Неужели? — с интересом переспросил Морис Клау. — Еще одна мумия казнена!

— Инспектор Гримсби попросил нас приехать.

Морис Клау нагнулся и извлек из-под прилавка свой коричневый котелок. Достав из котелка цилиндрический пузырек, он добавил к симфонии менее приятных запахов аромат вербены.

— Охлаждающий римский обычай, мистер Сирльз, — загромыхал он. — Так освежает, когда живешь с крысами. Итак, мистер Гримсби снова недоумевает? И мистер Гримсби желает, чтобы бедный старый дурак подержал лампу, пока он будет доставать из мрака свои почести! И почему бы и нет, мистер Сирльз, почему бы и нет? Его дело, мое удовольствие.

Он повысил голос:

— Изида! Изида!

В дрожащем свете газовой лампы, откуда-то из глубин кошмарного жилища, возникла Изида Клау — видение, казавшееся здесь гораздо более неуместным, чем модная французская картинка в каталоге торговца скобяным товаром. На ней было платье салатного цвета, совершенно гладкое и лишенное каких-либо украшений, что лишь подчеркивало его изысканный покрой. Платье было низко вырезано у шеи, и в той точке, где сходились линии декольте, висел на тонкой золотой цепочке большой изумруд. Ее смуглое прекрасное лицо способно было вдохновить художника, искавшего модель для образа царицы Савской, но шляпка из какой-то тонкой, просвечивающей черной ткани, так и говорившая о своем парижском происхождении, придавала ее облику сверхсовременный вид. Она одарила меня чудесной улыбкой.

— Вы куда-то собирались? — спросил я.

— Услышав, кто пришел, — загремел Морис Клау, — я понимаю, что время собираться; и вот мы готовы!

Он водрузил на голову древний котелок и вышел из лавки.

— Уильям, — наставительно обратился Клау к красноносому продавцу, — слышен мне запах эля в четыре пенса. Погубит он тебя, Уильям. Ты закроешь в половине десятого, и ты проследишь, чтобы кот не оказался в ящичке с белыми мышами. И пусть тот козел не жует голландские лам-

почки. Они убьют его, этого козла — эти лампочки; питает он к ним страсть.

Мы сели в ожидавшее такси и через полчаса прибыли к зданию знаменитого аукционного дома. Двери оказались закрыты, но констебль, стоявший на посту снаружи, очевидно, получил указание нас впустить.

То, ради чего мы приехали, лежало на столе; прямо над столом горела электрическая лампа. Зрелище показалось мне неопишимо странным. Повсюду, куда ни кинь взгляд, скрывались в тени и словно насмехались над нами самые удивительные «лоты». Утром должна была состояться распродажа одной весьма известной частной коллекции. Вдоль одной из стен стояла шеренга мумий, у противоположной стены выстроились фараоны, боги и богини, презрительно глядя на нас из мрака. Мы были единственными живыми в этом царстве давно умерших людей и статуй. На столе, желтея в белом свете и разбросав полосы частично размотанной, бесцветной льняной ткани, подобные отвратительным щупальцам, лежала обезглавленная мумия!

Я услышал за спиной шуршание и почувствовал слабый запах вербены.

— Фуф! — раздался громыхающий голос. — Сей воздух полон мертвости!

— Добрый вечер, мистер Клау, — сказал инспектор Гримсби, появившись откуда-то из темноты. — Я так рад, что вы смогли приехать.

Он поклонился Изиде.

— Как поживаете, мисс Клау?

Фигурка в ярко-зеленом платье вступила в круг света. Пожалуй, трудно вообразить более невероятную картину, чем вид Изиды Клау, склонившейся над безголовой мумией. Эта сцена пришлась бы по вкусу Рембрандту!

— Счастлив познакомиться с вами, мистер Клау, — сказал джентльмен средних лет, который тем временем подошел к антиквару. — Инспектор рассказывал мне о вас.

Морис Клау поклонился, его дочь обернулась и кивнула.

— Тот же период, что и мумия Петтигрю, — сказала она. — Возможно, жрец из того же храма. Во всяком случае, они относятся к одной династии...

— Это так познавательно, — захохотал Морис Клау, — и так запутано.

— Поразительно, мистер Клау, — сказал Гримсби. — Если я правильно понял мисс Клау, перед нами мумия человека, который жил в ту же эпоху, что и жрица, чья мумия является собственностью Петтигрю?

— Смотреть не стану я, — пророкотал Морис Клау. — Если говорит то Изида, воистину так.

— Будь я суеверен, обязательно решил бы, что речь идет о некоем проклятии или чем-то не менее фантастическом, — заметил Гримсби.

— Вы именуете проклятие фантастическим, а, друг мой? — спросил Морис Клау. — Но здесь, в собственной вашей стране, видели вы целую семью, которую обрекло проклятие на таинственную погибель. Следите вы за моей мыслью?

Гримсби растерялся.

— В самом преступлении нет ничего необычайного, — пробормотал он. — Какой-то безумец, вооруженный ножом, вечером забрался в помещение. Здесь всегда довольно темно, даже в дневные часы. Загадку составляет лишь его мотив.

— Цель его загадочна, о да, — согласился Клау. — Заснул бы я здесь, дабы получить ментальный негатив надежд его или страхов, этого безумного охотника за головами, однако уже известно мне, что он одержим.

— Одержим! — воскликнул я. Даже Изида, казалось, была удивлена словами Клау.

— Я сказал, что он одержим, — внушительно продолжал тот. — Он сумасшедший, захваченный одной идеей. Его безумный разум зарядил эфир, — Клау махнул рукой по сторонам, — безумными мыслями. В комнате мистера Петтигрю также обнаружим мы эти уродливые мыслительные формы. Он вне сомнения безумен, наш потрошитель мумий. В данном случае не стану я полагаться на одичес-

кую фотографию, или же науку Циклов преступления, но только на свою библиотеку.

Никто из нас, я уверен, не понимал, о чем говорит Морис Клау. Мы молчали; до нас доносился приглушенный шум уличного движения на Веллингтон-стрит, а мы стояли вокруг стола, этого современного гроба, где покоилось 4000-летнее тело. Затем Гримсби осторожно спросил:

— Вы ничего не станете осматривать, мистер Клау?

И тогда Морис Клау изумил нас всех.

— Мне явилась мысль! — громко вскричал он. — Проклятие! Явилась мне мысль!

Он схватил свой коричневый котелок, лежавший на столе рядом с обезглавленной мумией.

— Быстрее, Изида! — воскликнул он и взял девушку за руку. — Явилась мне еще одна мысль, тревожная в крайности! Мистер Сирльз, не могли бы вы пойти с нами?

Гадая, куда и зачем мы направляемся, я последовал за ними, попрощавшись с окаменевшим от удивления Гримсби. Думаю, он был разочарован расследованием Мориса Клау — если этот краткий визит можно назвать расследованием. Кроме того, инспектор Гримсби сожалел, что так долго пробыл в обществе очаровательной Изиды.

Джентльмен средних лет поспешил за нами и отпер дверь.

— Спокойной ночи, инспектор Гримсби! — сказал Морис Клау. — Спокойной ночи, мистер Некто, кто не был представлен!

— Мое имя Уэлби, — улыбнулся джентльмен.

— Спокойной ночи, мистер Уэлби! — сказал Морис Клау.

III

По пути в Уоппинг Морис Клау развлекал меня историями о путешествиях по полуострову Юкатан. Я еще не встречал человека, который осмелился бы бросить вызов этим неисследованным смертоносным болотам; но Морис

Клау болтал о храмах Исамалия так же непринужденно, как другой рассказывал бы о парижских бульварах. Изида не принимала участия в разговоре, и я заключил, что девушке, повсюду сопровождавшей отца, все же не довелось побывать вместе с ним в джунглях Юкатана.

— В сердце тех лесов, мистер Сирльз, — прошептал Клау, — есть вещи более загадочные, чем безголовые мумии. Известно ли вам, что тайна великих храмов, похороненных в болотах и джунглях и охраняемых лишь змеями и склизкими, ползучими тварями, есть дверь, которую науке только предстоит открыть? Что за люди построили их, каким богам поклонялись там? Предположим, — он наклонился к моему уху, — что имею я ключ к той загадке; заполучу ли я бессмертие? Да? нет?

В беседах, какими бы эксцентричными они ни были, Клау всегда производил впечатление человека, наделенного могучим, необычайным умом и богатейшим, уникальным жизненным опытом. Мне было жаль, что наш разговор прервался — мы прибыли в Уоппинг.

Еще издали я заметил, что лавка Мориса Клау погружена во тьму; велел кэбмену ждать, мы прошли мимо склада, за которым перекачивались мутные воды Темзы. Мой эксцентричный спутник извлек из туго набитого кармана плаща ключ и вставил его в замок на двери, похожей скорее на невесть как оказавшийся здесь обломок дощатого, полуобвалившегося забора.

Дверь распахнулась.

— Ах! — прошипел Клау. — Она не заперта!

Он зажег спичку и стал вглядываться в пропахшую неведомыми ароматами тьму.

— Уильям! — загрохотал он. — Уильям!

Но ответа не было. Изида внезапно прикоснулась к моей руке, и мне почудилось, что дивное самообладание в этот миг изменило ей.

— Что-то случилось! — шепнула она.

Ее отец зажег газовую горелку. Желтоватый свет, разгораясь, вырывал из темноты мебель, картины, клетки для животных, стеклянные витрины, статуэтки, груды дешевых

украшений и вставных челюстей, книги и сотни других предметов из необычайного ассортимента Мориса Клау.

Под заваленным всевозможными мелочами прилавком мы обнаружили Уильяма, который лежал на спине, широко раскинув руки.

— Ах! cochon! — пробормотал Морис Клау. — Налитая пивом свинья!

Он нагнулся, пытаясь приподнять голову продавца. Затем, к моему удивлению, склонился еще ниже и стал подозрительно нюхать воздух. Изида Клау вновь схватила меня за руку; ее черные глаза широко раскрылись, она подалась вперед, глядя на отца. Клау выпрямился, держа в руке стакан, где еще оставалось несколько капель жидкости — пива, следовало полагать. Он приблизился к горелке и внимательно исследовал жидкость; мы с Изидой продолжали наблюдать за ним. В завершение этой процедуры Морис Клау погрузил в грязный стакан длинный палец и поднес кончик пальца к языку.

— Опиум! — произнес он. — Много капель чистейшего опиума поместили в пиво!

Он повернулся ко мне; на лице цвета древнего пергамента появилось странное выражение.

— Мистер Сирльз, вторая моя мысль была хорошей идеей, — сказал он. — Я удивлю вас теперь.

Он провел нас в аккуратный, делового вида кабинет, примыкавший к неопишимо грязной и захлавленной лавке. Хотя в лавке и во дворе перед нею имелось лишь газовое освещение, в кабинете Клау зажег электрическую лампу. Но мы недолго пробыли в святой святых Мориса Клау, где вдоль стен выстроились сотни книг — малоизвестные труды по криминологии, хроники самых поразительных событий и явлений; миновав еще одну дверь, мы стали подниматься по лестнице, устланной толстым ковром.

Я никогда еще не проникал так далеко в обитаемую часть заведения Мориса Клау; до сих пор пределом моих изысканий оставался кабинет с книгами. Зажглись новые электрические лампы, и я увидел, что мы стоим в просторном холле со стенами, выложенными массивными панеля-

ми из мореного дуба. У стен, как часовые, замерли фигуры в рыцарских доспехах; я заметил и несколько великолепных образчиков китайского фарфора. Мне показалось, что я попал в главную залу старинного английского замка.

После мы очутились в большой прямоугольной комнате; признаюсь сразу, что при всем желании мне едва ли удастся ее описать. Как видно, она одновременно служила кабинетом, библиотекой, лабораторией и хранилищем всевозможных диковин от мраморных изваяний Будды до бесчисленного множества сапог.

Здесь находилась также плита с духовым шкафом; на персидском кофейном столике красовалась сковородка с жареными сосисками, застывшими в собственном жире. Более того, свернутый гамак ясно свидетельствовал о том, что эта комната служила и спальней.

В общей сложности, я насчитал в комнате четыре мумии. Одна из них лежала в мусоре на полу, частично развернутая и — обезглавленная!

— Mon Dieu! — воскликнула Изида, всплескивая руками. — Как жутко это!

Очевидно, она была вне себя от волнения, поскольку в ее речи внезапно послышался отчетливый французский акцент. Морис Клау поднял из кучи мусора у себя под ногами отрезанную голову мумии и вперился в нее взглядом. В наступившей тишине я явственно различал шум речных волн, плеск и потрескивание глубоко под землей: должно быть, во время прилива подвалы дома заливало водой.

Морис Клау разжал руки. Голова с глухим стуком упала на пол.

Он извлек из-под подкладки котелка неизбежный пухляк и увлажнил свой лоб вербеной.

— Нужен мне холодный рассудок, мистер Сирльз, — сказал он. — Мне, хитроумному старому, коварной лисе, грозит поражение! Расправа, что учинена над мумиями, превосходит мои познания. Я в замешательстве; я глупый старый дурак. Дайте мне поразмыслить!

Изида потрясенно оглядывалась вокруг.

— Безусловно, все это кажется сверхъестественным, мисс Клау, — сказал я. — Но отравление продавца говорит о том, что здесь не обошлось без обычных человеческих рук. Если мы сможем привести его в чувство...

— Он не приведется еще двенадцать часов, по меньшей мере, — прервал меня Морис Клау. — В его пиве было достаточное количество опиума, чтобы свалить с ног носорога!

— Ничего не пропало? — спросил я.

— Нет, — прорычал Клау. — Тать приходил за мумией. Изида, приготовь нам те прохладительные напитки, что охлаждаются горячий разум, а снизу принеси мне седьмой том «Книги храмов».

Изида Клау тут же направилась к двери.

— Изида, дитя мое, — добавил ее отец. — Переставь большую клетку повыше. Опасаюсь, что храп Уильяма пробудит способен белку с Борнео.

Когда девушка вышла, Клау открыл внутреннюю дверь и провел меня в изящную светлую комнату, отличающуюся поразительной красотой истинно парижского будуара. Воздух был напоен ароматом роз, ибо вазы с розовыми и белыми розами стояли повсюду. Клау зажег настольную лампу с прекрасным серебряным абажуром, затянутым, насколько я мог судить, бледно-розовым шелком. Эта комната несомненно принадлежала Изиде и полностью соответствовала образу девушки, казавшейся изысканной парижанкой, в то время как странный амбар, где мы только что побывали, во всем напоминал ее отца.

Изида вернулась, и я впервые увидел ее в подобающем окружении — грациозную фарфоровую фигурку в белой корбочке комнаты. Морис Клау раскрыл пухлый, переплетенный в кожу том, который она протянула ему (кажется, то была французская рукопись) и, пока я потягивал вино, стал быстро перелистывать страницы в поисках необходимой ему ссылки.

— Ах! — вдруг торжествующе воскликнул он, — помнил я смутно, но вот он, ключ. Я переведу вам, мистер Сирльз, написанное здесь: «“Книга светильников”, открытая лишь жрецу, Панхауру, а им открытая только царице» — Хатшеп-

сут, царице Древнего Египта, мистер Сирльз — «содержалась под замком в тайном хранилище под алтарем, и у каждого верховного жреца храма, причем все они происходили из семьи Панхаура, имелся ключ, и лишь такой жрец мог читать священную книгу». Во времена 14-й династии верховным жрецом был Сетеб, последний из рода Панхаура. После смерти его новый верховный жрец, получив ключ от хранилища, известил фараона, что «Книга светильников» исчезла.

Он положил рукопись на столик, стоявший рядом.

— Изида, — захохотал он, глядя на дочь, — теперь ясна тебе тайна? Не старый ли я глупец?

Клау положил длинную белую ладонь на книгу.

— Мистер Сирльз, имеется только одна копия сего труда, что известна европейским коллекционерам. Знаю я, где находится та копия? Да? нет? Думаю, то мне известно!

В его голосе звучали победные нотки. Говоря по правде, я никак не мог понять, что связывает «Книгу светильников» с тайной обезглавленных мумий, но Клау, по всей видимости, считал приведенные в рукописи сведения решающим доказательством.

Клау вскочил на ноги.

— Изида, — сказал он, — принеси мой каталог мумий эпохи бубаститов.

Царственная красавица безропотно подчинилась.

— Мистер Сирльз, — сказал Морис Клау, — одержит инспектор Гримсби новую победу; но без этих рукописей бедного старого дуралея, кто сумел бы поймать обезглавливателя мумий? Не стал я получать одический негатив, ибо считал, что имею дело с безумцем; но я был глупее старой совы. Обезглавливание мумий общего ничего не имеет с безумием, есть у него назначение, друг мой — чудесное назначение.

IV

Было очень рано, и музей Мензье (где я впервые встретился с Морисом Клау) еще не открылся для посетителей. Корам (куратор музея), Морис Клау, Гримсби и я стояли в Египетском зале перед витриной с мумиями. В соседней комнате — то есть в Греческом зале — произошел в свое время ряд ужасных трагедий, ставших причиной моего знакомства с удивительными методами эксцентричного исследователя.

— Тот, кто проник минувшей ночью в помещение «Сот-бис», мистер Клау, хорошо знал расположение залов; да что там — он знал аукционный дом наизусть, — сказал Гримсби. — Мне думается, что он был знаком со служащими. Отрезав голову мумии, он спокойно вышел, надо полагать. В случае Петтигрю, преступнику наверняка был известен распорядок дома, иначе он не сумел бы подобраться к мумии.

Нескрываемое удовольствие блеснуло в глазах Гримсби.

— Конечно, мне жаль слышать, что этот преступник оказался для вас слишком умен! Подумать только, в дом Мориса Клау забрался грабитель!

— Подумайте о том еще немного, друг мой, — загромыхал Клау, — и если смешно вам, думайте дальше, мыслите хорошенько!

Гримсби открыто подмигнул мне. Загадка была для него чересчур трудна, и он находил утешение в том, что даже всемогущий Морис Клау, казалось, был бессилен ее разрешить.

— Не злопамятен я, — продолжал Клау, — и поймаю для вас похитителя мумий.

— Что? — воскликнул Гримсби. — Вы вышли на след?

— Поведаю вам нечто, мой смеющийся друг. Вы станете незаметно наблюдать за этим Египетским залом, как сторожит кот у мышинной норы, и вскоре — ожидаю я то в ночи — явится он сюда, наш охотник за мумиями!

Гримсби всем своим видом выразил недоверие.

— Я не подвергаю сомнению ваши слова, мистер Клау, — сказал он. — И все же я не понимаю, откуда вы смогли это узнать. Зачем ему приходиться за мумиями именно сюда, когда есть много других музеев и частных собраний?

— Зачем заказываете вы в салуне бутылку пива «Басс», но не бутылку воды или бутылку уксуса? — отрывисто возразил Клау. — Потому, друг мой, что хотите бутылку «Басса». Не треклятый ли я дурак? Имеются другие. Не одинок я в глупости своей!

На этом наш разговор закончился. Весьма озадаченный Гримсби отправился восвояси, намереваясь распорядиться о круглосуточной страже у Египетского зала. Корам, Клау и я направились к Греческому залу.

— Не стоит напоминать вам, мистер Клау, — заметил Корам, — что в музей Мензье нелегко проникнуть грабителю. Ночной сторож, как вы помните, каждый час обходит все залы. Грабителю нужно пробраться в Египетский зал, взломать одну из витрин и вытащить мумию; чрезвычайно трудно проделать все это, оставаясь незамеченным.

— Тот охотник за мумиями обходит препятствия с легкостью, — ответил Клау. — Но все мы будем ждать его, и незамеченным он не останется.

— Едва ли следует ожидать, что попытка ограбления будет предпринята днем? — спросил я.

— никоим образом, — согласился Клау. — Но нравится мне, как суетится тот Гримсби! Человек с ножом для обезглавливания мумий сегодня ночью явится. Без страха придет он, ибо как узнает он, что старый дуралей из Уоппинга ждать станет его появления?

Мы вместе вышли из музея. Дело напомнило мне о жутких убийствах в Греческом зале; и вот мне снова приходится играть роль ночного охранника в музее Мензье.

На протяжении дня мои мысли несколько раз возвращались к этому удивительному делу. Я гадал, как связана с ним «Книга светильников», о которой упоминал Морис Клау. Я также не мог понять, как именно Клау сумел оп-

ределить, что сценой следующего преступления станет музей Мензье.

Мы договорились пообедать у Корама, чья квартира примыкала к музею. Должно быть, странное мы представляли собрание, состоявшее из Корама, его дочери, Мориса Клау, Изиды Клау, инспектора Гримсби и меня самого.

Непосредственно вслед за тем, как из музея вышел последний посетитель и двери были заперты, в Египетском зале заступил на вахту охранник. С наступлением темноты мы собирались незаметно наблюдать за этим помещением, благо устройство его способствовало нашему плану: в середине потолка имелся большой застекленный световой фонарь; чуть отодвинув шторы, мы могли видеть все происходящее в Египетском зале с площадки на верхнем этаже, который относился к дому куратора.

Обед завершился, и Изида распрощалась с нами.

— Не останешься ты, Изида, — сказал ее отец. — Столь ненужно это. Спокойной ночи, дитя мое.

Почтительный и восхищенный Гримсби спустился вместе с Корамом вниз, чтобы посадить Изиду в такси. Я с трудом мог представить себе, каково ей было возвращаться в эти неприглядные, залитые речной водой развалины в Уоппинге.

— А теперь, мистер Гримсби, — сказал Морис Клау, когда мы вчетвером вновь собрались за столом, — спрячетесь вы в витрине для мумий!

— Но я буду беспомощен! Откуда нам знать, какую витрину решит взломать преступник? Помимо того, я даже не знаю, чего ожидать!

— Благословен тот, кто ждет малого, друг мой. Возможно весьма, что сегодняшней ночью он не появится. В случае том завтра запрут вас в витрине снова!

Скрепя сердце, Гримсби удалился, вооруженный ключами к витрине и двери в квартиру куратора, которая выходила в Греческий зал. Морис Клау особо предупредил инспектора о необходимости соблюдать полнейшую тишину. Признаться, распоряжения Мориса Клау заставляли всех нас сгорать от любопытства и нетерпения. Бесшумно рас-

пахнув окно на площадке, мы с Корамом и Клау заглянули сквозь световой фонарь в Египетский зал. В этот миг внизу показался инспектор Гримсби с карманным электрическим фонарем в руке.

Он открыл витрину в дальнем конце комнаты, быстро взглянул вверх и забрался внутрь, закрыв за собой стеклянную дверцу. Как ранее указал Морис Клау, пространство между последним саркофагом и углом витрины представляло собой идеальное место для засады.

— Надеюсь, он запер витрину на замок, — сказал наш эксцентричный спутник, — и не произвел шума.

— Почему вы так опасаетесь шума? — с любопытством спросил Корам.

— Снаружи, на площадке, высокий стоит барельеф, — загадочно отвечал Морис Клау. — Прислонен он к стене. Помните тот барельеф?

— Конечно.

— Вечером не заглядывали вы за него, в треугольный промежуток, что таким образом создается?

— Не было причины. Там никто не смог бы спрятаться.

— Не смог бы, говорите вы? Нет? Объясняет мне то, мистер Корам, что не понимаете вы возможностей! Но если вы ошибаетесь, что тогда?

— Тогда человеку, который там прячется, придется до утра оставаться на месте. Ему не попасть ни в один из залов; все они заперты. Вниз он также не сможет спуститься, потому что в вестибюле дежурит охранник.

— Нет? Да? Вы дважды ошибаетесь! Первое — там кто скрывается!

— Мистер Клау! — возбужденно начал Корам.

— Шшш! — поднял руку Морис Клау. — Без волнения. Волнение производит шум и действует на нервы. Далее, второе — заблуждаетесь вы, ибо вскоре прячущийся войдет в Египетский зал!

— Но как? Как, ради всего святого, он сможет войти?

— То увидим мы.

Донельзя заинтригованные, мы с Корамом одновременно обернулись к Морису Клау (мы стояли у окна по обе сто-

роны от него); но Клау лишь помахал в воздухе длинным пальцем, призывая к молчанию — и мы волей-неволей умолкли.

Площадка у окна оказалась тесновата; стоя на своем посту той чудесной летней ночью, я чувствовал, что начинаю уставать от бесконечного ожидания. Меня утешала лишь мысль о том, что тайна обезглавленных мумий очень скоро будет раскрыта. Я жалел беднягу Гримсби, вынужденного прятаться, скорчившись в три погребели, в витрине Египетского зала: смысл загадочных маневров Клау был еще более непонятен ему, чем мне. Напрасно я напрягал ум, стараясь уловить связь между «Книгой светильников» и делом, что привело нас в музей.

Корам пошевелился, и я интуитивно понял, что он собирается заговорить.

— Тише, — прошептал Морис Клау.

В Египетском зале под нами блеснул луч света!

Я решил было, что какой-то шум привлек внимание Гримсби. Весь напрягшись, я наклонился вперед; Корам в волнении стал вглядываться в темноту.

Луч двинулся, осветив каждую витрину в дальнем углу зала, где прятался Гримсби, и наконец остановился на лице одной из мумий.

Теперь была смутно различима маленькая фигурка — фигурка человека, державшего фонарь. Он опасливо крался по залу. Видимо, у него имелся ключ от витрины, и секунду спустя он распахнул стеклянную дверь и вытащил мумию наружу.

В это мгновение на ночного гостя прыгнул Гримсби. Свет погас — и Морис Клау, отпрянув от окна, схватил Кораму за руку, крича:

— Ключ от двери! Ключ от двери!

Менее чем через полминуты мы вбежали в Египетский зал. Корам зажег верхний свет. Прижавшись спиной к открытой двери витрины, в наручниках, с безумным взглядом, перед нами предстал — мистер Марк Петтигрю!

Нужно было видеть в этот момент лицо Корама — ведь знаменитый археолог, стоявший теперь перед нами в оковах, был попечителем музея Мензье!

— Мистер Петтигрю! — хрипло воскликнул Корам. — Мистер Петтигрю! Произошла какая-то ошибка...

— Ошибки нет, достопочтенный сэръ, — загромыхал Морис Клау. — Глядите, при нем острый нож, чтобы с помощью его отрезать голову жреца!

Клау был прав. На полу рядом с упавшей мумией лежал раскрытый нож!

Гримсби тяжело дышал и удивленно поглядывал на своего пленника. Петтигрю, похоже, еще не осознал, что случилось. Корам нервно прочистил горло.

То была одна из самых странных сцен, какую мне доводилось видеть.

— Мистер Петтигрю, — начал Корам, — не соблаговолите ли объяснить...

— Я дам объяснение вам, — прервал его Морис Клау. — Вы спрашиваете, — и он воздел длинный палец, — зачем было мистеру Петтигрю отрезать голову у собственной мумии? Ответ мой — затем же, зачем отрезал мистер Петтигрю голову у мумии из «Сотбис». Отвечаю — затем же, зачем отрезал он голову мумии в моем доме и явился сюда, дабы отрубить голову четвертой мумии. Что ищет он здесь? Ищет он «Книгу светильников»!

Клау умолк, обводя нас взглядом. Вероятно, за исключением пленника, я один понимал смысл его слов.

— Изложил я мистеру Сирльзу, — продолжал Клау, — историю той книги. Содержался в ней ритуал древней египетской церемониальной магии. Она бесценна; даровала она владельцам своим власть, что превыше власти царей!

Но когда настал конец роду Панхаура, исчезла книга. Где очутилась она? Как гласит весьма редкая летопись — сохранились лишь две копии ее, причем находится одна у меня, другая же у мистера Петтигрю! — была спрятана книга в черепе мумии жреца либо жрицы храма!

Петтигрю глядел на него в немом изумлении.

— Мистер Петтигрю только недавно приобрел ценный манускрипт, где говорится о том; и будучи большим энтузиастом, джентльмены, — он широко развел руки, — ибо все мы, коллекционеры, энтузиастами являемся, принял мистер Петтигрю за работу, обезглавив первую попавшуюся мумию жрицы того храма. То была его мумия. Но бесценного папируса в ее черепе не было! Все те мумии известны в истории; в Европе их всего лишь пять.

— Пять? — выпалил Петтигрю.

— Да, пять, — ответил Клау. — Вы считали, что только четыре, а? Притворяясь неведущим, позвали вы полицию и показали изуродованную мумию. То было хорошо. То было умно. После того никто не подозревал вас в преступлениях — никто, кроме старого глупца, каковой знал, что приобрели вы вторую копию той ценной, наставительной летописи! И вы не колеблясь воспользовались ключами, полученными в качестве попечителя, дабы добраться до мумии Мензье.

Клау обернулся к Гримсби и Корамау.

— Джентльмены, судебного преследования не будет. Лихорадка познания — болезнь, но никогда не преступления.

— Согласен, — отвечал Корам. — Ареста и суда не будет; скандал нам ни к чему. Мистер Петтигрю, мне очень, очень жаль.

Гримсби с кислой миной освободил нашего пленника от наручников. На морщинистом лице Петтигрю появилось странное выражение.

— Больше всего я лично сожалею о том, — сказал он сухо, но с горевшим в глазах пылким огнем истинного исследователя, — и простите мне эти слова, Корам, ибо я глубоко вам обязан — что не смогу теперь отрезать голову четвертой мумии!

Мистер Марк Петтигрю, вне всякого сомнения, был весьма настойчивым, несдержанным на язык и язвительным человеком.

— Это бесполезно, — загрохотал Морис Клау. — Два года назад, в Египте, я нашел пятую мумию! И тогда, — он

картинно воздел руки, — я обезглавил ее!

— Что?! — вскричал Петтигрю и с безумным взором бросился на Клау.

— Ах! — проговорил Клау, не сдвинувшись с места. — В том-то и вопрос есть — что? И я вам не скажу!

Он извлек из кармана пузырек и увлажнил вербеной лицо мистера Петтигрю.

Футляры для мумий. Гравюра из книги Б. де Монфокона «L'Antiquité expliquée et représentée en figures» (1719-1724)

Артур Вейгалл

**ЗЛЫЕ ЧАРЫ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ
ДУХОВ**

(1924)

В период недавних раскопок, которые привели к открытию гробницы Тутанхамона, в доме мистера Говарда Картера обитала канарейка, ежедневно радовавшая его счастливыми песнями. Но в тот день, когда был обнаружен вход в гробницу, в дом пробралась кобра, внезапно набросилась на птичку и проглотила ее. Кобры в Египте редки, зимой же почти не встречаются; однако в древние времена они считались символом царской власти, и фараоны носили на лбу знак кобры, словно подчеркивая свою силу и способность нанести врагу смертельный укус. Поэтому люди, верящие в предзнаменования и проклятия, интерпретировали случай с канарейкой так: дух новонайденного фараона, в подобающем виде царственной кобры, уничтожил счастье исследователей, символом которого выступала типичная для мирного английского дома певчая птичка.

На исходе сезона лорд Карнарвон получил таинственный укус в лицо и умер.

Миллионы людей по всему миру задавались вопросом, не была ли смерть исследователя гробницы вызвана каким-то исходящим из нее зловещим влиянием; распространился даже рассказ о том, что на стене царской усыпальницы было написано определенное проклятие. Это, однако, выдумка.

Нам известны лишь немногие подобные проклятия времен восемнадцатой и девятнадцатой династий Древнего Египта, то есть периода, охватывающего столетие или два до и после Тутанхамона; в целом они нехарактерны для любой эпохи царствования фараонов.

Если же проклятия и появляются, то только для того, чтобы вселить ужас в грабителей гробниц тех же времен — ведь в поисках украшений они могли расчленить мумию или повредить усыпальницу, а это привело бы к утрате личности умершего, что, по представлениям египтян, угрожало благополучию его духа в потустороннем мире. Мумия и гробница являлись земным обиталищем бесплотного духа; стереть с лица земли то или другое значило оставить дух бездомным и безымянным. С другой стороны, посещение гробницы с целью возрождения памяти об усопшем егип-

тяне всегда считали самым похвальным деянием. На стенах склепов часто встречаются надписи, из которых можно узнать, что чья-то дружеская рука привела могилу в порядок после многих лет забвения.

В качестве примера подобных проклятий я хотел бы процитировать перевод надписи с погребальной статуи некоего Урсу, горного инженера, жившего менее чем за сто лет до Тутанхамона. «Тот, кто нарушит границы моих владений», — говорится в ней, — «либо повредит мою гробницу или извлечет мою мумию, будет проклят богом Солнца. Он не завещает детям своих богов; сердце его не будет знать радости жизни; он не получит воды [для своего духа] в могиле; его душа будет навеки уничтожена». На стене гробницы Хархуфа в Асуане, относящейся к шестой династии, написаны следующие слова: «Что же до каждого, кто войдет в мою гробницу... я сокрушу его шею, подобно птице; великий бог осудит его».

Египтяне в первую очередь страшились, что тело или усыпальница будут повреждены; поэтому современных исследователей и археологов, спасающих мертвых от тысячелетнего забвения, следует скорее благословлять, чем проклинать. Только грабителям грозило проклятие. Если вообще серьезно рассматривать такие вопросы, стоит заметить, что в целом посетителям этих древних гробниц не угрожали никакие неприятности при условии, что они входили в склепы с почтением и единственно для того, чтобы защитить гробницы от разорения, а мертвых — от стирающей все и вся длани времени.

Меня всегда поражало, сколь многие люди, приезжающие в Египет или интересующиеся египетскими древностями, верят в злокозненность духов фараонов и их мертвых подданных: ведь из всех древних народов египтяне были самыми добрыми и, на мой взгляд, достойными любви и восхищения. Здравомыслящие мужчины или приземленные матери семейств точно соревнуются с более легкомысленными представителями общества, рассказывая о несчастьях, постигших их самих или их друзей по причине неправильного обращения с имуществом мертвых. Со всех сто-

рон только и слышишь об испытаниях, свалившихся на головы тех, кто приобрел какой-либо древний предмет или реликвию и тем самым оскорбил духов древних обитателей долины Нила. Эти истории имеют обычно какое-то естественное объяснение; те случаи, с которыми довелось столкнуться лично мне, не обязательно связаны с черной магией. Поэтому я лишь расскажу их и предоставлю читателям искать объяснения по своему вкусу.

В 1909 году лорд Карнарвон, проводивший тогда раскопки некрополя благородных особ в Фивах, нашел пустотелую деревянную скульптуру большого черного кота; нам были знакомы другие образцы из Каирского музея, и мы распознали в ней футляр для хранения мумии настоящей забальзамированной кошки. В солнечном свете фигурка, стоявшая на краю раскопа, где она была найдена, походила скорее на маленького тигра. Она глядела на нас желтыми нарисованными глазами и топорщила желтые усы. Все тело покрывал толстый слой гладкой блестящей смолы, и мы сперва даже не смогли разглядеть стык — линию, где соединились две половинки футляра после того, как внутрь были уложены бранные останки священного животного. По опыту мы знали, однако, что эта линия проходит вокруг всей фигурки, от носа к макушке головы, вниз по спине и по груди; если такой футляр раскрыть, он распадется на две равные половинки.

Погребальную фигурку принесли на берег, переправили на противоположную сторону Нила и доставили ко мне домой; по ошибке моего египетского слуги, ее поставили у меня в *спальне*. Глубокой ночью, вернувшись домой, я обнаружил ее посреди спальни, причем она преграждала мне путь от двери к коробку со спичками. Вскоре я сидел рядом с нею на полу, потирая ушибленную голень и голову.

Я позвонил, но никто не отозвался. Тогда я направился в кухню. Слуги встревоженно столпились вокруг старшего лакея, которого ужалил скорпион; он корчился в пароксизме недолгой, но мучительной боли. Через некоторое время он начал бредить. Ему казалось, что его преследует громадный серый кот; это меня совсем не удивило, так как он по-

могал переносить футляр с мумией кошки на неудачно выбранное место в спальне.

После я лег в кровать, но тут лунный свет, заливавший спальню сквозь открытые французские окна, упал на фигурку кота. Я лежал и глядел на странное, потустороннее создание, а оно смотрело куда-то мимо меня, в стену. По моим подсчетам, ему было значительно больше трех тысяч лет. Я пытался представить себе необычайных людей, которые в далеком прошлом изготовили этот гроб для кота, бывшего для них наполовину домашним любимцем, наполовину богом жилища. Ночной ветер раскачивал ветку за окном, и ее тень металась по кошачьей морде, растягивая пасть в улыбке и заставляя желтые глаза открываться и закрываться. Проваливаясь в сон, я готов был поклясться, что в какой-то момент кот повернул голову и уставился на меня; я даже разглядел, как на черный лик набегают мрачный оскал ярости. В отдалении я слышал меланхолические завывания несчастного лакея, умолявшего товарищей спасти его от кота. Мне показалось, что при звуке приглушенных криков, отдававшихся эхом в коридоре, глаза деревянной фигурки вспыхнули.

Наконец я заснул. Часа полтора все было тихо. И вдруг в комнате раздался звук, похожий на револьверный выстрел. Я приподнялся, и в этот миг большой серый кот не то спрыгнул с кровати, не то вскочил на нее, впился когтями мне в руку и выскочил из окна в сад. В ту же секунду я увидел при свете луны, что деревянная фигура распалась на две половинки, еще подрагивавшие на полу, как огромные пустые скорлупы. Между ними стояла мумия кошки; окутывавшие ее бинты были порваны на горле, как будто покровы взорвались изнутри.

Я вскочил с постели и быстро осмотрел половинки футляра; похоже, влажный воздух побережья Нила вызвал разбухание дерева, так долго пролежавшего в сухой почве пустыни, и футляр распался надвое с тем громким звуком, что разбудил меня. Я подошел к окну и оглядел освещенный лунной сад. Посреди дорожки я увидел... нет, не поцарапанного меня серого кота, а собственную полосатую кошечку:

она выгибала спину, топорщила шерсть и всматривалась в кусты, словно там притаился десяток кошачьих демонов.

Я предоставлю читателю решать, был ли серый кот злобным духом, который заставил меня вывихнуть ногу, натравил на моего слугу скорпиона и затем, вырвавшись из бинтов и футляра, унесся во тьму; являлись ли, с другой стороны, разорванные покровы мумии последствием естественной разрушительной работы Времени, а серый кот — обыкновенным ночным бродягой, который забрался ко мне в спальню и был напуган распавшейся на две половинки древнеегипетской статуэткой, чему также легко найти объяснение. Совпадения в нашей жизни часто недооценивают; все описанные мною происшествия при желании можно объяснить совершенно естественными причинами.

Следующая история касается попавшего ко мне как-то в руки маленького глиняного светильника, принесшего несчастье по меньшей мере двум людям.

Путешествующие по Египту иногда покупают мелкие древние изделия; после их порой охватывает страх перед этими якобы проклятыми реликвиями, и тогда они, буквально в помешательстве, упаковывают свои египетские покупки и отсылают их по почте обратно на Нил. Во время моего пребывания на посту генерального инспектора древностей эти посылки нередко адресовали лично мне или в мое представительство в Луксоре; там полученные предметы, не особо разглядывая, отправляли на полки склада, где они покрывались пылью, забытые всеми.

Однажды мне вернули таким образом маленький керамический светильник. Я упомянул об этом в беседе с друзьями и узнал, что светильник прислала дама, утверждавшая, будто с момента покупки предмета ее преследуют несчастья; она часто заявляла, что намерена избавиться от светильника, отправив его безобидному чиновнику, занимавшемуся древностями. Я не могу сейчас изложить, в чем заключались эти несчастья; припоминаю, что они сводились к небольшим происшествиям, как например залитому чернилами платью. Разумеется, я и думать забыл об этой истории, и светильник с год или больше пролежал на полке.

Случилось так, что одна леди из царствующей фамилии, путешествуя по Египту, попросила меня подарить ей небольшой сувенир на память о визите; позабыв об истории предмета, я подарил ей «несчастливую» глиняную лампу — которая, насколько я знаю, не принесла прежней владелице заметных несчастий. На этом история и завершилась бы, если бы однажды за обедом в Лондоне речь не зашла о «несчастливых» древностях. Одна из присутствовавших дам пустилась в долгий рассказ о полосе несчастий, начавшихся с тех пор, как у нее появился маленький глиняный египетский светильник. Этот древний предмет, сказала она, вызывал у нее мрачные опасения; движимая подсознательным чувством, что светильник и был причиной всех бед, она в конце концов швырнула его в воды Темзы.

Я смутно припомнил лампу, подаренную когда-то нашей высокопоставленной гостье, и с некоторым интересом спросил у дамы, как к ней попал зловещий светильник. Ее ответ подтвердил мои подозрения. Светильник подарила ей особа из царствующего дома, которой я вручил его в качестве сувенира!

Многие слышали рассказы о зловещей «мумии» из Британского музея. Собственно говоря, это вовсе не мумия, а часть крышки гроба. Она повсюду сеяла опустошение и наконец была передана в дар музею; теперь ее опасное влияние угрожает только недостаточно почтительным посетителям. Моя знакомая дама уверяла, что была с нею «груба», после чего упала с крутой лестницы и вывихнула лодыжку. Был также известный случай с журналистом, который поднял «мумию» на смех и несколько дней спустя умер.

История «мумии» восходит к покойному мистеру Дугласу Мюррею, который рассказывал мне следующее. Он купил гроб в 1860-х годах; не успел он это сделать, как лишился руки по вине взорвавшейся винтовки. Корабль, перевозивший гроб в Англию, получил повреждения; то же случилось с такси, на котором гроб вывозили из порта. Дама, имевшая отношение к «мумии», потеряла родных, а вскоре пережила кораблекрушение; по ее рассказу, спаслась она исключительно благодаря тому, что сумела уцепиться за ска-

лу и провела так почти всю ночь. Список трагических происшествий и несчастий, в которых обвиняется связанный с этим гробом дух, достиг нынче внушительных размеров; это неудивительно, поскольку видевшие гроб люди приписывают все свои последующие неудачи его губительному влиянию, а несчастья в нашей жизни случаются не так уж и редко. Мне лично кажется, что если и задумываться над этими вопросами, стоит скорее попробовать кое-что другое, а именно заручиться благословением беспокойного духа, отказавшись воспринимать его как злое начало.

Достоверность следующего рассказа не подлежит сомнению. Имеющаяся в моем распоряжении и безусловно подлинная фотография говорит больше любых моих слов; невозможно отрицать тот факт, что между камерой и фотографируемым предметом появилось неясное изображение человеческого лица. Дело обстояло так.

Несколько лет назад, раскапывая гробницу верховного везира, датируемую примерно 1350 годом до н.э., мы обнаружили великолепно украшенный гроб некоего жреца. Судя по стилю украшений, он был лет на двести младше гробницы; видимо, жреца похоронили там нечистоплотные гробовщики, решившие, что проще вскрыть старую могилу, чем устраивать новую. Кто-то может решить, что осквернение гробницы навлекло на мумию пришельца гнев духа везира, чье тело, вероятно, извлекли, чтобы освободить место для непрошеного гостя; так это или нет, но верящие в подобные силы имеют основание полагать, что узурпатор не знал покоя в гробу и, вместо обычной безмятежности мертвых, сохранял некую действенность, окружавшую его земные останки зловещими флюидами.

Гроб и мумию поместили ко мне на склад; находясь рядом, я неизменно испытывал дурное предчувствие и всякий раз, открывая дверь в темное помещение, с опаской оглядывался на забальзамированную фигуру, лежавшую теперь в открытом гробу, словно ожидая, что она причинит мне вред. Это показалось мне необычным, так я давно привык к присутствию мумифицированных мертвецов. Я много раз ночевал в гробницах, разделяя комфортабельный кров с

человеческими останками; путешествуя в *дахабийе* на юг, я заполнил все ящики в каюте черепами и костями мертвых и постоянно работал и спал в их компании; нередко я завтракал, используя вместо стола крышку занятого обитателем гроба. Но эта мумия так и притягивала мой взгляд; работая на складе, я невольно бросал через плечо взгляды в ее сторону.

В конце концов я решил распеленать мумию и взглянуть в лицо мертвеца, который начал занимать все мои мысли; после этого я собирался отправить мумию и гроб в Каирский музей. Процесс был долгим, так как на различных его этапах требовалось, разумеется, делать записи и фотографии. Когда он был завершен, тело переместили в ящик, предназначенный для транспортировки. Некоторые льняные бинты, закрывавшие лицо, были так красиво и тонко выделаны, что я взял их домой, чтобы показать гостившим у меня друзьям, и один их слуг положил их затем на полку шкафа в спальне.

Эту комнату занимала одна дама и ее маленькая дочь. День или два спустя, когда тело еще лежало в открытой галерее снаружи дома, ребенок тяжело заболел. Мы очень переживали за девочку; помню, как-то утром, когда мы не находили себе места от беспокойства после визита врача, мать больной, с осунувшимся лицом, подошла ко мне, держа в руках бинты. «Вот», — вскричала она с выражением, которое я не скоро забуду, — «возьмите эти ужасные вещи, сожгите их и, ради всего святого, отправьте мумию прочь, иначе дитя умрет».

Мумия и покровы были отправлены в Каир, и девочка со временем выздоровела. Однако, проявляя фотографии еще не развернутого тела, я заметил между ним и объективом туманные черты лица. Возможно, я сделал два снимка на одну и ту же пластинку; я такого не помню, но все происшедшее могло объясняться нервным возбуждением, вызванным переутомлением.

Мне хотелось бы рассказать об одном случае, который произошел со мной во время раскопок в пустыне за древним городом Абидос. Он не связан с какими-либо злыми

кознями духов прошлого, но все же имеет достаточно тесное отношение к этому предмету. Мы расчищали вертикальную шахту гробницы, прорезанную в скальном основании песчаного грунта пустыни. Шахта была в форме квадрата со стороной в десять футов, и к концу второго дня мы очистили ее от песка и камней до глубины примерно в двадцать футов. На закате я велел всем прекратить работы и готовиться к ночлегу; когда я уже собирался направиться в лагерь, ко мне подошел старший рабочий и сообщил, что с последними ударами кирки из завала показалась мумифицированная рука. Очевидно, мы обнаружили захороненное тело.

Работы продолжились при свете фонаря, и мы извлекли из песка тело старухи. Ее поза свидетельствовала о насильственной смерти. Было понятно, что это тело не принадлежало к исходному захоронению, поскольку мы еще не достигли дна шахты; я сделал вывод, что лежащее перед нами тело было сброшено сверху в более недавние — возможно, римские — времена, когда шахта была только наполовину заполнена камнями и песком, и со временем было погребено под природными наносами.

Землекопы ждали ужина, но мне, с другой стороны, хотелось внимательно изучить тело и его окружение: поблизости могли обнаружиться интересные находки. Поэтому я отослал в лагерь всех, кроме одного человека, и по веревочной лестнице спустился в шахту, вооружившись фонарем-молнией. В мигающих лучах тело выглядело особенно пугающим. Старуха лежала на спине, ее руки, словно застывшие в конвульсиях, были вытянуты вперед, пальцы сплетены. Пальцы на вытянутых окостеневших ногах были судорожно скрючены. Черты лица, как и все тело, хорошо сохранились; длинные черные волосы спутанной массой падали на плечи. Рот был широко раскрыт, и два ряда зубов свирепо сверкали в неверном свете, а пустые глазницы, казалось, глядели вверх, словно прикованные к чему-то ужасному. Человеку редко выпадает увидеть столь жуткое зрелище, и только крайне древнее происхождение тела позволяло мне спокойно глядеть на него — столетия, прошед-

шие с момента пережитой этой женщиной трагедии, вероятно, стерли то чувство близости, что заставляет живых содрогаться при виде мертвых.

Я уже заканчивал осмотр, когда в шахту упали первые капли дождя; в ту же минуту я осознал, что надо мною воеет и свистит ветер, а звезды скрылись за густыми тучами. Гроза в Верхнем Египте — явление чрезвычайно редкое; обычно она напоминает тропический ливень. Если оставить тело в шахте, подумал я, оно размокнет и будет уничтожено; однако его вполне стоило сохранить как образец. Я решил вытащить тело наверх, где его можно было спрятать в хижине. Я поднял тело с земли — оно оказалось довольно легким и в то же время не ломким. Затем я позвал человека, остававшегося наверху, но не услышал ответа: либо он не понял меня и ушел в лагерь, либо же ветер заглушал мой голос. Сверху падали теперь большие капли дождя, и времени на промедление не оставалось. Итак, я взвалил тело на спину; вытянутые руки опирались мне на плечи, а сплетенные пальцы будто впивались мне в грудь. Я начал подниматься со своей ношей по веревочной лестнице и тут испытал приступ дурноты, заметив, что лицо старухи глядит на меня из-за правого плеча, а оскаленные зубы точно собираются вцепиться мне в правое ухо.

Я покрыл около половины расстояния, когда задел ногой торчавший из стены шахты камень; как нарочно, он свалился прямо на фонарь, разбил стекло и погрузил шахту в глубокую темноту. Порывы ветра начали раскачивать лестницу, швыряя мне в лицо песок. Я попытался нащупать правой рукой голову и плечи старухи, чтобы крепче прижать к спине груз, и к своему удивлению убедился, что там ничего нет. В тот же миг я понял, что ужасное лицо скалится из-за моего *левого* плеча — как видно, мои движения сместили тело; недолго думая, я в какой-то панике стал быстро взбираться по лестнице.

Очутившись наверху, я сразу попытался избавиться от ноши. Вокруг завывал ветер, шел сильный дождь. Я закинул за спину левую руку и с ужасом нашел, что голова трупа снова переместилась вправо и теперь глядела на меня с

той стороны. Я попытался снять руки трупа с шеи и с растущим страхом почувствовал, что пальцы, запутавшись в моей одежде, как будто удерживают меня. После нескольких секунд борьбы пальцы высвободились. Тело совершило оборот и мы стояли теперь лицом к лицу; высохшие руки по-прежнему цеплялись за мою шею, зубы ухмылялись в темноте. Мгновение спустя я оказался свободен, а труп, будто покачавшись секунду в воздухе, внезапно исчез из виду. Тогда-то мне стало понятно, что мы боролись на самом краю шахты, куда упала сейчас старуха, яростно старавшаяся, как сказали бы некоторые, меня остановить.

К счастью, дождь вскоре прекратился и мне не пришлось вновь тащить по лестнице ужасный предмет. На следующее утро мы увидели, что практически неповрежденное тело лежит на дне шахты буквально на том же месте, где мы его нашли; сейчас оно выставлено в музее одного из медицинских институтов Лондона.

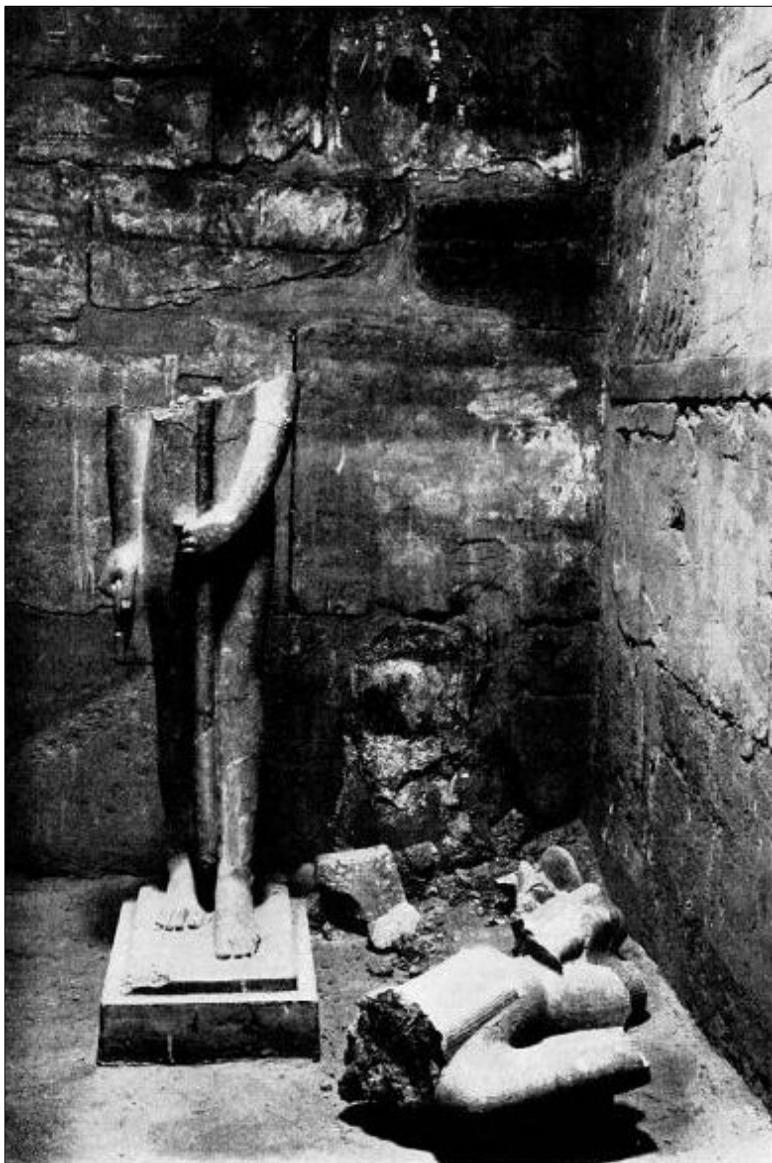
Многим гостям Верхнего Египта запомнилась статуя Сехмет с головой львицы, стоящая в небольшом храме Пта в Карнаке. Туристы обычно входят в это святилище при свете луны или звезд; полутьма необычайным образом подчеркивает благородство и таинственность скульптуры, заставляя поверить, что богиня еще сохранила часть своего могущества. Посредством Сехмет бог Солнца, Ра, справлялся с врагами, и в древние времена богиня пользовалась зловещей репутацией. Эта слава прочно укрепилась за ней, и туземцы до сих пор утверждают, что Сехмет имеет привычку убивать маленьких детей. Когда найденную несколько лет назад статую откапывали, земля прямо перед нею провалилась и два мальчика, занятые этой работой, погибли; не стоит удивляться, что их гибель сочли проявлением злых чар духа, заключенного во впечатляющей каменной статуе. Нередко говорят, что того, кто оскорбит богиню во время посещения храма, после много недель преследуют несчастья.

Среди британских и американских дам распространился обычай покидать после ужина гостиницы и торопиться к богине, которую они осыпали мольбами и пытались умиротворить нежными словами. Как-то раз, несколько лет

назад, одна известная дама бросилась на колени перед статуей и, экзальтированно простирая руки, принялась восклицать: «Я верую, я верую!». Ее подруга в это время страстно целовала каменную руку и гладила не слишком изящные каменные ноги. В другом случае перед богиней зажгли светильники и некий восторженный господин начал бормотать какие-то ритуальные фразы; тем временем популярная французская беллетристка, которая ошибочно приписывала себе дар чревовещания, издавала мяукающие звуки, якобы исходящие от статуи и, безусловно, придававшие этой сцене еще более варварский характер. Подобные сеансы сделались настолько частыми, что в конце концов мне пришлось официально их прекратить и объявить поклонение зловещей богине нарушением правил. Она стоит в одиночестве, таинственно улыбаясь посетителям, а они, все без исключения, никогда не улыбаются в ответ, дабы не пробудить гнев богини. Однажды летней ночью в святилище пробрался туземец, считавший, видимо, что навлек на себя проклятие богини; он разбил голову и плечи статуи, но археолог, ведавший храмом, собрал и скрепил обломки, и Сехмет продолжает сулить несчастья тем, кто наделяет ее зловещими намерениями.

Зимой 1908-9 года известный бостонский художник и любитель театральных постановок Джозеф Линдон Смит и его жена гостили у нас с женой в Египте. Мы жили на берегу Нила, в Луксоре — современном городе, выросшем на месте «стовратных Фив», могущественной древней столицы Египта. Как правило, мы проводили большую часть времени среди руин на западном берегу Нила, так как работа требовала от меня уделять постоянное внимание проводившимся там раскопкам и руководить сложной системой охраны и сохранения памятников, которая в наши дни защищает исторические и художественные ценности Египта. Мистер Смит зарисовывал гробницы, тогда как наши дамы развлекали себя множеством затей, что так охотно подсказывает это прекрасное и романтическое окружение.

Иногда мы ночевали среди гробниц, ставя палатки на склоне холма Шейх Абд эль-Курна, посреди некрополя ве-

«Знаменитая статуя Сехмет в Карнаке, разбитая туземцем, верившим в ее злые чары». Фот. из книги А. Вейгалла «Тутанхамон и другие эссе» (1924).

ликих египтян; на закате, когда туристы исчезали на дороге в Луксор, а наши дневные труды были окончены, мы долго гуляли по пустынным ущельям, карабкались на каменные холмы и входили в разрушенные храмы; только к ужину мы обычно возвращались к огням нашего лагеря. Грандиозность и величие этих сумеречных видов невозможно описать. В неясном отраженном свете сияющих звезд крутые скалы и каменные теснины казались исполненными чудес. В их тени скрывались тайны; извилистые тропки словно уводили в запретные места, куда не ступала нога человека. Холмы и валуны и их подножья принимали самые фантастические формы; невольно представлялось, что духи мертвых Египта в такие часы скитались, подобно нам, среди этих призрачных ландшафтов.

Во время одной из вечерних прогулок мы оказались в знаменитой Долине цариц, каменистом ущелье, где похоронены некоторые жены фараонов. В конце ущелья скалы смыкаются; древний и давно высохший поток выбил в камне обширное углубление, куда, как в котел водопада, когда-то обрушивались воды, стекавшие с холмов позади. Боковые стороны этого углубления образуют две трети круга, над которым чуть нависает скала. Передняя, открытая сторона смотрит на ущелье, и поскольку дно ровное, покрыто твердым гравием и не превышает в длину и ширину двадцати пяти футов, каменный цирк сразу же вызывает образ созданной природой сцены со скалистым ущельем в качестве театральных лож. Мы хорошо знали этот уголок. В сумерках, скрытые глубокими тенями цирка, мы сидели на гравии и смотрели на освещенную звездами долину, словно призрачные актеры, глядящие в опустевший зрительный зал. Вечерний ветерок тихо вздыхал вокруг; по долине беззвучно пробирались туманные силуэты двух шакалов. Далеко над Нилом, в обрамлении скал по бокам устья ущелья, горели, отражаясь в безмятежных водах, сверкающие огни Луксора, лишь подчеркивая чувство оторванности от мира и близости к порождениям ночи, обитающим в царстве снов.

Я зажег спичку, собираясь раскурить трубку, и грубые изломы окружавших нас скал сразу осветились и приобрели гротескные формы. Глубокие тени вились вокруг пляшущего огонька, как черные волосы на ветру, уступы выдавались гигантскими носами и подбородками. Сонная сова, испугавшись света, свалилась со своего насеста в трещине над нами и, сбивчиво помахивая крыльями, унеслась в темноту, ухая, как потерянная душа. Спичка догорела, тьма и безмолвие вновь сомкнулись над нами.

«Какая сцена для постановки!» — воскликнул наш режиссер-любитель, и через несколько мгновений мы все уже обсуждали возможность сыграть здесь, среди пустынных скал, драму о призраках. К тому времени, как мы вернулись в лагерь, сложился сюжет, основанный на исторических фактах: дух фараона Эхнатона был в свое время, так сказать, «отлучен от церкви» жрецами и лишен обычных молитв, сопровождавших мертвых в загробный мир; поэтому он был обречен вечно скитаться, не зная дома и места отдохновения. Эхнатон, сын прекрасной и властной царицы Тиу, царствовал с 1375 по 1358 г. до н.э.; будучи потрясен варварством, свершавшимся в Фивах во имя бога Амона, и считая, что единственным истинным богом был Атон, дарующая жизнь «Солнечная энергия», он ниспроверг прежнюю религию и стал проповедовать на удивление передовое учение мира и любви, которое связывал с поклонением Атону. Он перенес столицу из Фив в «Град горизонта Атона» и правил там со своей женой и детьми, посвятив все свои силы укреплению новой религии и демонстрации своего возвышенного учения. Умер он в возрасте около тридцати лет, после чего народ, под властью Тутанхамона, единодушно вернулся к поклонению Амону и старым богам, чьи жрецы вычеркнули имя умершего царя из книги жизни.

Итак, у нас имелся готовый призрак, имелась и сцена. Роль молодого Эхнатона решили поручить моей жене, так как его мягкий характер и юношеский голос лучше передала бы женщина, нежели мужчина. Нужна была и прекрасная царица Тиу, которую могла хорошо изобразить миссис Смит. Мистер Смит взял на себя роль посланца богов,

отправленного из мира мертвых для встречи царственного призрака. Мне предстояло немало работы — на мне лежало освещение, суфлерские обязанности и всевозможные мелочи. В определенные моменты должна была звучать потусторонняя музыка; с этой целью мы договорились привлечь к участию в постановке нашего друга, известного англо-египетского художника Ф. Ф. Огилви, вместе с его гитарой.

По возвращении в Луксор мы посвятили все свободное время разработке и изготовлению костюмов и декораций; я должен был как можно скорее написать текст пьесы. Сам по себе он лишен литературных достоинств; но когда, несколько дней спустя, он был зачитан под звездным небом в нашем каменном театре, тихие и взволнованные голоса дам и странные, пронзительные, как крик ястреба, тона нашего знаменитого любителя придали им таинственное и многозначительное звучание.

Мы назначили день постановки и пригласили друзей на вечер в Долину цариц, дабы лицезреть явление призрака великого фараона. За несколько дней до этого события мы снова перебрались в наш лагерь в пустыне.

Несколько вечеров спустя мы устроили репетицию, но увы! стоило только миссис Смит произнести вступительные слова, как ее поразила страшная резь в глазах; менее чем через два часа она впала в горячечный бред. Рассказ о том, как ее несли в темноте по пустынным полям и перевезли через реку в наш дом в Луксоре, показался бы изложением ночного кошмара. На следующий день было решено, что ее следует немедленно отправить в Каир, так как было очевидно, что она страдает крайне опасной формой офтальмии; мы очень боялись, что она может потерять зрение. В тот же день моя жена слегла с серьезным заболеванием и также была незамедлительно отправлена в Каир. На следующее утро у мистера Смита начался небольшой жар, а вскоре после этого я заболел инфлюэнцей. Мистер Огилви, возвращаясь к себе на поезде, угодил в неприятную аварию, в которой его мать сильно повредила ногу. Так и случилось, что ни один из нас не смог принять участие в назначенном спектакле.

Несколько недель зрение миссис Смит и жизнь моей жены висели на волоске, и мы не раз теряли всякую надежду. К счастью, со временем обе полностью выздоровели; но никто из нас не испытывал ни малейшего желания вернуться к репетициям. Многие наши друзья были склонны видеть в наших несчастьях наказание богов и духов Древнего Египта; но им не стоит забывать, что спектакль намечался патетический и торжественный, без каких-либо намеков на бурлеск. Что касается меня, то я, как уже говорилось, не считаю, что в поисках объяснений нашей трагедии исключено всякое вмешательство такого весьма недооцененного фактора человеческой жизни, как совпадение; но я далек от того, чтобы высказывать собственное мнение об этом предмете. От верящих в злые козни древних мертвецов я слышал в Египте самую абсурдную чепуху; но вместе с тем, в данном вопросе мой разум открыт для любых возможностей.

Петр Аландский

РУКА МУМИИ

(1924)

... — Убийство Роберта Дойля, знаменитого английского ученого! По подозрению арестован доктор Уильсон!

Кричали газетчики утром 24 июня 1906 года на улицах Лондона.

Газеты покупались на расхват, но никаких подробностей происшествия в газетах не было. Сообщалось только, что убийство Дойля было совершено в его собственной вилле и обнаружено поздно вечером 23-го и что арестован по подозрению друг покойного, хорошо известный в Лондоне доктор Уильсон. Рядом с трупом Роберта Дойля лежал опрокинутый несгораемый шкаф. Когда полицейские подняли шкаф, под ним оказалась разможенная, совершенно сухая кисть человеческой руки. У стены на столе, приспособленном для анатомических работ, был найден обнаженный труп мужчины. Он был, как это выяснило предварительное следствие, вывезен Дойлем 22-го из Центрального морга для научных работ.

Дело было поручено опытному следователю Джемсу Джекннгу, который немедленно и приступил к допросу доктора. Доктор, решительно отрицая свою виновность, давал такие странные объяснения, что следователь счел необходимым подвергнуть его экспертизе психиатров. Но психиатры признали доктора психически нормальным, причем, однако, засвидетельствовали, что нервная система доктора чем-то сильно потрясена.

И 2 июля 1906 года доктор Уильсон предстал перед судом.

.....
.....

Большая зала суда была полна самой фешенебельной публикой. Присутствовало немало представителей и научного мира: доктор имел прекрасную практику в аристократических кругах, а Дойль был хорошо известен своими трудами лондонским ученым. Он прославился замечательными открытиями по вопросу о древнеегипетских способах бальзамирования.

Еще не окончив своего труда, Роберт Дойль сделал несколько интересных докладов по этому вопросу и пришел к таким неожиданным выводам, что об его трудах заговорили ученые всего мира.

Окончания его работы ждали с нетерпением. Но вдруг Роберт Дойль оставил шумный Лондон и переехал в свою загородную виллу, где у него была небольшая, но хорошо оборудованная лаборатория. Этому отъезду не очень удивились, — Роберт Дойль слыл большим оригиналом. Он и в Лондоне жил очень уединенно, редко выезжал и к себе принимал только немногих друзей, из которых самым близким был доктор медицины мистер Арнольд Уильсон.

Допрос старого слуги Георга, который служил у Дойля около 15 лет, разочаровал публику, — ничего ценного он не сообщил. Георг рассказал только, что около 10 часов вечера, проходя мимо кабинета, услышал смех мистера Дойля. По его словам, смех был какой-то странный, — такого он никогда не слышал.

В недоумении он простоял около дверей несколько минут, затем направился к себе. С полчаса он пробыл в вестибюле и вдруг из кабинета раздался душераздирающий крик. Чей это был голос, он разобрать не мог. Вне себя от ужаса кинулся он к кабинету. В этот момент раздался грохот, как

бы от падения чего-то тяжелого, а затем резкий звонок...

Когда он вбежал в кабинет, глазам его представилась страшная картина... Посреди комнаты лежал с посиневшим, перекошенным лицом труп его хозяина... Около него был опрокинут тяжелый несгораемый шкаф, в котором покойный хранил свои бумаги.

За шкафом, прижавшись к стене, стоял бледный, как полотно, с искаженным лицом доктор Уильсон. По-видимому, позвонил он, так как больше никого в комнате не было. Доктор задыхающимся голосом попросил скорее вызвать полицию, что Георг и сделал немедленно.

Вот и все, что он знал.

После показания полицейского, председатель суда дал слово обвиняемому.

Доктор был бледен. Он тихо поднялся и медленным взглядом окинул собравшуюся в зале публику.

Он заговорил:

— Господа! Меня обвиняют в убийстве моего друга Роберта Дойля! Я невинен! Не я совершил это преступление... это даже не преступление... это... какой-то бред!.. кошмар!

Я вам расскажу все по порядку и клянусь, что мой рассказ будет правдив.

23 июня, так около 8 часов вечера, Роберт Дойль позвонил ко мне по телефону. Он настойчиво требовал, чтобы я к нему немедленно приехал. Я забыл еще сказать, что в тот же день он позвонил ко мне еще утром, но меня не было дома. Я очень устал после работы и хотел отдохнуть, но Роберт так меня просил, что я оделся и вышел из дому.

Приблизительно через час я был у него.

Георг, открывший мне дверь, помог мне снять пальто и провел в кабинет. Когда я вошел к Роберту, он бросился ко мне с такой стремительностью, что я невольно отступил назад. Меня поразило его лицо. Таким я еще никогда его не видел. Всегда спокойный и корректный, он стоял передо мною кое-как, неряшливо одетый, с растрепанными волосами, с лихорадочно горящими глазами.

Он протянул мне обе руки и сказал:

— Благодарю... благодарю... я так боялся, что ты не придешь!.. Ты мне сейчас так нужен... так нужен!..

Удивленный, я пожал ему руку и сказал:

— Помилуй, Роберт, к чему благодарить?!..

Я терялся в догадках, что могло случиться с Робертом.

— Не говори, не говори!!.. — хватая меня за рукав, точно боясь, что я уйду, быстро проговорил он. — Я знаю, как тебе было трудно приехать, но ты... не раскаешься!.. Ты даже придешь в восторг!.. — Он рассмеялся сухим, нервным смехом и быстро зашагал по комнате странной, колеблющейся походкой.

Я опустился в кресло, продолжая с изумлением глядеть на моего друга. Я не спускал с него глаз и ровно ничего не понимал.

Роберт все ходил по комнате и молчал, погруженный в свои думы.

Я подошел к нему и сказал:

— Успокойся, дорогой Роберт! Расскажи мне лучше, что случилось? Зачем ты меня звал?

Роберт остановился и, посмотрев на меня, сказал торжественно:

— Арнольд! Я сделал такое открытие, которое должно увековечить мое имя!

Он опять замолчал, пристально глядя на меня. Я с тревогой посмотрел на него. «Не сошел ли он с ума?», — мелькнуло у меня в голове. Однако, я ему ничего не сказал и только повторил свою просьбу сказать, в чем состояло его открытие. Роберт сел в кресло.

— Ты, конечно, знаешь, Арнольд, что я заинтересовался способом бальзамирования и для своих работ приобрел с трудом, за колоссальные деньги, две мумии. Увлечшись этими занятиями, я принужден был попутно заняться: химией, физиологией и другими близко стоящими к моей работе науками. Я совершенно случайно обратил внимание на способы оживления сердца и других тканей на короткий срок различными химическими реагентами вроде составов — Локка, Лангендорфа и других. Я решил в свободное время повторить эти опыты. Произведя целый ряд последних, я убедился в их огромной важности. Ты, может быть, помнишь, что можно заставить сердце млекопитающихся некоторое время сокращаться, погрузив его в тот или иной состав? — вдруг прервав свой рассказ, спросил Роберт.

Я утвердительно кивнул головой.

— Ага! Ты помнишь? Ну так знай!.. — Роберт поднялся и с гордостью посмотрел на меня. — Я сделал большее... Я могу ожить человека...

Я невольно поднялся с кресла. Теперь я был почти уверен, что мой друг помешался.

— Что с тобой? Ты говоришь невозможные вещи! — сказал я как можно спокойнее. Роберт ничего не ответил. Глаза его сверкнули. По бледному лицу пробежала легкая судорога.

— Итак, по-твоему, это невозможно?.. Это невероятно? — волнуясь, заговорил он. — Я докажу тебе, что ты ошибаешься!.. Ты сию минуту собственными глазами убедишься в истине моих слов. Но прежде, чем оживить вот этого субъекта, — при этих словах он сорвал простыню с длинного предмета, лежавшего на столе за нами. И я невольно вскрикнул: на столе лежал обнаженный труп мужчины. Роберт продолжал:

— Итак, прежде, чем оживить его, я воскрешу вот эту руку.

Он, не торопясь, вынул из небольшого ящичка, стоящего на его письменном столе, сухую кисть руки с длинными, тонкими пальцами и крашеными ногтями.

— Не знаю, как сегодня, а вчера этот опыт удался! — сказал Роберт и, помолчав, продолжал торжественным голосом:

— Эта рука принадлежала фараону Абистриксу XIII, мумия которого находится у меня. Он жил более чем за 5,000 лет до Р. Х. Этот фараон был известен своей жестокостью. Он задушил, между прочим, вот этой самой рукой, своего отца и свою мать.

Я с ужасом смотрел на сухую руку мумии и на Роберта.

— Я оживлю ее вот этим составом!.. Составом, открытым мною и рецепт которого знаю только один я!

С этими словами Роберт высоко поднял к лампе пузырек с бледно-зеленого цвета жидкостью. Лучи света упали на нее и она засверкала изумрудным цветом.

— Я вчера впрыснул слишком мало, и рука едва шевелила пальцами. Сегодня я утрою порцию.

С этими словами Роберт достал шприц, наполнил его своей таинственной жидкостью и осторожно ввел иглу шприца в высохшую вену мертвой руки.

Прошло несколько минут... Было тихо... Мы ждали... И вдруг... мне почудилось... Я почувствовал, что мои волосы

подымаются у меня на голове... рука мумии вздрогнула... что-то пробежало по ней. Она шевельнула пальцами. Мы молчали. Я хотел встать, подойти к Роберту, пожать ему руку, поздравить с этим величайшим открытием, но вместо того я откинулся на спинку кресла и не мог свести глаз с этой чудом вызванной к жизни руки...

Жизненная сила руки между тем возрастала. Рука скрючила сухие пальцы... Попробовала на них подняться... Поднялась... Несколько колеблющихся неверных движений. Затем послышалось шуршание бумаги и рука поползла по столу...

Ужас сковал меня на несколько минут, да именно ужас и вместе с тем какое-то безотчетное брезгливое чувство овладевало мною. Ужасный, мерзкий паук полз по столу...

— Останови ее!.. Спрячь в ящик... — задыхаясь, прошептал я.

Арнольд поднялся. В этот момент рука сделала неверное движение и, сорвавшись, упала на пол.

Через секунду она уже ползла по полу... Сухие крашенные ногти шуршали по паркету... Она двигалась все быстрее и быстрее... Силы ее, видимо, все росли. Она стала делать прыжки... Сперва едва отделяясь от паркета, потом все выше и выше... Ужасное явление!..

Безумными глазами смотрел Роберт на эту гадину, вызванную к жизни его гением. Он стоял молча, не спуская с нее глаз... Вместо дыхания из его груди вырывался какой-то хрип... Мы молчали.

Вдруг рука стала направляться к Дойлю. Он невольно подался назад. Неровными прыжками, сухо стуча ногтями по паркету, рука мумии приближалась к нему. С перекошенным от ужаса лицом, с дико горящими глазами он все отступал. Прошло несколько мгновений... вдруг Роберт вскрикнул не своим голосом и захохотал... Боже, что это был за хохот... Роберт несомненно сошел с ума, мне казалось, что я тоже начинаю сам терять рассудок. Роберт внезапно покачнулся, сделал движение вперед к этой ужасной руке... протянул свои руки... Бутылка с таинственной зеленой жидкостью упала на пол и разбилась... Нет слов челове-

ских передать состояние моей души... Рука мумии подпрыгнула, вцепилась в сюртук Дойля... Он снова захохотал. Рука судорожно впилась в плечо...

Момент — и тонкие сухие пальцы кисти с силой сдавили горло Роберта. Его лицо помертвело... Глаза вылезли из орбит... Страшный хрип... Из открытого рта высунулся распухший язык... Роберт беспомощно взмахнул руками и тяжело грохнулся на пол.

Рука не отпускала его шеи, она продолжала сжимать эту шею с какой-то, казалось, безумной злобой...

Но вдруг пальцы разжались, рука стала медленно сползать с трупа Роберта... бездыханного тела, лежавшего передо мной... Рука сползла... замерла на минуту и вдруг, подсакивая, ринулась на меня...

Я испустил нечеловеческий крик... и, с силой отчаяния упершись в несгораемый шкаф, опрокинул его. Раздался страшный грохот... Мне казалось, что что-то хрустнуло...

Я еще раз вскрикнул и как будто потерял на мгновение сознание... Я не помню, когда я позвонил. Остальное вы знаете, господа.

.....

Доктор покачнулся. Его поддержали и усадили в кресло.

Судьи многозначительно переглянулись и устремили
взоры на эксперта.

.....

Доктор через неделю скончался от нервной горячки в
психиатрической больнице, куда его отправили по поста-
новлению суда.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения к II-му тому «Рассказов о мумиях» открывают два материала, связанные с так называемой «проклятой мумией» Британского музея; это статьи из газет «Атланта конститюшн» (1904) — одно из первых печатных упоминаний «проклятия» — и «Нью-Йорк таймс» (1923). Музейной «мумии» приписывались всевозможные несчастья, включая даже... гибель «Титаника». Как уже известно читателю, на самом деле речь идет не о мумии, а о крышке погребального футляра неизвестной женщины из Фив конца 21-начала 22 династий (950-900 гг. д.н.э.), экспонат ЕА 22542. Заключает том отрывок из статьи проф. Р. Лакхерста, в котором детально рассматривается история и источники слухов о данном и других «проклятиях мумий». По независящим от нас причинам в приложения не вошла планировавшаяся к публикации статья П. Спиринга о гибели журналиста Б. Флетчера Робинсона (еще одной «жертвы» зловещей гробовой крышки из Британского музея), однако практически все включенные в нее сведения содержатся в приведенных нами материалах.

А. III.

The Atlanta Constitution, 19 июня 1904

ЖРИЦА, УМЕРШАЯ СТОЛЕТИЯ НАЗАД, ВСЕ ЕЩЕ ОБЛАДАЕТ СПОСОБНОСТЬЮ УБИВАТЬ И ПРИЧИНЯТЬ НЕСЧАСТЬЯ

СМЕРТЬ ИЛИ ТЯЖКИЕ БЕДСТВИЯ СТАЛИ УДЕЛОМ ПОЧТИ ВСЕХ, КТО ИМЕЛ ОТНОШЕНИЕ К ФУТЛЯРУ ЕЕ МУМИИ, ВЫВЕЗЕННОМУ ИЗ ДРЕВНИХ ФИВ. В ЭТОМ РАССКАЗЕ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СИЛАХ ПРИВЕДЕНЫ ТОЛЬКО ФАКТЫ.

Специальная телеграмма.

ЛОНДОН, 18 июня. — Немногие произведения оккультной фантазии могут сравниться по необычности со странной историей о футляре для мумии из Британского музея и его предполагаемой смертоносной силе, которая только что была изложена в лондонской газете Б. Флетчером Робинсоном. Истинность рассказа, однако, подтверждает сам автор, который является не только близким другом сэра Артура Конан Дойля, но и известным журналистом; здесь же прилагаются две фотографии, которые, как утверждается, предоставляют неоспоримые свидетельства того, что вся эта история не является чистой выдумкой.

Одна из фотографий изображает раскрашенную крышку футляра, которая покоится сейчас в углу первого Египетского зала музея, но когда-то прикрывала забальзамированные останки жрицы коллегии Амона-Ра, жившей в могущественном городе Фивы примерно за 1,600 лет до Христа. Предмет отлично сохранился; на нем мы видим женщину с исключительно мрачным выражением лица, чьи темные глаза устремлены в пустоту, словно в поисках ключа к загадке вселенной, в то время как ее руки мирно сложены на груди. Второй снимок был сделан фотографом, решившим запечатлеть странное лицо на гробовой крышке. К удивлению фотографа, на сделанном с негатива отпечатке появилось не мертвое лицо, но, по-видимому, живое, с широко

раскрытыми глазами, причем мрачное выражение нарисованного портрета сменилось выражением нескрываемой злобы.

Неподвижное лицо на футляре для мумии

Как помнят читатели, д-р Дойль публично признал, что обязан Флетчеру Робинсону сюжетом своей «Собаки Баскервиль». До недавнего времени рассказчик являлся редактором «Лондон

экспресс», откуда ушел, чтобы взять на себя руководство светским еженедельником «Vanity Fair».

Робинсон заявляет, что внимательно изучил свидетельства о трагедиях, постигших тех, кто имел несчастье навлечь на себя гнев этой египетской жрицы, умершей 3,500 лет назад, и утверждает, что получил многочисленные доказательства полученных им показаний; однако, из уважения к друзьям и родственникам жертв, он изъял имена последних из своего рассказа.

В середине шестидесятых годов пятеро друзей наняли дахабийе для путешествия вверх по Нилу. Они задержались в Луксоре, где осматривали руины Фив и знаменитого храма Амона-Ра, который, даже в виде заброшенных руин, является, вероятно, наиболее величественным их сохранившихся памятников древности. За обедом, данным в честь друзей леди Гордон Дафф и консулом Мустафой Ага, их развлекали странным туземным танцем.

Однажды вечером араб, заявивший, что был послан Мустафой Ага, обратился к одному из участников тогда еще счастливой маленькой партии (для сохранения анонимности он назван «мистером Д.») с предложением продать красивый футляр для мумии, который, по словам араба, он только что нашел. Это был тот самый футляр из-под мумии жрицы, что сейчас обрел место последнего успокоения в Британском музее. Неизвестно, какими святотатственными средствами араб завладел им и что случилось с мумией. Мистер Д. приобрел футляр. Но поскольку все участники путешествия были ярыми египтологами, они решили разделить все находки, бросая жребий, и футляр попал таким образом в руки мистера У.

На обратном пути началась цепь несчастий, необъяснимо связанных с футляром. Когда один из слуг мистера Д. заряжал винтовку, она по непонятной причине взорвалась, пуля попала мистеру Д. в руку и ее пришлось ампутировать. Второй слуга в течение года умер в бедности, а третий был застрелен. По прибытии в Каир мистер У. узнал, что потерял значительную часть своего состояния. Не питая никаких подозрений в отношении того, что футляр для мумии был как-либо связан с его финансовыми неурядицами или с несчастьями, преследовавшими путешественников со времени его покупки, он подарил футляр своей замужней сестре, живущей под Лондоном. Вскоре он умер. С того дня, как портрет мертвой жрицы оказался в своем новом жилище, несчастья начали преследовать по стопам обитавшее там семейство.

Случилось так, что однажды дом навестила мадам Блаватская, верховная жрица теософов. Переступив порог, она впала в

большое волнение, сказала хозяйке, что в доме чувствуется некое сильное губительное влияние, и попросила разрешения осмотреть различные комнаты. Обнаружив гробовую крышку, она заявила, что этот предмет является чрезвычайно опасным, и стала

Зловещее живое лицо, появившееся на негативе лондонского фотографа

умолять владелицу немедленно от него избавиться. Дама со смехом отказалась, приписав страхи мадам Блаватской глупому суеверию.

Вскоре после этого, однако, она отправила крышку в студию фотографа на Бейкер-стрит; как уже сказано, фотограф увидел, что его камера воспроизвела черты женщины, казавшейся живой. Спустя недолгое время он внезапно и таинственным образом скончался. Непосредственно затем мистер Д. приехал в Лондон и при встрече с дамой, владевшей гробовой крышкой, узнал о несчастьях, выпавших на долю ее семьи с тех пор, как футляр оказался в доме. Он принялся убеждать ее тотчас же избавиться от футляра, и наконец, поверив в то, что этот предмет являлся ужасным «сглазом», она согласилась. Был найден перевозчик и футляр был отправлен в Британский музей. Человек, перевозивший его, умер через неделю; с другим, помогавшим при перенесении футляра в здание музея, приключился серьезный несчастный случай.

В настоящее время, как видно, несчастья, связанные с владением футляром для мумии, прекратились. Ученого джентльмена, распоряжающегося залом, где он хранится, никак не беспокоит присутствие футляра. Возможно, очутившись среди цариц, принцесс и благородных особ равного с нею ранга, и будучи снабжена карточкой, где описываются ее отличительные черты, жрица Амона-Ра более не использует свои зловещие силы.

«Нет сомнения», — пишет мистер Робинсон, — «что египтяне располагали силами, над которыми мы, люди двадцатого века, можем посмеиваться, но которые никогда не сможем понять. Был, к примеру, известный случай с исследователем, который приобрел гроб с выгравированной угрозой, гласившей, что тело любого грабителя могил, осмелившегося потревожить останки лежащего в гробу, будет в момент смерти разорвано на куски. Исследователь только посмеялся, поскольку не был, как он любил говорить, подвержен суевериям; и все же вскоре после этого его во время охоты разорвал на куски слон».

The New York Times, 7 апреля 1923

МУМИЯ ОБВИНЯЕТСЯ В СТРАННЫХ НЕСЧАСТЬЯХ

***ПРЕКРАСНАЯ, НО ЗЛОВЕЩАЯ ПРИНЦЕССА, КАК
УТВЕРЖДАЕТСЯ, НЕ ЛЮБИТ ПРИКОСНОВЕНИЯ К КРЫШКЕ
СВОЕГО ГРОБА***

Мумия находится в Британском музее

***ОФИИАЛЬНЫЕ ЛИЦА НАЗЫВАЮТ ЭТИ РАССКАЗЫ МИФОМ,
НО ЛЮДИ СУЕВЕРНЫЕ ВИНЯТ ЕЕ ДАЖЕ В КАТАСТРОФЕ
«ТИТАНИКА»***

Специальная телеграмма для «Нью-Йорк Таймс»

ЛОНДОН, 6 апреля. — Смерть графа Карнарвона вновь пробудила интерес к рассказам о футляре, где некогда покоилась мумия жрицы Амона-Ра, умершей в Египте 3,500 лет назад; ныне футляр хранится в Британском музее. Действительно ли с ним связаны дурные предзнаменования? Приносит ли он несчастье всякому, кто к нему прикасается? Сэр Эрнест Бадж, хранитель египетских древностей музея, смеется над теми, кто так считает, однако гиды, которые водят посетителей по залам, не слишком уверены в обратном.

В одном из главных залов египетского отдела имеется стеклянная витрина с длинным рядом футляров из-под мумий. Им тысячи лет, но один выделяется среди прочих. Его яркие краски привлекают взгляд каждого посетителя. Футляр кажется почти новым, как будто он только вчера вышел из мастерской художника, а центральная фигура видится поразительно живой. Она была жрицей великого бога Амона-Ра, а помимо этого, видимо, исключительно привлекательной и умной женщиной. Даже сегодня, по прошествии стольких лет, ее портрет сохраняет загадочную улыбку, которая напоминает о Моне Лизе; она словно бы язвительно глядит на праздных экскурсантов, сознавая свою тай-

ную силу. И если в легендах есть доля правды, жрица и сегодня не прочь ею воспользоваться.

Футляр нашел в 1864 году араб, продавший его богатому путешественнику. В течение нескольких недель, рассказывают, тот потерял все свои деньги и умер с разбитым сердцем. Двое его слуг, переносившие футляр, скончались в течение года. Третий, не прикасавшийся к футляру, но отпуская презрительные замечания, потерял руку во время несчастного случая с винтовкой.

Зловещие события продолжают в Англии

Футляр из-под мумии был привезен в Лондон и повсюду, где бы ни оказался, сеял несчастья. Возможно, наиболее примечательной была судьба фотографа. Он сделал снимок футляра и, проявляя негатив, испытал ужасное потрясение. Он увидел не безобидную роспись, но портрет живой женщины, чьи красивые черты приобрели выражение жуткой злобы.

О проклятии, связанном с футляром, стало известно; так как покупателей не нашлось, футляр был отправлен в Британский музей. Человек, перевозивший его, умер неделю спустя, а один из его помощников на следующий день сломал ногу.

Футляр был вновь сфотографирован известной лондонской фирмой, и фотографа постигла странная цепь несчастий. Сперва от разможил большой палец; дома он обнаружил, что один из его детей упал на стеклянную раму и получил опасные порезы. В день, когда был сделан снимок, фотограф до кости порезал себе нос и уронил ценную ширму, которая стала совершенно бесполезной.

Снимок был все же сделан, и в нем было нечто потустороннее. Глаза будто горели огнем; видевшие его не могли поверить, что снимок изображал что-либо иное, кроме как живую женщину, наполненную самой дикой злобой.

Так старинная легенда год от года обрастала подробностями. У. Т. Стед¹ весьма интересовался ею, и публикация мифов о футляре неизбежно порождала бесчисленные письма в газеты;

¹ Уильям Т. Стед (1849-1912), видный британский журналист и публицист, реформатор журналистики, спиритуалист; погиб во время крушения «Титаника» (*Здесь и далее прим. перев.*).

различные посетители писали, как явились в музей на выходные, были привлечены яркостью красок футляра и затем стали жертвами несчастных случаев — к примеру, споткнулись на улице или разбили дома зеркало.

Красивую жрицу Амона-Ра винили в большинстве общественных и частных несчастий; утверждалось даже, что и «Титаник» был потерян по вине ее зловещего влияния. Некий американец, рассказывали, уговорил представителей музея продать гроб и вез его домой на «Титанике». Естественно, лайнер столкнулся с айсбергом, и результаты были ужасны. Но даже тогда владелец футляра не осознал, что повинен в катастрофе; заплатив громадную взятку, он убедил нескольких членов команды спасти гробовую крышку. Этот человек выжил, но пожалел о содеянном и в конце концов, объятый страхом при виде преследовавших его самого и его семью несчастий, продал футляр одному ничего не подозревавшему канадцу.

По какой-то причине последний решил вернуть футляр в Европу и отправил его на «Императрице Ирландии». Никто не может отрицать, что этот корабль затонул на реке святого Лаврентия² — доказательство того, что может сотворить рассерженная жрица Амона-Ра.

Бадж объясняет все

Так гласит легенда, однако сэр Эрнест Бадж³ привносит немного здравого смысла. Несколько недель назад он сообщил «Sunday Times», что в основе мифа лежит целый ряд недоразумений. У. Т. Сед и Дуглас Мюррей рассказывали о другой мумии, которой одна дама украсила свою гостиную. На следующее утро все ее безделушки оказались разбиты, а когда муж дамы запер му-

² Этот канадский океанский лайнер затонул 29 мая 1914 г. после столкновения с норвежским углевозом; из 1,477 человек на борту погибли 1,012.

³ Сэр Эрнест Уоллис Бадж (1857-1934), виднейший британский египтолог, востоковед и филолог, в 1894-1924 гг. хранитель отдела египетских и ассирийских древностей Британского музея. Многие его работы по сей день остаются популярными, но с научной точки зрения существенно устарели.

мию в шкафу чердачной комнаты, слуги сообщили, что всю ночь по ступенькам спускались вниз отряды существ с факелами, разбивая все, что попадется под руку — и на следующий день дружно уволились.

Примерно в это же время человек по фамилии Уилер подарил музею крышку гроба жрицы⁴; мистер Стед и мистер Мюррей осмотрели ее и заявили, что изображение кажется им портретом измученной души. Они хотели провести в музее спиритический сеанс, чтобы облегчить страдания несчастной. Но официальные лица, естественно, на это не согласились.

Об этой истории стало известно, и публика приняла жрицу Амона-Ра за мумию, разбившую посуду в пригородной гостиниой. В музей приходили письма из таких далеких мест, как Новая Зеландия и Алжир; авторы их прилагали деньги и просили положить к подножию гробовой крышки лилии. Деньги были приняты с благодарностью, но потрачены на более прозаические нужды, как-то содержание музея.

Что касается «Титаника», то сэр Эрнест может сказать лишь следующее: гробовая крышка никогда не покидала музей, хотя во время воздушных налетов ее безопасности ради переносили в подвал; став частью национального собрания, она постоянно находилась во владении музея.

Яркие краски футляра по-прежнему привлекают беспечных посетителей, а сведения о его зловещих свойствах можно получить, тактично обратившись к ближайшему музейному служащему.

⁴ Футляр был подарен Британскому музею от имени Артура Ф. Уилера в июле 1889 г. миссис Уорвик Хант, проживавшей в модном и богатом лондонском районе Холланд-парк. Артур Уилер и есть упоминаемый в статье 1904 г. «мистер У.»

Роджер Лакхерст

**ПРОКЛЯТИЕ МУМИИ:
Опыт исследования слухов**

Первое, о чем напоминает идея «проклятия мумии» — это открытие гробницы фараона Тутанхамона зимой 1922-23 г., совершенное археологом Говардом Картером и его богатым патроном, пятым графом Карнарвоном. Гробница была обнаружена в ноябре 1922 года. Для Картера раскопки в Долине царей были последним шансом: уже более десятилетия никто не находил новых гробниц, и считалось, что все сохранившиеся усыпальницы эпохи Нового царства давно были найдены. Получив известие об открытии, Карнарвон приехал в Египет из Англии. Желая убедиться, что в гробнице сохранились сокровища, они с Картером тайно взломали внутреннюю дверь; последовал знаменитый обмен репликами: «Вы что-нибудь видите?» — «Да, чудесные вещи»¹. Тамбур был вскрыт в конце ноября, и новости об открытии быстро распространились по миру. К погребальной камере исследователи добрались лишь в феврале 1923 г.. К этому времени лорд Карнарвон продал эксклюзивные права на репортажи о находке лондонской «Таймс» за 5,000 фунтов и 75 процентов выручки от перепечаток репортажей; близились к завершению переговоры с Сэмом Голдвином о постановке голливудского фильма.

Представители мировой прессы собрались в Египте. Эксклюзивное соглашение с «Таймс» вызвало большое недовольство, и репортеры «Дейли экспресс» и «Дейли мейл» были направлены в Египет со специальной целью сорвать сделку. Место раскопок бдительно охранялось, однако вскоре у репортеров появился новый сюжет — в начале марта заболел лорд Карнарвон. Ранка, предположительно от укуса комара, вызвала заражение, после жар, заражение крови и наконец пневмонию. Карнарвон умер 5 апреля. Когда он находился на пороге смерти, знаменитая романистка Мария Корелли заявила: «Я не могу не думать о риске, связанном с проникновением в место последнего упокоения царя Египта... В моем распоряжении имеется редкая книга, которой нет в Британском музее... в ней говорится, что неосмотрительно проникшего в запертую гробницу ожидает самое страшное наказание»². Через день после смерти Карнарвона с корабля в Нью-Йорке сошел Артур Конан Дойль; он прибыл в Америку для нового лекционного турне, рекламировавшего спиритуализм. Дойль, сообщила газета «Морнинг пост», «в определенной степени склонен разделять мнение о том, что проникновение в гробницу Тутанхамона, в связи с оккультными и иными духовными влияниями, представляло опасность для лорда Карнарвона. Он заметил: “Смертельная болезнь лорда Карнарвона могла быть вызвана пагубным элемен-

талем»³. Генри Райдер Хаггард, египтолог-любитель с солидным багажом знаний и собственной коллекцией артефактов, публично отверг эти идеи, которые, по его мнению, только «служили на пользу растущей волне суеверий»; в то же время он осудил любовь к сенсациям, втянувшую царственных египетских мертвецов в этот спектакль вульгарной современности⁴. Хаггард выступил за перезахоронение Тутанхамона, чтобы тот «не превратился в объект насмешек туристов самого примитивного сорта»⁵. Автор метафизической прозы ужасов Алджернон Блэквуд, в заказанной ему «Дейли миррор» статье о «магическом проклятии», отстаи-

Говард Картер (справа) и лорд Карнарвон

вал реальность проклятий, но утверждал, что в случае Карнарвона подобное вряд ли имело место. Проклятие, объяснял он, является «яростным и сконцентрированным напряжением мысли, на что, к счастью, едва ли способны обычные умы». Блэквуд был уверен, что энергия проклятия не может сохраняться на протяжении тысячелетий⁶. Помимо этих готических писателей, распространяв-

ших сенсационную историю, другим и влиятельным источником представлений о «проклятии» стал египтолог Артур Вейгалл.

Вейгалл был уволен со своего официального поста в Египетской службе древностей в 1914 г. и с тех пор подвизался в качестве романиста, журналиста, художника-декоратора и поэта-песенника. Газета «Дейли экспресс» отправила его освещать вскрытие гробницы Тутанхамона; вместе с остальными репортерами, ему пришлось в гневе и разочаровании прозябать снаружи. В книге «Тутанхамон и другие эссе» Вейгалл признавался, что был шокирован неуважением, проявленным к гробнице Карнарвоном. В день вскрытия гробницы Вейгалл «повернулся к стоящему рядом человеку и сказал: “Если он [Карнарвон] спустится туда в подобном настроении, я даю ему не больше шести недель жизни”»⁷. Масла в огонь идеи «проклятия» подбросило и сопроводительное эссе Вейгалла «Злые чары древнеегипетских духов», в котором он излагал жуткие истории из собственного опыта и дразнил читателей, отказываясь от научного суждения: «Я лишь расскажу их и предоставлю читателям искать объяснения по своему вкусу»⁸. Артефакты, подобные украшениям из гробниц и мумифицированной кошке, обретали у Вейгалла зловещую сущность и служили роковым предзнаменованием. Но возможно, и нет. Не исключено, что все это были только совпадения или легкое верие, писал Вейгалл. Ранее он был связан с другой историей о мстительных египетских мертвецах. В 1909 г. Вейгалл и его жена Гортензия решили поставить в Долине царей пьесу о фараоне-еретике Эхнатоне, однако от постановки пришлось отказаться после того, как многих исполнителей поразили таинственные болезни. Вейгалл описал этот случай в статье для «Pall Mall Magazine» и любил пугать рассказами о нем туристов в Луксоре⁹.

В некоторых работах Вейгаллу приписывается сомнительная честь инициирования историй о проклятии, хотя он, очевидно, не несет ответственности за них, как и за бесконтрольное распространение слухов о «проклятии Тутанхамона». Ганс-Йоахим Нойбауэр описывает слухи как «невидимую литературу, постоянно меняющую свои формы»¹⁰. В жутких историях о египетских артефактах слухи играли центральную роль. Так происходило потому, что легитимный и организационно оформленный дискурс, а именно египтология, пытался распространить свою власть и подавить распространение суеверий, связанных с древнеегипетскими достопримечательностями и предметами древности. Это напоминало публичный язык дипломатии и международных финансов, то есть попытки разрешить «египетский вопрос», налагая на восприни-

мавшуюся хаотической экономику рамки рациональности и порядка. Однако эти официальные дискурсы только множили слухи о сокрытых или неведомых знаниях. Границы «легитимной» египтологии нередко трудно сохранить в неприкосновенности, особенно в области, связанной с торговлей археологическими артефактами и рассказами об них. Легенды, сложившиеся вокруг артефактов, было невозможно опровергнуть, так как слухи питаются собственным опровержением. Слухи или молва, если снова процитировать Нойбауэра, «основываются на отсутствующих рассказчиках, на людях, которых нет рядом.... Цепочка анонимных рассказчиков начинается в неизвестности и ведет в никуда. Именно эта цепочка и придает слухам их странную достоверность»¹¹. Так произошло и в случае распространения историй, связанных со вскрытием гробницы Тутанхамона.

Утверждалось, что в галерее была найдена глиняная табличка с надписью: «Крылья смерти достигнут любого, кто ступит в гробницу фараона». Картер и Карнарвон уничтожили ее, чтобы феллахи, египетские крестьяне-землекопы, не покинули раскопки¹². Над дверью сокровищницы было якобы написано еще одно проклятие: «Смерть тому, кто войдет»¹³. Рассказывали, что в день, когда археологи вошли в гробницу, любимую канарейку Картера сожрала кобра, символ величия и мощи фараонов¹⁴. Трехлапая собака Карнарвона, Сюзи, остававшаяся в Англии, в момент смерти хозяина (с учетом разницы во времени) якобы жалостно завывала и упала мертвой¹⁵. В последующие несколько лет Тутанхамону приписали двадцать девять смертей. Среди погибших были американский барон-разбойник Джордж Джей Гульд, умерший вскоре после посещения гробницы, единокровный брат Карнарвона, член парламента Обри Герберт (умер в сентябре 1923 года), сэр Ли Стэк, генерал-губернатор англо-египетского Судана, убитый в 1924 году, и несколько ученых, связанных с исследованиями гробницы. Смерти множились в геометрической прогрессии. К примеру, секретарь Говарда Картера, капитан Ричард Беталл, таинственным образом умер в Лондонском клубе в 1929 году. Три месяца спустя психически больной отец Беталла, лорд Вестбюри, покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна своей комнаты. Газета «Таймс» сообщила, что Беталла, «как считалось, преследовало легендарное проклятие фараонов», а в материале телеграфного агентства о смерти лорда Вестбюри говорилось, что он «часто бормотал: “Проклятие фараонов...”»¹⁶. По пути на кладбище, катафалк Вестбюри насмерть задавил восьмилетнего мальчика¹⁷.

Во всем этом мы видим один из главных принципов мельницы слухов: проклятие имеет возвратную силу. Иными словами, существует некая тенденция — распространители историй о проклятии сами попадают в сеть «проклятия». В 1934 году, когда Артур Вейгалл скончался, его собственная газета «Дейли экспресс» вышла с заголовком: «Артур Вейгалл, отрицавший проклятие Тутанхамона, мертв». Репортаж, где приводилось мнение Вейгалла, был озаглавлен: «Проклятие убило Артура Вейгалла»¹⁸.

Некоторые предполагают, что история о проклятии Тутанхамона распространилась так быстро и широко не только благодаря вниманию мировой прессы 1920-х годов, но и самой послевоенной эпохе с ее жадной сенсаций¹⁹. Даже Картер признавал, что публика «страшно скучала, читая бесконечные новости о репарациях, конференциях и мандатах»²⁰. Но подобный ответ поверхностен. Дело в том, что быстрому распространению истории о проклятии способствовали две более ранние легенды, к тому времени уже свыше тридцати лет ходившие по Лондону. Они гораздо хуже документированы, а в редких письменных отчетах особо отмечаются как слухи. В основе историй о «проклятии мумий» лежат эти странные повествования, которые находятся где-то между правдой, выдумками и городским фольклором.

*Бертрам Флетчер Робинсон
(ок. 1906)*

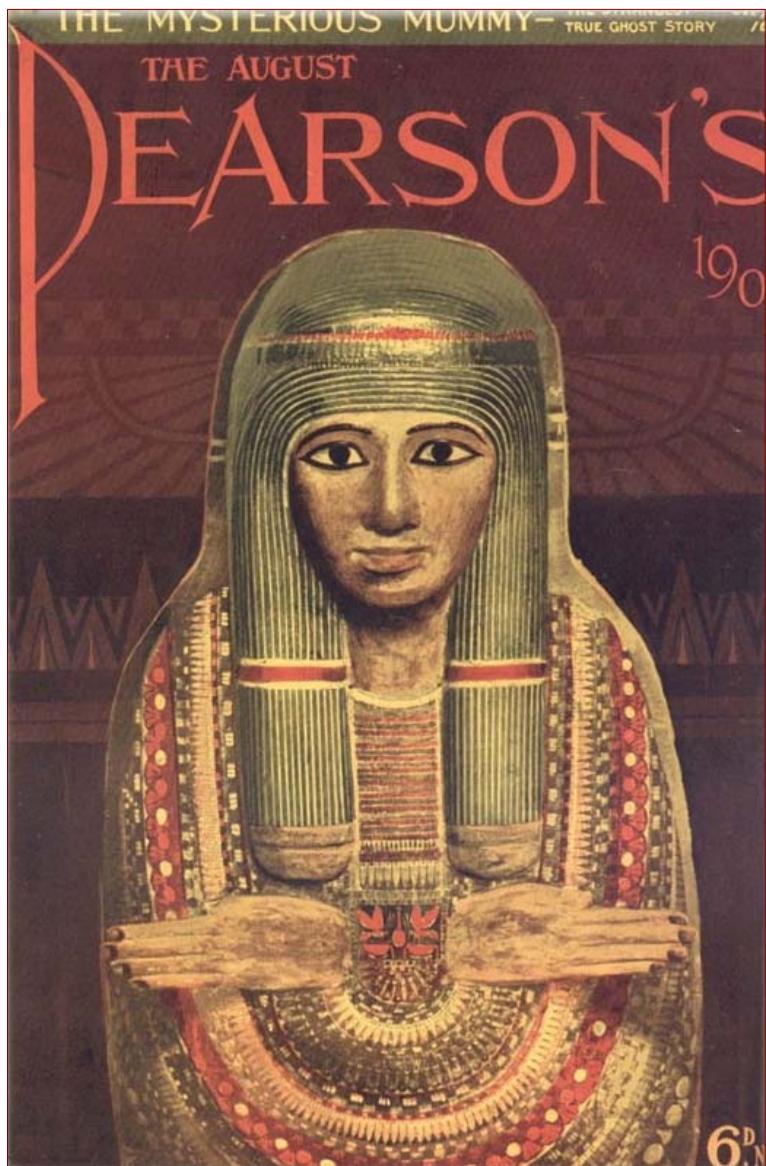

Первое из них связано с джентльменом и светским персонажем Томасом Дугласом Мюрреем, который купил футляр из-под мумии, находящийся сегодня в Британском музее и до сих пор известный как «Проклятая мумия». Реконструировать эту историю нелегко, так как она началась в 1860-х годах, но привлекла внимание публики только после того, как журналист Бертрам Флетчер Робинсон начал расследовать ее в 1904 г. Робинсон был ведущим репортером «Дейли экспресс» во время англо-бурской войны и позднее быстро достиг редакторского кресла. Известно, что он вел свое расследование летом 1904 г. и намеревался оп-

ровергнуть слухи. Робинсон скоропостижно скончался в 1907 г. в возрасте 35 лет от брюшного тифа, подпав под «возвратное проклятие» и став, видимо, его жертвой*. Арчибалд Маршалл вспоминал в мемуарах: «В последний раз, когда я его видел, он рассказал мне чудесную историю о мумии, которая убивала всех, имевших к ней отношение... Не знаю, написал ли он статью о ней, но в скором времени после этого он и сам умер»²¹. В 1909 г. в «Reagon's Magazine» была напечатана статья о «проклятой мумии», основанная на многочисленных анонимных и устных источниках. В других изданиях вскоре появились перепечатки. Успеху истории несомненно способствовало то, что Робинсон был близким другом Артура Конан Дойля, посвятившего ему «Собаку Баскервилей». Дойль и Робинсон познакомились в Южной Африке в 1900 г. во время англо-бурской войны. По возвращении в Англию Дойль провел неделю в дартмурском доме Робинсона; фамильный кучер Генри Баскервиль возил по окрестностям двух писателей, которые собирались вместе сочинить произведение о семейном проклятии и призрачной собаке. Двадцать лет спустя, комментируя смерть лорда Карнарвона, Дойль вспомнил и о Робинсоне. «Я предупреждал мистера Робинсона, что ему не стоит заниматься мумией из Британского музея», — сказал Дойль американским репортерам. «Он продолжал, и последовала его смерть... Непосредственной причиной смерти был брюшной тиф, но так и действовали бы элементарии, охраняющие мумию»²².**

* Смерть Б. Флетчера Робинсона привлекла к себе внимание не только по этой причине: в 1890-х гг. он был известным спортсменом, позднее соавтором П. Г. Вудхауза, в качестве журналиста написал свыше полутора сотен репортажей и статей, издал восемь книг, а в 1904-1907 гг. последовательно редактировал три журнала, включая «Vanity Fair» (*Здесь и далее подстраничные прим. перев.*).

** Остановимся подробнее на этом эпизоде, тем более что замечания Конан Дойля (впервые опубликованные в «Дейли экспресс» 7 апреля 1923 г.) часто приводятся в сокращении. Говоря о связи между смертью Робинсона и «проклятой мумией», писатель заметил: «Нельзя сказать с абсолютной точностью, верно ли это. Если бы у нас имелись необходимые оккультные способности, мы могли бы это определить, но я предупреждал мистера Робинсона, что ему не стоит заниматься мумией из Британского музея... Он продолжал, и последовала его смерть... Я говорил ему, что своим расследованием он бросает вызов судьбе... Непосредственной причиной смерти был брюшной тиф, но так и действовали бы элементарии, охраняющие мумию. Они могли создать для мистера Робинсона ряд условий, вызвавших заражение, и тем самым привести его к смерти: как и в случае лорда Карнарвона, основной причиной смерти была вполне человеческая болезнь».

Обложка номера «Pearson's Magazine» (август 1909) со статьей Г. Ст. Расселла «Таинственная мумия»

При любой попытке реконструировать историю Дугласа Мюррея нужно учитывать, что она представляет собой палимпсест, состоящий из рассказов и слухов, передающих поразительные «откровения» о том, что не могло быть записано. В этой истории имеются противоречащие друг другу моменты, однако в целом она звучит следующим образом. В 1860-х годах, возможно, сразу после окончания оксфордского Экзетер-колледжа в 1864 г., Дуглас Мюррей проводил зиму в Египте в компании четырех друзей.

Томас Дуглас Мюррей

Они остановились в Фивах. В заметках о более позднем зимнем путешествии по Нилу, опубликованных в 1868 г., Мюррей упоминает, что останавливался в доме Люси Дафф Гордон (автора знаменитых «Писем из Египта»)²³. Несмотря на то, что частные покупки такого рода были уже запрещены, Мюррей мечтал увезти домой какой-нибудь древнеегипетский артефакт. Арабские охотники за сокровищами предложили на продажу прекрасный футляр из-под мумии с портретом жрицы Амона-Ра. Мюррей купил его, однако европейцы бросили жребий, чтобы определить, кому достанется находка. По некоторым версиям, Мюррей выиграл и привез футляр в свой лондонский дом. Согласно другим, футляр достался другу Мюррея Артуру Уилеру. Рассказы в основном совпадают в том, что касается немедленных последствий: когда Мюррей на охоте в Египте выстрелил в куропатку, его винтовка соскользнула, и в результате он потерял руку²⁴. На обратном пути умерли два носильщика, переносившие футляр; два других участника путешествия заболели и также скончались. Где бы ни на-

ходилса футляр, за ним следовали неудачи, болезни, несчастные случаи и смерти. Артур Уилер не то в Каире, не то в Лондоне узнал, что потерпел финансовый крах и потерял все свое состояние. К 1869 г. Уилер успел подарить футляр своей сестре, миссис Уорвик Хант, чью семью также постигли бедствия. В 1887 г. была сделана попытка сфотографировать футляр, что привело к смерти носильщика и фотографа; проявленный снимок запечатлел витающий над гробовой крышкой призрачный образ²⁵. В различных рассказах он предстает то женским, то определенно мужским. Злые чары заставили владельцев после смерти Уилера подарить футляр в 1889 г. Британскому музею. Это, по крайней мере, правда — в музейном каталоге он значится под номером 22542.

В музее, однако, футляр по-прежнему создавал нервозную обстановку. В наиболее подробном рассказе об этом, опубликованном Адой Гудрич-Фриер в «Occult Review», утверждается: «Немало говорят о несчастьях, постигших официальных лиц различного ранга в Британском музее, которые подпали под влияние жрицы — но музей отрицает эти слухи»²⁶. В последующих письмах в «Occult Review» рассказывалось о смерти нервного студента или падении с лестницы музея дерзкой дебютантки из высшего общества. В другом сообщении говорится: «Ходят слухи, что с теми, кто пытается зарисовать этот замечательный футляр, происходят необъяснимые вещи»²⁷. Писатель и ясновидящий Элиотт О’Донелл, который в 1909 г. посетил Восточный отдел музея, сообщил о зловещем духе, который выбрался из футляра и затем две недели преследовал его. «Я постоянно видел странные темные лица», — утверждал он, — «египетские по цвету кожи и чертам, которые глядели меня из-за занавесей или с балюстрад». Восточный отдел, решительно заключил он, «полон ужающих, неопишимо зверских и проклятых элементов»²⁸.

История Дугласа Мюррея и жрицы Амона-Ра касалась многих заметных деятелей в поздневикторианских оккультных кругах. Мадам Блаватская, основательница Теософского общества, жившая в конце 1880-х годов в Лондоне, однажды якобы «заметила» футляр в доме Уилеров и «стала просить сестру немедленно избавиться от него, так как он испускал зловещие флюиды»²⁹. Теософское движение Блаватской считало себя частью герметической традиции; в ее раннем сочинении «Разоблаченная Изида» доисторическим источником тайных знаний выступали жрецы Древнего Египта. В качестве посвященной, Блаватская приписывала себе глубокое понимание оккультных влияний. Другим кри-

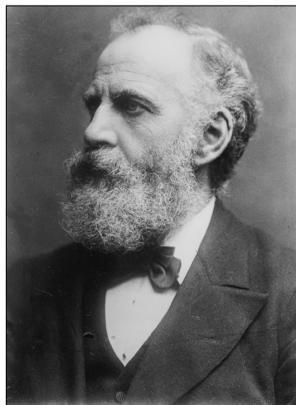
Знаменитая «проклятая» или «несчастливая» мумия – футляр для мумии (экспонат EA 22542) из собрания Британского музея. Футляр украшен изображениями крылатых солнечных дисков, богини Нут в окружении птиц Ба и различных божеств.

тически важным источником истории Мюррея является известный в обществе хиромант Луис Хармон, практиковавший под именем Хейро. Хейро утверждал, что перед несчастливым путешествием в Египет гадал по руке Дугласа Мюррея, которая «вызвала необъяснимое чувство боязни и ужаса» — несомненно, потому, что именно эту руку Мюррей потерял во время несчастного случая на охоте³⁰. Мюррей, пишет Хейро, также сказал ему, что «при взгляде на вырезанное на футляре лицо жрицы глаза ее словно ожили, и я увидел такой ненавидящий взгляд, что кровь моя будто обратилась в лед»³¹. Позднее Хейро утверждал, что посредством магической руки мумии, используемой им в гаданиях, он был заранее предупрежден о смерти лорда Карнарвона³². Историю Дугласа Мюррея, с некоторыми вариациями, вспоминали и в более поздние времена (Монтегю Саммерс в книге 1946 г. «Колдовство и черная магия»; здесь говорилось, что брат Мюррея, сэр Уиндэм Мюррей, полковник, подтвердил истинность рассказов о проклятии).

Последней и весьма важной составляющей был один из друзей Мюррея, ведущий представитель «новой журналистики» того времени У. Т. Стед. Стед, сыгравший важную роль в политике 1880-х годов как редактор «Пэлл-Мэлл газетт», в 1890 году основал журнал «Review of Reviews», но также обратился к оккультизму и начал исповедовать спиритуалистическую веру; в 1890-х годах он публиковал оккультный журнал «Borderlands». Уоллис Бадж, знаменитый хранитель египетских и ассирийских коллекций Британского музея, сообщал, что в 1906 г. Стед и Мюррей проводили в египетских залах оккультные или медиумические эксперименты. Пристрастие Стед к сверхъестественным явлениям позволило жрице осуществить наиболее внушительную демонстрацию проклятия.

Когда «Титаник» в 1912 году отправился в свое первое путешествие, Стед был, без сомнения, самым знаменитым англичанином на борту. Его самоотверженное поведение во время катастрофы лайнера вошло в патриотическую легенду. Спиритуалисты утверждали, разумеется, что первые новости о гибели корабля получили от самого Стед: в конце концов, мертвые рассылают сообщения быстрее телеграфа. Все жадно читали отчеты о последних часах «Титаника». Фредерик Сьюард, обедавший в тот вечер со Стедом, вспоминал, что «мистер Стед много говорил о спиритуализме, передаче мыслей и оккультных материях... Он рассказал о мумии из Британского музея, которая, по его словам, пережила поразительные приключения, однако обрушивала ве-

ликие несчастья на всякого, кто пытался записать ее историю. Он говорил, что этих людей, одного за другим, постигли несчастья»³⁴. Вероятно, Стед, будучи сам журналистом, вспоминал о судьбе Флетчера Робинсона; тот факт, что он подчеркивал опасности, связанные с сочинением статей о мумии, подчеркивает роль слу-

Уильям Томас Стед

хов. Низшие уровни иерархии знания, то есть простые сплетни о мумии, по-видимому, не вызывали гнева жрицы. Последняя застольная беседа Стеда породила слух о том, что футляр находился на «Титанике»: Британский музей якобы решил избавиться от проклятого предмета и продал его нью-йоркскому музею или коллекционеру. Один из видных приверженцев этой гипотезы писал: «Мумию перевозили в деревянном ящике, и по причине большой ценности она не была помещена в трюм “Титаника”, а находилась за капитанским мостиком. Заглядывал ли капитан Свейн* в эти роковые сверкающие глаза?»³⁵

Вторая история о проклятии, относящаяся к этому периоду, просуществовала не так долго; разрозненные слухи о ней проявились быстро и в течение короткого промежутка времени. Она связана с Уолтером Инграмом, младшим сыном Герберта Инграма, основавшего в 1842 г. «Illustrated London News», одну из самых влиятельных газет викторианской эпохи. В 1900-1963 годах бессменным редактором издания был сэр Брюс Инграм, отразивший на его страницах семейную увлеченность египетской археологией. В 1920-х годах он был одним из немногих друзей Говар-

* Так в тексте. Капитаном «Титаника» был Эдвард Джон Смит.

да Картера в мире прессы (а позднее одним из его душеприказчиков). Но со смертью Уолтера Инграма в 1888 г. еженедельник стал составной частью нарратива проклятия. Проклятие окрасило и средство коммуникации, и сообщение.

Уолтер Инграм получил образование в Итоне и Кембридже, сделавшись затем путешественником джентльменом и африканским солдатом. В период, предшествовавший англо-зулусской войне 1879 года, он был одним из разведчиков Джона Данна. В 1885 году он присоединился добровольцем к экспедиции по спасению Гордона. То был иконический момент в истории Британской империи — обреченная на провал попытка спасти эксцентричного генерала Гордона от подлых арабов, поднявших исламистское восстание в Судане. Инграм нанял собственный паровой катер и отправился вверх по Нилу к зоне боевых действий в компании

Уолтер Инграм

художника из «Illustrated London News» Мельтона Прайора, который еженедельно отправлял в редакцию репортажи и зарисовки. Инграм принял участие в двух знаменитых битвах в пустыне с махдистскими силами, сражался вместе с военно-морской бригадой на судне, успевшем подобраться ближе других к Хартуму, прежде чем англичан достигло ужасное известие о том, что Гор-

дон был предан и убит арабами. Инграм, этот смелый доброволец, считался образцовым патриотическим героем; известный империалист сэр Сэмюэль Бейкер объявил его «одним из превосходнейших и храбрейших из людей, прекрасным воплощением человеческого типа, который определяется гордым словом “англичанин”»³⁶.

История о проклятии Инграма попала в печать благодаря интервью, которое его удалой командир лорд Бересфорд дал журналу «Стрэнд» в 1896 г. В качестве сувенира африканского похода, Инграм решил приобрести мумию. Мумию и гроб Нес-Амру (в сегодняшней транскрипции Несмин) он купил у вице-консула в Луксоре всего за 50 фунтов. На гробе, как рассказывается, имелась «таинственная надпись»³⁷. В более поздней версии Гудрич-Фриер, «один из феллахов, переносивших гроб, сказал ему: “Ты знаешь, что с тобой случится? Ты будешь разорван на куски и растоптан, подобно траве”»³⁸. Предупреждения были проигнорированы, мумия была отправлена в редакцию «Illustrated London News», а картонажная маска была передана в дар Британскому музею (в каталоге она значится под номером 24402). Затем мумия и гроб были подарены леди Мьюкс (Meux), содержавшей частный Египетский музей в своем поместье Теобальде-Парк. Подарок занял почетное место в коллекции, и леди Мьюкс заплатила Уоллису Баджу за работу по описанию мумии и переводу иероглифов. Хотя Бересфорд утверждал, что к Британскому музею «обратились с просьбой прислать эксперта для перевода длинной и леденящей кровь надписи», опубликованный перевод не содержит никакого проклятия³⁹.

Три года спустя, в 1888 году, во время охоты на крупную дичь с лордом Генри Мьюксом в Сомали, близ Берберы, Уолтера Инграма убил и растерзал слон. Обезумевшее животное «разбросало» куски его тела; когда их собрали и временно захоронили, чтобы избежать разложения, налетела буря и останки были смыты — таким образом, проклятие исполнилось целиком и полностью. Однако проклятие мутирует в зависимости от контекста. В одной из версий героем становится сэр Брюс Инграм, который «получил в подарок мумифицированную руку, служившую пресс-папье»; рука держала скарабея с иероглифической надписью: «Будь проклят тот, кто потревожит мое тело. Его настигнет огонь, вода и чума». Как гласит один недостоверный мемуар, «через несколько месяцев красивый загородный дом редактора сгорел дотла. Он был отстроен, но нижний этаж вскоре затопило. Сэр Брюс не стал дожидаться чумы. Он отправил мумию... обратно в Долину

царей»⁴⁰. В музеях Рипли «Хотите верить, хотите нет»^{*} также представлена рука мумии, которая якобы навлекла проклятие на Уолтера Инграма. В версии Рипли проклятие таково: «Всякий, кто увезет меня в чужую страну, умрет не своей смертью, и кости его никто не найдет»⁴¹.

Проклятие видоизменяется снова, когда героиней истории становится леди Мьюкс. Валери Мьюкс была одной из самых скандально известных женщин викторианской Англии; эта бывшая девица из казино сумела соблазнить и женить на себе наследника пивоваренной империи Мьюкс. В 1881 ее портрет был заказан Джеймсу Уислеру — возможно, в качестве пропуска в высшее общество, так и не принявшее ее. Вместо этого леди Мьюкс тратила приобретенное в браке состояние на бриллианты, лошадей и египетские артефакты. В ее случае проклятие Несмин было иным: «В проклятии говорилось, что всякий, кто извлечет из гробницы мумию, умрет бездетным и в жутких муках»⁴². Здесь явно имел место ретроспективный взгляд. Сэр Мьюкс, друг Уолтера Инграма, умер от последствий алкоголизма в 1900 г.; Валери Мьюкс умерла бездетной в 1911 г. Свое египетское собрание она завещала Британскому музею, однако из-за ее репутации и условия, по которому коллекция должна была выставляться исключительно целиком, музей отказался от дара. Душеприказчики распродали имущество леди Мьюкс в 1911 г. на аукционе «Сотбис». Мумию и гроб, за ничтожную сумму в 72 фунта, приобрел газетный магнат и маниакальный коллекционер Уильям Рэндольф Херст. Ему также пришлось распрощаться с этими реликвиями, когда в 1939 г. он потерял свое состояние; теперь Несмин находится в коллекции Школы дизайна Род-Айленда.

Примечания

1. Howard Carter и A. C. Mace, *The Tomb of Tut-Ankh-Amen, Discovered by the Late Earl of Carnarvon and Howard Carter*, 3 тт. (NY: Cooper Square, 1963), т. 1, 86.
2. Marie Corelli, 'Pharaoh Guarded by Poisons', *Daily Express* (24 марта 1923), 5.

* Франшиза, основанная американским карикатуристом и предпринимателем Р. Рипли (1890-1949) и посвященная странным событиям и явлениям; включает радио и ТВ-передачи, комиксы, книги и сеть музеев.

3. Arthur Conan Doyle, цит. по Christopher Frayling, *The Face of Tutankhamen* (London: Faber, 1992), 46.
4. 'Talk of Magic. Sir Rider Haggard Condemns it as Nonsense', *Morning Post* (7 апреля 1923), 7.
5. 'King Tut. Reburial in Great Pyramid. Sir Rider Haggard's Plan' (письмо в *Times*, 13 февраля 1923), 13.
6. Algernon Blackwood, 'Superstition and the Magic "Curse"', *Daily Express* (9 апреля 1923), 6.
7. Arthur Weigall, *Tutankhamen, and Other Essays* (NY: George Doran, 1924).
8. Weigall, *Tutankhamen*, 138.
9. Weigall, 'The Ghosts of the Valley of the Tombs of the Queens', *Pall Mall Gazette* (июнь 1912), 753-66.
10. Hans-Joachim Neubauer, *The Rumour: A Cultural History*, пер. С. Brown (London: Free Association, 1999), 2.
11. Neubauer, *Rumour*, 21.
12. Philipp Vandenberg, *The Curse of the Pharaohs*, пер. Т. Weyr (London: Hodder & Stoughton, 1975), 20.
13. Henry Field, *The Track of Man: Adventures of an Anthropologist* (London: Peter Davies, 1955), 43.
14. Сообщено в мемуарах Charles Breasted, *Pioneer to the Past: The Story of James Henry Breasted, Archaeologist, Told by his Son* (Chicago: University of Chicago Press, 1977).
15. Сообщено в: [Sixth] Earl of Carnarvon, *No Regrets* (London: Weidenfeld, 1976), 127.
16. 'Suicide of Lord Westbury', *Times* (22 февраля 1930), 4. Сообщение Universal News Service цит. в: Barry Wynne, *Behind the Mask of Tutankhamen* (London: Corgi, 1972), 169.
17. 'News in Brief', *Times* (26 февраля 1930), 30.
18. *Daily Express* (3 и 4 января 1934), 1.
19. См., к примеру, Frayling, *The Face*, и Jasmine Day, *The Mummy's Curse: Mummymania in the English Speaking World* (London: Routledge, 2006).
20. Carter и Mace, *Tomb*, т. 1, 141.
21. Archibald Marshall, *Out and About: Random Reminiscences* (London: John Murray, 1933), 6.
22. 'Sir A. Conan Doyle's Theory. "Elementals"', *Daily Express* (7 апреля 1923), 1.
23. Путевые заметки Дугласа Мюррея начинаются с «Египта, рождественской недели в Фивах» (*Land and Water*, 11 июля 1868), и продолжают с перерывами, покрывая около года. Поскольку Мюррей на протяжении 12 лет в 1860-70-х гг. постоянно проводил зимние месяцы в Египте, эти заметки, несомненно, не относятся к году его роковой встречи с жрицей Амона-Ра.
24. Несчастный случай описан братом Дугласа Мюррея, полковником сэром Уиндэмом Мюрреем, в: *A Varied Life* (London: Winchester: Warren & Son, 1925), 159-61.

25. Подробности см.в: Montague Summers, *Witchcraft and Black Magic* (NY: Dover, 2000), 109-10.
26. Ada Goodrich-Freer, 'The Priestess of Amen-Ra: A Study in Coincidences', *Occult Review*, т. 17 (1913), 11-19 (с. 16).
27. Cheiro, *True Ghost Stories* (London: London Publishing, n.d.), 54.
28. Elliott O'Donnell, *Haunted Houses of London* (London: Eveleigh Nash, 1909), 92 и 94.
29. Goodrich-Freer, 'Priestess', 15.
20. Cheiro, *True Ghost Stories*, 48.
31. *Ibid.*, 52.
32. О его предупреждениях вспоминает шестой граф Карнарвон в мемуарах *No Regrets*, где также описано предсказание ясновидящей Вельмы, которая предупредила Карнарвона, что путешествие в Египет грозит ему смертью.
33. Sir E. T. A. Wallis Budge, *By Nile and Tigris: A Narrative of Journeys in Egypt and Mesopotamia on Behalf of the British Museum between the Years 1886 and 1913*, 2 тт. (London: Murray, 1920), т. 2, 391.
34. Frederick Seward, цит. в: 'W.T. Stead', *Westminster Gazette* (19 апреля 1912), вырезка в альбоме посвященных Сведу некрологов в Британской библиотеке.
35. Vandenberg, *The Curse*, 197.
36. Sir Samuel Baker, *Wild Beasts and their Ways: Reminiscences of Europe, Asia, Africa and America*, 2 тт. (London: Macmillan, 1890), т. 1, 128.
37. William G. Fitzgerald, 'Illustrated Interviews XLVIII – Lord Charles Beresford', *Strand Magazine* (июль 1896), 1527 (с. 25).
38. Goodrich-Freer, 'Priestess', 19.
39. Fitzgerald, 'Interview', 25. Полный перевод иероглифов см. в: E. A. Wallis Budge, *Some Account of the Collection of Egyptian Antiquities in the Possession of Lady Meux of Theobalds Park, Waltham Cross* (London: Harrison, 1893).
40. Field, *The Track of Man*, 43.
41. Проклятие приводится Рипли с 1968 г. На вопрос о провенансе Эдвард Мейер, вице-президент по делам выставок и артефактов, с готовностью объяснил: «Данной мумифицированной руки у нас нет, но в нашей коллекции имеется несколько забальзамированных рук и, когда мы их выставляем, мы обычно ссылаемся на эту историю» (электронное письмо автору от 23 ноября 2008).
42. Ronald Mott, 'Theobalds Park 1820-1951', в P. E. Rooke (ред.), *Theobalds through the Centuries* (Waltham Cross: Broxbourne Press, 1980), 10-19 (с. 14).

Комментарии

Е. и Х. Херон. История Бэлброу

Впервые: *Pearson's Magazine*, 1898, апрель как часть цикла рассказов «Истинные истории о привидениях», собранных в 1899 в кн. *The Experiences of Flaxman Low*.

«Е. и Х. Херон» – псевдоним Хескетта В. Причарда (1876-1922) и его матери Кейт О'Брайен Райалл Причард (1851-1935). Хескетт Причард, путешественник, искатель приключений, охотник, писатель, журналист и спортсмен, а также майор британской армии, реорганизовавший во время Первой мировой войны снайперское дело, достоин отдельной биографии. Здесь укажем, что совместно с матерью (сопровождавшей его в некоторых путешествиях) он написал несколько популярных в свое время книг. Созданного их воображением Флаксмана Лоу часто, хотя и ошибочно, называют первым в художественной литературе «окультистским детективом».

С. 8. ...*профессор Юнгворт из Нюрнберга* – В книжном варианте этот герой стал профессором Ван дер Воортом из Левена и утратил все немецкие черты; там же, в конце рассказа, почему-то появились «жрецы Урарту» (!).

С. 9. ...*трубки... Бисмарка* – Речь идет о распространенных некогда пенковых «портретных» трубках, изображавших первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка (1815-1898).

С. 15. ...*исходя из названия дома... на могильном холме или кладбище* – Лоу использует слово «barrow» (могильный холм), созвучное «Baelbrow» (Бэлброу). Вымышленное название имения, *Baelbrow*, также переводится с шотландского как «скорбная возвышенность».

С. 20. ...*по фиванскому методу* – Т.е. применялась наиболее длительная и дорогостоящая процедура бальзамирования из трех, описанных у древнегреческого историка Геродота («История», II, 86-88).

Г. Кротцер. Бронзовый постамент

Впервые: *The Black Cat* (Бостон), 1898, март.

Герберт Уильям Кротцер (1851-1898?) – вероятно, журналист и писатель, издававший в 1876 г. журнал, посвященный первой американской Всемирной выставке в Филадельфии, а позднее редактировавший небольшую газету *The Record*. Более точные биографические сведения о нем отсутствуют.

С. Ромер. Таинственная мумия

Впервые: *Pearson's Weekly*, 1903.

«Таинственная мумия» – первое опубликованное произведение Сакса Ромера (Артура Генри Уорда, 1883-1959), плодовитого британского автора детективных и приключенческих романов и повестей, романов «сверхъестественного ужаса» и т.д., прославившегося как создатель образа зловещего доктора Фу Манчу. Выходец из рабочей семьи, Ромер служил чиновником, сочинял песенки и комедийные скетчи, писал для газет и журналов, затем обратился к популярной литературе. В 1912 г. выступил с первым романом о Фу Манчу, в 1920-1930-х гг. стал одним из самых успешных и высокооплачиваемых англоязычных авторов. Неудачные финансовые операции и игра в казино разорили Ромера; после Второй мировой войны он поселился с женой в США, удачно продал права на экранизацию своих произведений и написал серию романов о Сумуру, женской вариации Фу Манчу. Ромер считается одним из главных выразителей идеи т. наз. «желтой опасности» и сегодня критикуется за частые в его произведениях расистские и ксенофобские мотивы. Писатель всю жизнь испытывал явную тягу к оккультизму (и заявлял о своем членстве в различных эзотерических организациях) и был заядлым египтоманом; целый ряд его произведений связан с мумиями, «тайнами Египта», сверхъестественными проявлениями древнеегипетских божеств в современном мире и т.п.

С. 43. ...*Музея Грейт-Портленд Сквер* – Прототипом изображенного в рассказе музея послужил Британский музей.

С. 49. ...*известнейшая тиара во французском музее...подделку* – Намек на золотую тиару скифского царя Сайтаферна, которая была приобретена Лувром в 1896 г. за огромную сумму в 200 тыс. золотых франков и оказалась работой одесского (позднее парижского) ювелира И. Рухомовского (1860-1934).

Ч. Катлифф Хайн. Мумия Томпсон-Пратта

Рассказ был опубликован в авторском сборнике *Atoms of Empire* (1904).

Чарльз Д. Катлифф Хайн (1855-1944) – британский писатель, плодовитый автор ранней фантастики; публиковался также под псевдонимом Везерби Чесни. В его многочисленных рассказах и романах обыгрывались такие темы НФ, как «затерянные миры», невидимость, роботы, космические путешествия, загадочные существа, будущие войны и т.д.; литературное наследие включает готическую фантастику, рассказы ужасов и пр. Потомству Хайн известен в основном как автор романа «Затерянный континент: История Атлантиды» (1899) и приключенческих рассказов о капитане Кетгле.

С. 56. ...*Клер-колледжа* – Клер-колледж – второй по времени основания (1326) из 31 одного колледжа, составляющих Кембриджский университет.

С. 56. ...*Кавендишской лаборатории* – Кавендишская лаборатория – ныне физический факультет Кембриджа; основана в 1874 году как первая в мире учебно-научная лаборатория под руководством Джеймса Максвелла.

С. 57. ...*за почетным столом... в преподавательской* – За почетным столом, как правило, обедают члены колледжа и их гости. Преподавательская (Combination Room) – в Кембридже помещение, где члены колледжа и другие важные персоны после обеда проводили время за вином, десертом и беседами.

С. 57. ...*в «Ободе» – «Обод» (The Hoop)* – старинный, ныне не существующий постоялый двор и гостиница в Кембридже.

С. 57. ... *пароходом «П. и О.»* – Т.е. основанной в 1822 г. Peninsular & Oriental Steam Navigation Company, чьи пароходы во второй половине XIX в. совершали круизные рейсы в Александрию и Каир.

С. 58. ...с *буфетчиком* – Разговор происходит в буфетной (buttery), особом помещении, где можно было приобрести продукты, крепкие напитки, канцелярские принадлежности и т.п.

С. 58. ...в *«Быке»* – «Бык» – До Второй мировой войны историческая гостиница в Кембридже, построенная в 1828 г. на месте старинного постоялого двора «Черный бык».

С. 58. ...*гипу* – Гип (гур, от греч. gyps, стервятник) – в старом Кембридже слуга, обслуживавший студентов.

С. 59. ...*дома Сената... проктора* – В кембриджском здании Сената проводились в свое время последние экзамены; в наши дни, как и прежде, здесь проходит торжественная церемония вручения дипломов (ученых степеней). Проктор – университетский надзиратель.

Г. Эверс. Египетская невеста

Рассказ немецкого мастера ужасов и сверхъестественного Ганса Гейнца Эверса (1871-1943) вошел в авторский сб. *Das Grauen* («Ужасы»), где был опубликован под назв. «Die Topharbraut» («Топфар-невеста»).

С. 70. ... *Вальтер фон дер Фогельвейде* – Немецкий композитор и поэт-миннезингер (ок. 1170 – ок. 1230).

С. 86. ...*ганзейском квартале* – Ганзейский квартал – исторический квартал Берлина между Тиергартеном и р. Шпрее; был разрушен во время Второй мировой войны и в 1957-61 гг. отстроен с участием лучших мировых архитекторов.

С. 86. ...*prosit* – Ваше здоровье (*нем.*).

С. 94. *Adieu!* – Прощайте! (*фр.*).

С. 99. *South-Kensington-Museum* – Музей южного Кенсингтона (англ.).

Ч. Бамп. Исчезнувшая мумия

Рассказ вошел в авторский сб. *The Mermaid of Druid Lake and Other Stories* (1906).

Чарльз Везерс Бамп (1872-1908) – американский писатель, автор сборников рассказов, книги о Колумбе и нескольких травелогов. В рассказе описана реальная мумия, т. наз. «мумия Гучера», одна из двух женских мумий, приобретенных в Египте Д. Гучером (см. ниже) в 1895 г. Мумия, датируемая 305-30 гг. д.н.э., в описываемый период действительно была выставлена в Женском колледже Балтимора; ныне хранится в Археологическом музее Д. Хопкинса в том же городе. Описанный в рассказе раскрашенный деревянный футляр, однако, был утрачен, и его местонахождение остается неизвестным.

С. 105. ...*озадаченные Видоки* – Имеется в виду Э. Ф. Видок (1775-1857), французский преступник, ставший позднее первым главой Главного управления национальной безопасности и одним из первых современных частных детективов.

С. 105. ...*увертюры к «Вильгельму Теллю»* – Речь идет о знаменитой увертюре Джоакино Россини (1792-1868) к опере «Вильгельм Тель» (1829).

С. 105. *Женский колледж* – «Женский колледж Балтимор-сити», основанный в 1885 г., с 1910 г. Гучер-колледж.

С. 106. ...*президент Гучер* – Методистский священник д-р Джон Гучер (1845-1922), один из основателей Женского колледжа и его президент в 1891-1908 гг.

С. 106. *Частью освобожденное от своих покровов...* – В августе 1895 г. Д. Гучер, пытаясь распеленать мумию, освободил часть головы и правую руку; позднее (точная дата неизвестна) покровы были сняты с лица и верхней части тела.

С. 113. ...*чертополоха... чаровницу из Данди* – Чертополох – национальный символ Шотландии. «Чаровница из Данди» («Maid of Dundee») – популярная шотландская песня на слова Д. Гильберта (1873).

С. Ромер. Обезглавленные мумии

Впервые: *The New Magazine*, 1913, № 56 (ноябрь) как часть цикла рассказов о Морисе Клау, вошедших позднее в кн. *The Dream Detective* (полный русский пер.: «Спящий детектив», Salamandra P.V.V., 2012). Для настоящего изд. перевод рассказа заново просмотрен.

С. 117. ...*в Уоппинге* – Исторический район в лондонском Ист-Энде, место обитания моряков и бедноты, известный преступностью и казнями, которые в былые времена совершались неподалеку от жилища Клау.

С. 117. ...*Петтигрю* – Шутка, понятная посвященным: Томас «Мумия» Петтигрю (1791-1865), британский хирург и антиквар, был известным специалистом по мумиям, прославился сеансами их «распеленания» и написал классический труд «История египетских мумий» (1834).

С. 117. ...*в Уондсфорде* – Уондсфорд – Район в юго-западной части Лондона.

С. 118. ...*Секхет* – В общепринятом и более частом варианте Сехмет, древнеегипетская богиня войны, защитница фараонов, олицетворявшая разрушительную солнечную силу и изображавшаяся с головой львицы.

С. 126. ...*Исамалья* – Исамаль – древний город майя в мексиканском штате Юкатан, позднее испанский колониальный и современный мексиканский город.

С. 127. ...*сочон* – Свинья (*фр.*)

С. 128. *Мон диеу* – Боже мой (*фр.*).

С. 130. ...*бубаститов* – Имеются в виду ливийские правители Египта из 22-й династии (943-716 гг. до н.э.), одной из резиденций которых был город Бубастис.

А. Вейгалл. Злые чары древнеегипетских духов

Эссе вошло в авторский сборник *Tutankhamen and Other Essays* (1924).

Артур Эдвард Пирс Вейгалл (1880-1934) – британский египтолог, писатель, журналист и дизайнер. Учился в Лейпциге, затем работал в Египте с Ф. Питри, Ф. фон Биссингом и Г. Картером. В 1905-1914 гг. занимал пост главного инспектора древностей Верхнего Египта. В 1914 г. по причине нервного кризиса оставил свою должность, вернулся в Англию, где стал театральным декоратором, после работал в этой же сфере в кино и затем обратился к журналистике. В качестве корреспондента «Дейли мейл» освещал эпопею открытия гробницы Тутанхамона. За свою жизнь Вейгалл написал немало книг, включая романы, биографии исторических лиц (Эхнатон, Клеопатра, Марк Антоний, Александр Македонский и т.д.), «Путеводитель по древностям Верхнего Египта» и пр. Приведенное эссе, вопреки намерениям автора, стало одной из ключевых составляющих мифа о «проклятии фараонов».

С. 142. *Хархуфа* – Хархуф – египетский сановник XXIII в. д. н. э., номарх Элефантины (самой южной области Древнего Египта), служивший двум фараонам VI династии. Его могила известна интереснейшими иероглифическими надписями, рассказывающими о походе в глубь Африки.

С. 146. ...*зловещей «мумии» из Британского музея* – Подробнее об этой легенде рассказывается в приложениях.

С. 146. ...*случай с журналистом* – Имеется в виду журналист и писатель Бертрам Флетчер Робинсон (1870-1907), подсказавший А. Конан Дойлю сюжет «Собаки Баскервилей». Его ранняя смерть приписывалась зловещему влиянию «мумии» из Британского музея. Подробнее см. в приложениях.

С. 146. ...*Дугласу Мюррею* – Речь идет о Томасе Дугласе Мюррее (1841-1911), адвокате, спортсмене, путешественнике и светском персонаже, увлекавшемся археологией; с середины 1860-х гг. более десятилетия он проводил каждую зиму в Египте.

С. 148. ...*дахабийе* – Традиционное египетское плоскодонное пассажирское судно, обычно с двумя парусами; до конца XIX в. широко использовалось для путешествий по Нилу.

С. 151. ...*Сехмет* – См. прим. к с. 118.

С. 152. ...*Джозеф Линдон Смит* – Американский художник (1863-1950), прославившийся изображениями египетских пейзажей и древностей. По настоянию ряда археологов зарисовывал фрески в новооткрытых гробницах; эти зарисовки представляют собой важнейший материал, по которому можно восстановить первоначальные и быстро тускневшие на свету краски настенных росписей. С конца XIX в. много десятилетий проводил зимние месяцы в Египте или в древних городах Латинской Америки, летние – в основанной им артистической колонии в Дублине (США). Как и его жена Коринна Путнем, упоминаемая в тексте, оставил любопытные мемуары.

С. 154. ...*холма Шейх Абд эль-Курна* – Некрополь Шейх Абд эль-Курна на западном берегу Нила в Фивах с большим количеством частных захоронений, с XIX в. популярная туристская аттракция; назван так по могиле местного святого.

С. 154. ...*Долине цариц* – Некрополь на западном берегу Нила против Луксора, где было обнаружено около 70 гробниц жен и детей фараонов, а также жрецов и вельмож 18-20 династий.

С. 155. ...*царицы Тиу* – Также Тия, Тийя, Тейе и т.д., «великая супруга» Аменхотепа III, мать Эхнатона и бабушка Тутанхамона.

С. 155. ...*царствовал с 1375 по 1358 гг. до н.э.* – По современным данным, Эхнатон правил в 1353/1 – 1336/4 гг. д. н. э.

С. 156. ...*Ф. Ф. Огилви* – Фредерик Форбс Огилви (1871 – ок. 1930), британский художник-акварелист, поселившийся в первые годы XX в. в Египте.

С. 156. ...*офтальмией* – Офтальмия – воспалительное поражение глаз.

П. Аландский. Рука мумии

Впервые: *Мир приключений*, 1924, № 2. Публикуется по этому изданию с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Рисунки М. Михайлова взяты из указанного издания.

Петр Аландский – писатель-фантаст, автор двух рассказов, опубликованных в журнале «Мир приключений» в 1924-1925 гг. Более подробными сведениями о нем мы не располагаем.

Р. Лакхерст. Проклятие мумии

Впервые: *Critical Quarterly*, vol. 52, no. 3 (2010, октябрь). В нашем издании приведена первая часть статьи; далее автор пытается анализировать представления и слухи о «проклятии мумии» в пространенной и, на наш взгляд, имеющей весьма косвенное отношение к избранной теме парадигме «постколониальных исследований» («имперские дилеммы», «колониальные тревоги и скрытое чувство вины», «ориенталистский дискурс» и т.п.).

Роджер Лакхерст (Luckhurst) – профессор новой и современной литературы Лондонского университета, автор ряда книг, в том числе монографии «Проклятие мумии: Истинная история темной фантазии» (2012).

Оглавление

Е. и Х. Херон. История Бэлброу. Пер. В. Барсукова	7
Г. Кротцер. Бронзовый постамент. Пер. М. Фоменко	24
С. Ромер. Таинственная мумия. Пер. А. Шермана	42
Ч. Катлифф Хайн. Мумия Томпсон-Пратта. Пер. М. Фоменко	55
Г. Эверс. Египетская невеста	69
Ч. Бамп. Исчезнувшая мумия. Пер. В. Барсукова	104
С. Ромер. Обезглавленные мумии. Пер. А. Шермана	115
А. Вейгалл. Злые чары древнеегипетских духов. Пер. А. Шермана	140
П. Аландский. Рука мумии	158
Приложения	
<i>The Atlanta Constitution</i> , 1904. Пер. А. Шермана	170
<i>The New York Times</i> , 1923. Пер. А. Шермана	175
Р. Лакхерст. Проклятие мумии. Пер. А. Шермана	179
Комментарии	197

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.